

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2026. Т. 48, № 1

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2026. Т. 48, № 1

Главный редактор

В. Н. Барышников, доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

А. В. ГОЛОВНЕВ

д. и. н., профессор, академик РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (МАЭ РАН) (Санкт-Петербург, Россия)

И. Л. ЖЕРЕБЦОВ

д. и. н., Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзёти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. В. ВОЛОШИНА

д. ф. н., доцент, Томский государственный университет (Томск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

Е. Н. ИЛЬИНА

д. ф. н., профессор, Вологодский государственный университет (Вологда, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

И. А. КЮРШУНОВА

д. ф. н., доцент, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. ЛИТВИН

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)

С. А. НИКОНОВ

д. и. н., доцент, Мурманский арктический университет (Мурманск, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

Е. А. РОСТОВЦЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Н. А. САМОЙЛОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

С. А. СЕМЯЧКО

д. ф. н., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

И. А. СПИРИДОНОВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. Ю. ТАРАСОВ

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. В. ТОЛСТИКОВ

к. и. н., доцент, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2026. Vol. 48, No 1

Editor-in-Chief

Vladimir N. Baryshnikov, Doctor of Sciences in History, Professor
Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Deputy Editors-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)

Sergei G. Verigin, Doctor of Sciences in History, Professor
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrsu.ru

Editorial Board

E. ANISIMOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)

A. GOLOVNEV

Doctor of History, Professor, RAS Academician, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) (St. Petersburg, Russia)

I. ZHEREBTSOV

Doctor of History, Komi Scientific Center of Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)

I. MULLONEN

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

N. FATEEVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

A. ANTOSHCHENKO

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

M. BOBUNOVA

Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

S. VOLOSHINA

Doctor of Philology, Associate Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

V. GOLDIN

Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

T. GRIDINA

Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

N. DRANNIKOVA

Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)

E. ILYINA

Doctor of Philology, Professor, Vologda State University (Vologda, Russia)

D. KOBLENKOVA

Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)

A. KRIVONOZHENKO

Candidate of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

I. KYURSHUNOVA

Doctor of Philology, Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

YU. LITVIN

Candidate of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

O. NIKITIN

Doctor of Philology, Professor, Federal State University of Education (Mytishchi, Russia)

S. NIKONOV

Doctor of History, Associate Professor, Murmansk Arctic University (Murmansk, Russia)

N. PATROEVA

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. PASHKOV

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

I. RAZUMOVA

Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)

E. ROSTOVTSIEV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

M. RUMYANTSEVA

Candidate of History, Associate Professor, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

N. SAMOYLOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

S. SEMYACHKO

Doctor of Philology, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of RAS (St. Petersburg, Russia)

I. SPIRIDONOVA

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. TARASOV

Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

A. TOLSTIKOV

Candidate of History, Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

L. SHESTAKOVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Патроева Н. В.</i>	
От редакции	7
РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ	
<i>Михальчук Н. А.</i>	
Косвенные речевые реализации интенции побуждения в русской прозе XX–XXI веков	9
IV ФОРТУНАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ	
<i>Аллатов В. М.</i>	
И. А. Бодуэн де Куртенэ и смена парадигм на грани веков	18
<i>Богданова-Бегларян Н. В.</i>	
«Обновление словарного пространства»: о новых поступлениях в Словарь pragматических маркеров русской повседневной речи	27
<i>Орлицкий Ю. Б.</i>	
Формирование стиховедческих взглядов Романа Якобсона (1916–1923)	35
<i>Степаненко В. Е.</i>	
Проhibитивные конструкции в запретительных указах Петра Великого 1713–1715 годов	42
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
<i>Колоколова О. А.</i>	
Православные основы русской литературы Карелии XX–XXI веков	48
<i>Цзян Ю.</i>	
Образ китайцев в прозе Всеволода Иванова: от «поглощенного историей» к «творящему историю»	58
VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЯ И ГРЕЦИЯ: ДИАЛОГИ КУЛЬТУР»	
<i>Попова Т. Г.</i>	
Цикл «Монашеские подвиги» по мотивам Слова 5 «Лествицы Иоанна Синайского» на иконе Карельского музея изобразительных искусств, № 1452	65
<i>Приходько Е. В.</i>	
«Светоносный берег» или «светоносный луч»: как заканчивался N-стих алфавитного оракула из Гиераполя?	75
<i>Разумовская Е. А.</i>	
Образ Гомера в письмах «De rebus familiaribus» Франческо Петрарки	84
<i>Тресорукова И. В.</i>	
Семантическое поле «обжорство» в греческой языковой картине мира	90
<i>Щеглова О. Г.</i>	
От греческого Стишного Синаксаря к древнерусскому Стишному Прологу: вопросы текстологии	97
<i>Захарченко А. О.</i>	
Употребление причастия <i>perculsus</i> у Саллюстия как одно из средств архаизации стиля	106
<i>Никитин А. А.</i>	
Неизданный курс «Греческие государственные древности» Д. Ф. Беляева	111
Юбилей	
<i>Кюришунова И. А., Захарова Е. В., Зайцева Н. Г.</i>	
Ученый, учитель, просветитель: к юбилею Ирмы Ивановны Муллонен	119
<i>Contents</i>	124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал вошел в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список», присвоен 2-й уровень (№ ДС/122-пр от 09.09.2025 года)

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrsu.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 30.01.2026. Формат 60 × 90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 40 экз.). Изд. № 5

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**
выпускающий научный редактор
Н. В. Патроева
доктор филологических наук,
профессор
Петрозаводский
государственный университет

Natalia V. Patroeva
Editorial Council Member,
Senior Scientific Editor,
Dr. Sc. (Philology), Professor,
Petrozavodsk State University

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ НАШЕГО ЖУРНАЛА!

Выход в свет первого в 2026 году номера журнала ознаменован изменениями в составе редакции: главным редактором стал известный деятель российской науки из Санкт-Петербургского государственного университета *В. Н. Барышников*, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени, на протяжении целого ряда лет активно работавший в составе редсовета. Одним из двух заместителей главного редактора стал доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета *С. Г. Веригин*. Состав редакционных совета и коллегии пополнился новыми именами исследователей, чьи труды широко известны в российской науке, назову здесь только филологов:

Е. Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета;

С. В. Волошина, доктор филологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой русского языка Томского государственного университета;

С. А. Семячко, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург);

И. А. Кюришунова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии Петрозаводского государственного университета;

И. А. Спиридонова, доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии Петрозаводского государственного университета.

Надеемся, что наш журнал, вошедший в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список» (2-й уровень), укрепит свои позиции и улучшит достигнутые показатели.

Первый номер журнала насыщен статьями, написанными после апробации в ходе работы двух известных в России и за ее рубежами форумов, состоявшихся в нашем университете летом и осенью минувшего года: международной научной конференции «IV Фортунатовские чтения в Карелии»

(5–7 июня 2025 года) и VIII международной конференции «Россия и Греция: диалоги культур» (3–4 октября 2025 года).

«IV Фортунатовские чтения в Карелии» были приурочены к 50-летию научно-педагогической школы кафедры русского языка «Русский язык в его развитии и функционировании», открывшейся в 1975 году в Петрозаводском государственном университете под руководством доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации и Карельской АССР З. К. Тарланова – одного из участников пленарного заседания и члена программного комитета. Участниками конференции стали ведущие исследователи Института языкоznания РАН, Института востоковедения РАН и Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва), Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Российского государственного гуманитарного университета, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена и других вузов России, а также академических и образовательных учреждений ближнего и дальнего зарубежья. На пленарном и восьми секционных заседаниях, на которых выступили ученые, вузовские преподаватели и аспиранты из двенадцати стран Евразии: России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Венгрии, Испании, Италии, Казахстана, Китая, Молдавии, Сербии, Японии, – было заслушано более 150 докладов.

Российско-греческие «диалоги культур» объединили ученых и преподавателей из Афин, Комотини (Греция), Шэнчжэня (КНР), Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Новосибирска, Казани, Мелитополя, Калининграда, Нижнего Новгорода, Петрозаводска, Саратова, Самары, Белгорода, Симферополя, Саранска, Екатеринбурга, Таганрога. Главными темами, обсуждавшимися на ставшем уже традиционным форуме, стали многовековые культурные взаимодействия между Россией и Грецией, библеистика, византинистика, неоэллинистика, античные образы в русской и мировой словесности.

Написанные на основе прозвучавших докладов статьи участников петрозаводских конференций опубликованы в рубриках «IV Фортунатовские чтения в Карелии» и «VIII международная конференция «Россия и Греция: диалоги культур»». Публикация отдельных исследований будет продолжена в последующих номерах журнала.

Завершает номер юбилейная заметка, посвященная ведущему российскому финно-угроведу – доктору филологических наук, профессору, главному научному сотруднику сектора языкоznания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, члену-корреспонденту РАН, заслуженному деятелю науки Российской Федерации и Республики Карелия, многолетнему члену редсовета нашего журнала Ирме Ивановне Муллонен. Обращаю внимание на анонсы научных изданий, автором и соавтором которых является юбиляр.

Надеемся, что данный номер будет интересен и полезен нашим читателям.

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА МИХАЛЬЧУК

кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского языка

Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)

ORCID 0000-0002-2611-9486; n-mihalchuk@list.ru

КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕНЦИИ ПОБУЖДЕНИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ ХХ–ХХI ВЕКОВ

Аннотация. Впервые выявлены специфические особенности речевой презентации побуждения в виде повествовательного высказывания с глаголом в форме сослагательного наклонения в прозе русских писателей ХХ–ХХI веков на протяжении шести хронологических периодов. Доказывается зависимость от времени написания художественного текста следующих характеристик: 1) количественного представления косвенных речевых реализаций побуждения; 2) частотности случаев совмещения директивного и экспрессивного значений; 3) способа выражения пейоративного значения в побудительных высказываниях. Цель статьи – установление особенностей косвенной речевой реализации побуждения в виде повествовательных высказываний с глаголом в форме субъюнктива в русской прозе ХХ–ХХI веков в диахроническом аспекте. Актуальность исследования обусловлена отсутствием целостного и системного описания косвенных речевых реализаций побуждения в художественном тексте в диахроническом аспекте. Использованы методы контекстуального анализа, анализа и синтеза, количественный, компаративный и филологический. Установлены следующие тенденции в русской прозе ХХ–ХХI веков: 1) снижение частотности повествовательных высказываний с глаголом в форме субъюнктива, используемых в значении побуждения, с 14 до 1 %; 2) актуализация речевых форм с совмещением побудительного и экспрессивного пейоративного значений в текстах 1930–1970-х годов; 3) доминирующая роль фактора «социальная принадлежность персонажа», влияющего на выбор типа речевой модели писателем.

Ключевые слова: непрямая коммуникация, косвенный речевой акт со значением побуждения, коммуникативная интенция, сослагательное наклонение

Для цитирования: Михальчук Н. А. Косвенные речевые реализации интенции побуждения в русской прозе ХХ–ХХI веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 9–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1260

ВВЕДЕНИЕ

Устойчивым способом выражения побуждения в русском языке является его реализация в виде повествовательных высказываний с глаголами в форме субъюнктива. Так, в Грамматике русского языка (1960) в качестве особого типа побудительных предложений выделяются предложения со сказуемым, выраженным глаголом в форме сослагательного наклонения. Ср. *Ах, уж оставили бы вы меня в покое*. Авторами также указывается возможность презентации как просьбы, так и совета в форме инфинитивного предложения с частицей бы: *Вам бы полечиться. Вам бы прилечь* [3]. Анализируемый способ выражения побуждения находит отражение и в учебниках по стилистике и культуре речи¹.

Показательно, что прагматический потенциал конструкций с сослагательным наклонением, используемых для выражения директивного значения, характеризуется в лингвистической литературе различными авторами во многом сходно: отмечается снижение категоричности, смягчение реализации интенций, наблюдаемые в этих высказываниях.

Так, например, В. И. Карасик среди средств снижения категоричности высказываний, наряду с модальными словами со значением предположения, вопросительными предложениями с модально-отрицательными компонентами, придаточными условия, эвфемизмами, называет формы сослагательного наклонения [6: 141].

И. А. Шаронов описывает прагматическую характеристику оптатива следующим образом:

«Побуждение к действию адресата при условии, что действие может оказаться для слушающего трудновыполнимым»². Т. В. Ларина также подчеркивает неуверенность и гипотетичность, которые передают формы сослагательного наклонения глаголов, используемые в побудительном значении. По мнению лингвиста, конструкции со значением гипотетичности способствуют уменьшению прямолинейности совета [7: 256].

В. Е. Иосифова акцентирует внимание на ограниченности сферы использования побуждений, презентированных конструкциями с глаголами в форме субъюнктива: они используются в неофициальной обстановке. В таких высказываниях говорящий «выражает необходимость поправить существующую ситуацию в лучшую сторону»³. Р. А. Кулькова утверждает, что сослагательное наклонение в императивном значении реализует программу перестройки деятельности⁴.

Е. П. Багирова и Э. О. Гаврикова рассматривают речевые акты типа *Ты бы к церкви подъехал* как косвенные реализации мягкой просьбы, свидетельствующие о неформальных или семейных отношениях между коммуникантами [1]. Конструкции с инфинитивом и частицей *бы* типа *Вам бы уехать* характеризуются учеными как «максимально вежливый вариант побуждения, ближе к совету или к дружескому предложению, чем к прямой каузации» [1: 17].

В то же время в трудах ряда лингвистов ставится под сомнение вежливость просьбы, представленной повествовательным высказыванием с глаголом в форме субъюнктива. Так, Н. И. Формановская называет просьбу, выраженную подобным способом, «недостаточно вежливой», стоящей «на грани приказания», рассматривает ее как тождественную по структуре императиву. Ср. примеры из статьи Н. И. Формановской: ««Вы бы подвинулись!» (человеку, который не замечает стоящего пассажира); ««Вы бы уступили место пожилой женщине!» (молодому человеку)» [15: 71].

Ц. Саранцацрай, давая оценку косвенным реализациям просьбы с точки зрения требований вежливости, указывает на необходимость наличия модальных лексем *мог* – *могли бы* и вопросительной формы для того, чтобы высказывания могли расцениваться как находящиеся в зоне этикета. Ср. пример вежливой просьбы из работы Ц. Саранцацрай: ««Вы не могли бы посмотреть мою статью еще раз?»»⁵.

В качестве особого типа непрямой коммуникации (термин В. В. Дементьева [5]) учеными трактуются косвенные речевые акты [4], [11]. Они являлись объектом научного изучения в ряде работ зарубежных и российских исследо-

дователей [2], [5], [8], [12], [13], [14]. К косвенным речевым актам в данной статье относим «случаи, когда говорящий подразумевает одновременно и прямое значение высказывания, и нечто большее, а само высказывание имеет две иллоктивные функции» [8: 107]. Одним из типов косвенных высказываний являются конструкции с глаголом в форме субъюнктива, используемые в значении побуждения: первая иллокуция у подобных высказываний – это сообщение, вторая – побуждение. Соглашаясь с определением Н. И. Формановской, побудительность мы считаем одним из «целеполаганий говорящего, отражающим его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата» [14: 188].

В качестве материала для анализа выбраны реалистические и модернистские произведения русских писателей XX–XXI веков. Фактический материал проанализирован в рамках шести хронологических периодов: 1900–1910-е годы; 1920-е годы; 1930–1940-е годы; 1950–1970-е годы; 1980–1990-е годы; 2000–2020-е годы. Научной основой для выделения данных временных промежутков служит периодизация русской литературы в учебнике «История русской литературы XX века» под общей редакцией В. В. Агеносова⁶. Объем материала, проанализированного в рамках каждого из указанных периодов, – порядка 4000 страниц текста. Из рассмотрения исключаются специфические маркированные жанры: детективные, фантастические, исторические, приключенческие рассказы, повести и романы, произведения детской литературы. За пределами исследования остается постмодернистская проза, имеющая игровую природу, несмотря на ее высокую значимость для литературного процесса конца XX – начала XXI века. С целью минимизации опасности стилизации для анализа отбираются только те произведения, в которых наблюдается совпадение описываемой эпохи со временем создания текста автором.

Цель данной статьи – выявление характерных черт косвенной речевой реализации побуждения в виде повествовательных высказываний с глаголом в форме субъюнктива в русской прозе XX–XXI веков в диахроническом аспекте. Анализу подлежит группа косвенных речевых актов со значением побуждения, презентированных повествовательными высказываниями с глагольной формой сослагательного наклонения (общее число примеров – 265).

Изучение косвенных речевых актов проводится в контексте диалога; высказывания отбирались методом сплошной выборки. Среди других методов исследования – метод контек-

стуального анализа (основной), анализа и синтеза (для теоретического обобщения фактов языка), количественный (для количественного описания косвенных речевых актов со значением побуждения), компаративный (для сравнительно-исторического исследования единиц непрямой коммуникации) и филологический (для целостного анализа художественного текста как с языковой, так и с содержательной стороны).

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ СООТНОШЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С СУБЬЮНКТИВОМ В ЗНАЧЕНИИ ПОБУЖДЕНИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ XX–XXI ВЕКОВ

Удельный вес речевых форм с сослагательным наклонением, используемых в значении побуждения, в XXI веке снижается в 14 раз по сравнению с началом XX века (табл. 1). На протяжении столетия некоторое увеличение показателя наблюдается дважды: в материале 1900–1910-х годов и в материале 1950–1970-х годов. Самый низкий удельный вес данной модели косвенной реализации побуждения зафиксирован в прозе XXI века.

Таблица 1

Повествовательные высказывания с глаголом в форме субъюнктива в значении побуждения в русской прозе XX–XXI веков: количественное соотношение на протяжении шести хронологических периодов

Table 1

Declarative statements with a verb in the subjunctive form expressing imperative meaning in Russian prose of the XX and XXI centuries: quantitative ratio over six chronological periods

Хронологический период	Удельный вес высказываний, %
1900–1910-е годы	14
1920-е годы	3
1930–1940-е годы	5
1950–1970-е годы	7
1980–1990-е годы	5
2000–2020-е годы	1

Снижение частотности речевой репрезентации модели в течение столетия, по нашему мнению, обусловлено демократизацией общения, тенденцией к огрублению речи в конце XX – начале XXI века, а также невысокой характерностью для современной русской прозы типов персонажей, которые являются наиболее частотными адресантами анализируемых высказываний. Это прежде всего языковые личности, принадлежащие к социальным группам крестьян, рабочих, а также к отсутствующим в современном обществе прослойкам мещан и купцов. Напротив, увеличение частотности косвенных реализаций побуждения с указанным речевым оформлением в 1900–1910-е и 1950–

1970-е годы объясняется писательским интересом к вышеуказанным типам языковых личностей (в художественной прозе И. Бунина, М. Горького, И. Шмелева, Ф. Абрамова, В. Распутина), а также общей тенденцией к митигации коммуникативных интенций, характерной для данных временных промежутков [9], [10].

КОММУНИКАТИВНЫЕ ИНТЕНЦИИ, РЕПРЕЗЕНТИРОВАННЫЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫМИ ВЫСКАЗЫВАНИЯМИ С ФОРМАМИ СУБЬЮНКТИВА

В первой половине XX века на протяжении всех выделенных хронологических периодов доминирующей коммуникативной интенцией, реализованной конструкциями с формой субъюнктива, является совет. Второе место по частотности занимает просьба, затем – предложение. Приглашение и упрек представлены единичными примерами.

«— *А вы бы ему это объяснили, Павел Павлович, — посоветовал с хитрым лицом Лбов*» (= объясните; совет) (А. Куприн «Поединок»); «*Он повертел книжку в руках и несмело сказал: “А то бы почитал чего-нибудь... А? Уж сделай милость, прочти стишко три-четыре*» (= почитай; просьба) (И. Бунин «Деревня»); «*Ты бы передохнул немножко*» (= передохни; совет) (Н. Островский «Рожденные бурей»); «*Нам бы поговорить наедине, — и она чуть подмигнула Олегу голубым глазом*» (= давай поговорим; предложение) (А. Фадеев «Разгром»).

В 1950–1970-х годах по-прежнему актуализированы интенции совета и просьбы, но в данный временной промежуток между ними уже не наблюдается такое значительное количественное различие, как в предыдущие периоды. Так, в прозе Ф. Абрамова преобладают косвенный совет с указанным способом выражения (19 единиц) и просьба (16 единиц), зафиксированы также примеры поучений (8) и упреков (6).

В целом период 1950–1970-х годов отличается большим разнообразием коммуникативных интенций, чем первая половина XX века. При помощи высказываний, оформленных по анализируемой модели, в текстах произведений репрезентируются интенции смягченной просьбы, некатегоричного совета, митигативные реализации предложения, приглашения, поучения, упрека. Покажем это на примерах.

Просьба:

«*Она смахнула зевнула, поднялась и устало расправила полные, налитые плечи: — спать пора... Да баньку бы к обеду истопить велел*» (= вели) (Ф. Абрамов «Братья и сестры»).

Совет:

«*Ты бы все-таки эту жеребятину оставлял за порогом, когда в свою избу входишь, — с мягким укором посоветовал Михаил*» (= оставляй) (Ф. Абрамов «Пути-перепутья»).

Предложение:

«— Так вы бы должны за стол широкий охват объявить мне благодарность в приказе, — подсказал Леденев» (= объявите) (В. Тендряков «Шестьдесят свечей»).

Приглашение:

«Да ты зашла бы в избу. Чайку бы попили» (= зайди) (Ф. Абрамов «Братья и сестры»).

Поучение:

«Председатель! Бога не боишься, хоть людей бы постыдилась» (= постыдись) (Ф. Абрамов «Братья и сестры»).

Упрек:

«Дала бы человеку поесть! Человек в школу собирается, — сердито сказала Анисья Матвеевна» (= дай поесть, помолчи) (Ф. Вигдорова «Любимая улица»).

В произведениях 1980–1990-х и 2000–2020-х годов на первое место по частотности выходят совет и предложение:

«Неплохо бы и его выслушать» (= давайте выслушаем; предложение) (С. Довлатов «Компромисс»); «Вам бы покреститься надо, пока вы здесь, — говорит он на пороге негромко. — Это условие? — Совет» (= покреститесь; совет) (А. Варламов «Одсун»); «Надо бы встретиться» (= давай встретимся; предложение) (Ю. Поляков «Гипсовый трубач»).

Как видим, в материале всех хронологических периодов наиболее частотными являются косвенные реализации совета. Сложность речевого акта с интенцией совета связана с доминирующей ролью говорящего, авторитет которого вовсе не обязательно принимается адресатом, с давлением, оказываемым на него. Совет предполагает нарушение свободы действий адресата, угрозу его «негативному лицу». Вместе с тем, как отмечает Т. В. Ларина, русская коммуникативная традиция предписывает давать советы и обращаться с просьбами. Данные речевые действия осуществляются в русскоязычной культуре более свободно и широко, чем, например, в англоязычной [7].

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛОМ В ФОРМЕ СУБЬЮНКТИВА В ЗНАЧЕНИИ ПОБУЖДЕНИЯ

По мнению лингвистов (С. Дик, В. И. Красик), коммуникация людей осуществляется в обстоятельствах, обусловленных не только лингвистическими и физическими факторами, но и социально-культурными, сопряженными с понятием социального статуса [6]. По нашему мнению, от фактора «социальный статус персонажа» зависит писательский выбор разновидностей моделей непрямой коммуникации и ее типов.

Так, в рамках речевой модели «повествовательные высказывания с глаголом в форме

субъюнктива», используемой в значении побуждения, выделяется несколько разновидностей, которые различаются стилевой окраской речевых форм, сферой их употребления и степенью вежливости. В результате анализа художественных произведений установлено, что одни из этих разновидностей характерны для речи интеллигенции, группы персонажей с высоким уровнем интеллектуального развития, в то время как другие подтипы свойственны малообразованной группе действующих лиц: представителям крестьянства, рабочего класса, в ряде случаев — мещан и купцов.

Так, в дискурсах персонажей, принадлежащих к социальной группе интеллигенции, актуализированы следующие разновидности исследуемой речевой модели:

1) высказывания с формами сослагательного наклонения глаголов волеизъявления, необходимости, возможности, целесообразности, в которых субъюнктив используется для снижения категоричности интенций (случаи равнозначности сослагательного и изъявительного наклонений, с ослабленным значением ирреальности):

«Я хотел бы, чтобы вы поделились впечатлениями от выставки» (= я хочу = поделитесь; просьба) (К. Федин «Необыкновенное лето»); «Топарев решительно и быстро сказал: “Ну, Сергей Васильевич, на личность, я думаю, можно бы и не переходить!”» (= можно не переходить = не переходите; упрек) (В. Вересаев «На пошороте»);

2) конструкции с личным местоимением в форме дательного падежа, инфинитивом и частицей *бы* (в значении совета, наставления, поучения, предложения), безглагольные предложения с частицей *бы*:

«Вот тут бы тебе спать, на вольном воздухе. Жарко? чай, в конюшне» (= спи тут; совет) (В. Вересаев «К жизни»); «На разоружение идут. Нам бы с ними» (= давайте пойдем; предложение) (В. Маканин «Кавказский пленный»);

3) косвенные реализации совета с начальным лексическим компонентом «Я бы на вашем (твоем) месте»:

«На вашем месте я немедленно уладил бы всю историю» (= уладьте; совет) (А. Грин «Бегущая по волнам»); «Я бы на вашем месте хоть раз в театр ходил» (= ходите; совет) (М. Булгаков «Собачье сердце»).

В дискурсах представителей социальных групп крестьянства и рабочих в литературе советского периода, мещан, купцов и крестьян в проце начала XX века распространенной является иная разновидность анализируемой модели, имеющая менее высокую частотность в дискурсах интеллигенции, — конструкции с глаголами

в форме второго лица прошедшего времени на *л* и частицей *бы*:

«Ах, Кузьма, Кузьма! Ты бы лучие дельное-то что-нибудь сочинил, – ну, хоть про войну, к примеру» (= сочини; совет) (И. Бунин «Деревня»); «На крыльце Яшка сидит, плачет, дурак. Пошла бы ты к нему» (= иди к нему; просьба) (М. Горький «Детство»); «Книг ку-

пил бы» (= купи; просьба) (М. Горький «В людях»); «А Евсей опять вздохнул и сказал: “Шел бы ты, Мишка, домой”» (= иди; совет) (Ф. Абрамов «Две зимы и три лета»).

В подтверждение наших выводов в табл. 2 приведены статистические данные для шести хронологических периодов XX–XXI веков.

Повествовательные высказывания с глаголами в форме субъюнктива в значении побуждения в русской прозе XX–XXI веков: количественное соотношение разновидностей речевой модели

Declarative statements with verbs in the subjunctive form expressing imperative meaning in Russian prose of the XX and XXI centuries: quantitative ratio of speech model varieties

Таблица 2

Table 2

Хронологический период	Удельный вес высказываний, оформленных по модели «форма 2 л. прошедшего времени на л + частица бы» (%)	Удельный вес высказываний, оформленных по моделям «инффинитив + частица бы» (в том числе с опущенным инфинитивом, с модальными лексемами <i>надо, можно, пора</i> и др.), «я бы на вашем (твоем) месте...», «я бы хотел, чтобы вы (ты)» (%)
1900–1910-е годы	69	31
1920-е годы	53	47
1930–1940-е годы	78	22
1950–1970-е годы («деревенская проза»)	88	12
1950–1970-е годы («городская проза»)	58	42
1950–1970-е годы в сумме «деревенская» и «городская» проза	83	17
1980–1990-е годы	43	57
2000–2020-е годы	44	56

Обращает на себя внимание невысокая употребительность разновидностей модели из правого столбца таблицы, характерных для дискурсов интеллигенции, в материале 1930–1940-х годов и в «деревенской прозе» 1950–1970-х годов. Материал данных периодов представлен произведениями, в которых на первый план выходит коммуникация сельских жителей, рабочих и выдвигается новый тип главного героя – представителя советской России, выходца из простонародья, бойца и труженика (проза М. Шолохова, А. Фадеева, Н. Островского, Ф. Абрамова, В. Распутина).

С другой стороны, наблюдаем высокую частотность указанных речевых форм в литературе 1920-х и 1980–2020-х годов, которая в нашем материале представлена прозой В. Набокова, М. Булгакова, А. Грина, Б. Зайцева, В. Маканина, А. Битова, С. Довлатова, Ю. Полякова, А. Варламова, И. Сахновского. Главный персонаж произведений указанных авторов – представитель интеллигенции, а в прозе начала XX века – пред-

ставитель дворянства избирает деликатные речевые формы побуждения, предполагающие дистанцию с адресатом, предоставляющие слушающему возможность ответить несогласием и отказом (не прислушаться к совету, не выполнить просьбу). Как правило, языковыми личностями движет стремление к сохранению личной свободы и независимости партнера по коммуникации.

«Да получше бы ворота запереть, а то ведь знаешь времена какие» (= давайте запрем; предложение) (Б. Зайцев «Странное путешествие»); «Пора бы что-нибудь предпринять» (= пора предпринять = давайте предпримем; предложение) (В. Набоков «Машенька»); «Я бы на твоем месте рванул отсюда, пока выпускают» (= уезжай; совет) (С. Довлатов «Заповедник»).

Разновидность описываемой речевой модели из левого столбца актуализирована в прозе 1900–1910-х, 1930–1940-х годов и в «деревенской прозе» 1950–1970-х годов, что демонстрирует характерность описываемого способа выражения намерения для дискурсов представителей крестьянства, рабочих, а также в прозе начала

XX века – мещан и купцов. Языковые личности, принадлежащие к данным социальным группам, оказываются в центре внимания произведений И. Бунина, М. Горького, И. Шмелевой, М. Шолохова, Н. Островского, А. Фадеева, Ф. Абрамова, В. Распутина. Предпочтение разновидности модели героями объясняется, с одной стороны, их стремлением к искренности контактов, неприятием церемонности, которые коррелируют с фамильярностью, разговорной стилистической окраской данных речевых форм, а с другой стороны – природной добротой персонажей, их интуитивным стремлением смягчать коммуникативные интенции:

«*Поужинали бы и спали бы, спали бы себе!*» (= спите; совет) (И. Бунин «Сосны»); «*Да ты зашла бы в избу. Чайку бы попили*» (= зайди; приглашение) (Ф. Абрамов «Братья и сестры»); «*Вы бы прилегли, Александр Анисимыч*» (= прилягте; совет) (М. Шолохов «Поднятая целина»).

Примечательно, что и в «городской прозе» 1950–1970-х годов данные речевые формы употребляют также преимущественно представители крестьянства:

«*Уж шли бы на свою жилплощадь, что ли, от соседей совестно!* – раздался рядом сдержаный голос Анисы Матвеевны» (= идите; упрек) (Ф. Вигдорова «Любимая улица»).

Таким образом, в то время как речевое поведение группы персонажей с высоким уровнем образования направлено на установление дистанции с адресатом, речевые действия малообразованной группы действующих лиц отражают искренность, которая может быть как уместной, так и избыточной, в зависимости от степени официальности общения и близости с партнером по коммуникации.

СОВМЕЩЕНИЕ ДИРЕКТИВНОГО И ЭКСПРЕССИВНОГО ЗНАЧЕНИЙ В РАМКАХ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ ПОБУЖДЕНИЯ

Несмотря на прагматический эффект митигации, в ряде случаев анализируемые высказывания могут репрезентировать конфликтную коммуникацию. Степень категоричности таких высказываний повышается различными способами. Так, побудительное значение может совмещаться со значениями неодобрения, недовольства и упрека (всего в проанализированном материале выявлено 34 % подобных контекстов). Данный вариант использования речевой модели мы определяем как некооперативный. Как показывают статистические данные, он является весьма актуальным для русской прозы XX–XXI веков (табл. 3).

Таблица 3

Количественное соотношение косвенных побуждений, репрезентированных в виде повествовательных высказываний с формой субъюнктива, с добавочным пейоративным значением в русской прозе XX–XXI веков

Table 3

Quantitative ratio of indirect imperatives represented in the form of declarative statements with the subjunctive form and additional pejorative meaning in Russian prose of the XX and XXI centuries

Хронологический период	Удельный вес высказываний с пейоративным значением (%)
1900–1910-е годы	19
1920-е годы	32
1930–1940-е годы	41
1950–1970-е годы	46
1980–1990-е годы	30
2000–2020-е годы	28

Наличие добавочного пейоративного значения в побудительных косвенных речевых актах с формами субъюнктива имеет наибольший показатель в периоды 1930–1940-х и 1950–1970-х годов, что указывает на усиление конфликтности коммуникации в советский период и речевую агрессию, наблюдавшуюся в эту эпоху даже в области применения кооперативных речевых моделей.

«*– Взяла бы подол в зубы да помолчала, – чей-то хрюпловатый басок*» (= помолчи; совет) (М. Шолохов «Поднятая целина»); «*“Ты хоть бы о доме своем спросил!” – крикнула вдогонку ей Анфиса*» (= спроси; упрек) (Ф. Абрамов «Братья и сестры»).

Формальные показатели пейоративного значения на уровне речевых актов наблюдаются преимущественно в прозе до 1970-х годов и являются наиболее частотными в речи представителей крестьянства. В материале 1900–1970-х годов выявлены следующие грамматические маркеры пейоративного значения:

комплексы *хоть бы, хотя бы*:

«*Хоть бы картузишко-то купил себе!* – кричал он с усмешкой» (= купи; совет) (И. Бунин «Деревня»); «*Ты бы хошь говорела, да не заговаривалась*» (= не заговаривайся; упрек) (В. Распутин «Последний срок»); «*Ты хоть бы обнову-то не гваздала, – сказала мать и взяла у нее с коленей ситец*» (= не используй; упрек) (Ф. Абрамов «Две зимы и три лета»);

конструкции с союзом *чем*:

«*Ты бы чем подрастающему поколению разгон давать, сестре своей приструнку дал*» (= дай; совет) (Ф. Абрамов «Дом»);

экспрессивные высказывания со значением неодобрения в рамках макроречевого акта:

«Срамница! Человек на войну уезжает, а она... Председатель! Бога не боишься, хоть людей бы постыдились» (= постыдись; совет с оттенком упрека) (Ф. Абрамов «Братья и сестры»);

конструкции с противительными союзами *а, да:*

«Тебе бы, старому, надо не махотку на живот накинуть, а трехведерный чугун!» (= накинь; совет) (М. Шолохов «Поднятая целина»).

О неодобрении, недовольстве, упреке могут сигнализировать и авторские комментарии, которые в материале до 1980-х годов играют важную роль при интерпретации контекстов с двойными интенциями:

«Послышались негодующие голоса: “Стыдились бы, мужики, глядеть!”» (= постыдитесь; упрек) (Н. Островский «Рожденные бурей»); «— Вы бы лучше на войну шли, чем тут без дела околачиваться, — негромко и злобно сказал он нам сквозь зубы, дергая вожжи и работая кнутовищем» (= идите; совет) (И. Бунин «Последняя весна»).

В материале 1980–2020-х годов пейоративное значение, как правило, не выражено с помощью грамматических показателей или в авторских ремарках, а реализовано на уровне лексических компонентов высказываний либо эксплицировано в контексте:

«Маруся говорила: “Шел бы ты работать, как все люди”» (= иди; совет) (С. Довлатов «Ремесло»); «— Ты бы оделась, — посоветовал Фараон, — противно смотреть» (= оденься; совет) (В. Токарева «Этот лучший из миров»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, при характеристике побуждений, репрезентированных повествовательными высказываниями с глаголом в форме субъюнктива, в русской прозе XX–XXI веков была выявлена зависимость от фактора «время написания текста» следующих признаков: 1) частотности косвенных реализаций побуждения

в виде конструкций с субъюнктивом; 2) количественного соотношения высказываний с совмещением директивного и экспрессивного значений; 3) способов репрезентации пейоративного значения – с помощью грамматических маркеров, в авторских комментариях, в контексте, на уровне лексических компонентов высказываний.

Установлены следующие тенденции в русской прозе XX–XXI веков:

1) в период с 1900 по 2025 год снижается частотность повествовательных высказываний с глаголом в форме субъюнктива, используемых в значении побуждения (с 14 до 1 %);

2) речевые формы с совмещением побудительного и экспрессивного пейоративного значений актуализируются в текстах 1930–1940-х, 1950–1970-х годов (41–46 %);

3) в материале 1900–1970-х годов доминирующими способами выражения пейоративного значения являются включение грамматических маркеров и указание на неодобрение, упрек или недовольство в авторских ремарках, а с 1980-х годов пейоративное значение реализуется преимущественно с помощью лексических компонентов высказываний и на уровне контекста.

Была выявлена определяющая роль факто-ра «социальная принадлежность персонажа», влияющего на выбор автором произведения разновидностей исследуемой речевой модели «высказывания с глаголом в форме субъюнктива». Так, представители социальных групп с высоким уровнем образования выбирают разновидность анализируемой модели «инффинитив + частица *бы*» (в том числе с опущенным инфинитивом, с модальными лексемами *надо, можно, пора* и др.). Социальные группы, которые относятся к малообразованным, выбирают разновидность модели «форма 2 л. прошедшего времени на *л + частица бы*».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка: Учеб. для вузов по спец. «Журналистика». М.: Высш. шк., 1987. 399 с.

² Шаронов И. А. Категория наклонения в коммуникативно-прагматическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 20 с.

³ Иосифова В. Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 33 с.

⁴ Кулькова Р. А. Функционирование сослагательного наклонения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 25 с.

⁵ Саранцацрал Ц. Способы выражения побуждения в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 27 с.

⁶ История русской литературы XX века: В 2 ч. Ч. 1; Учебник для академического бакалавриата / В. В. Агено-сов, К. Н. Анкудинов, А. Ю. Большакова [и др.]; Под общ. ред. В. В. Агеносова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. 795 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багирова Е. П., Гаврикова Э. О. Непрямая коммуникация: речевой жанр скрытой просьбы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2022. Т. 8, № 3 (31). С. 6–22. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-6-2
- Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Иностранные языки в школе. 1982. № 5. С. 11–17.
- Грамматика русского языка: [В 2 т.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.
- Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 374 с.
- Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. 245 с.
- Карасик В. И. Язык социального статуса: Социолингвистический аспект. Прагмалингвистический аспект. Лингвосемантический аспект. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
- Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Памятники древней Руси, 2009. 512 с.
- Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
- Михальчук Н. А. Косвенные реализации интенции побуждения в художественном тексте: диахронический аспект // Русский язык: система и функционирование: Материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию филол. факультета Белорус. гос. ун-та, Минск, 22–23 окт. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т; Редкол.: И. С. Ровдо (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2025. С. 147–152.
- Михальчук Н. А. Речевые модели косвенного выражения интенции побуждения в русской прозе 1950–1970-х гг. // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філагогія. Педагогіка. 2025. Т. 15, № 2 (46). С. 46–55.
- Нестрова Т. В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (156), ч. 1. С. 156–162.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Едиториал УРСС, 2002. 288 с.
- Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Сб. ст. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 195–223.
- Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Ин-т рус. яз., 1998. 291 с.
- Формановская Н. И. Способы выражения просьбы в русском языке (прагматический подход) // Русский язык за рубежом 1984. № 6 (67). С. 67–72.

Поступила в редакцию 09.06.2025; принята к публикации 31.10.2025

Original article

Natalia A. Mikhalkchuk, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Doctoral Candidate, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)
 ORCID 0000-0002-2611-9486; *n-mihalchuk@list.ru*

INDIRECT SPEECH REALIZATION OF IMPERATIVE INTENTION IN RUSSIAN PROSE OF THE XX AND XXI CENTURIES

Abstract. This study is the first to identify the distinctive features of speech representation of imperatives expressed as declarative statements with a subjunctive verb form within Russian prose of the XX and XXI centuries, analyzed across six chronological periods. The research demonstrates that the following characteristics depend on the period in which a literary work was produced: (1) the frequency of indirect verbal manifestations of imperatives; (2) the prevalence of instances where directive and expressive meanings are combined; and (3) the way of conveying pejorative meaning in imperative statements. The aim of the article is to explore the specific features of how imperatives are realized indirectly in speech through declarative statements containing verbs in the subjunctive form in Russian prose of the XX and XXI centuries in a diachronic aspect. The relevance of this study stems from the lack of a comprehensive and systematic diachronic description of indirect speech realizations of imperatives within literary texts. The study employed methods such as contextual analysis, analytical and synthetic approaches, as well as quantitative, comparative, and philological methods. The findings reveal several trends in Russian prose across the specified centuries: (1) a decline in the frequency of declarative statements with subjunctive verbs used as imperatives, decreasing from 14 % to 1 %; (2) the actualization of speech forms that combine imperative and expressive pejorative meanings in texts from the 1930s to the 1970s; and (3) the dominant influence of such factor as the “character’s social status” on the author’s choice of speech model.

Keywords: indirect communication, indirect speech act with imperative meaning, communicative intention, subjunctive mood

For citation: Mikhalkhuk, N. A. Indirect speech realization of imperative intention in Russian prose of the XX and XXI centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):9–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1260

REFERENCES

1. Bagirova, E. P., Gavrikova, E. O. Indirect speech acts of modern communication: speech genre of hidden request. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 2022;8-3(31):6–22. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-6-2 (In Russ.)
2. Gak, V. G. Pragmatics, usage, and grammar of speech. *Inostrannye yazyki v shkole*. 1982;5:11–17. (In Russ.)
3. Grammar of the Russian language: In 2 vols. Moscow, 1960. (In Russ.)
4. Dementyev, V. V. Indirect communication. Moscow, 2006. 374 p. (In Russ.)
5. Dementyev, V. V. Indirect communication and its genres. Saratov, 2000. 245 p. (In Russ.)
6. Karasik, V. I. Language of social status. Sociolinguistic aspect. Pragmalinguistic aspect. Linguosemantic aspect. Moscow, 2002. 333 p. (In Russ.)
7. Larina, T. V. Politeness category and communication style: comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions. Moscow, 2009. 512 p. (In Russ.)
8. Makarov, M. L. Fundamentals of discourse theory. Moscow, 2003. 280 p. (In Russ.)
9. Mikhalkhuk, N. A. Indirect realizations of imperative intention in fiction literature: a diachronic aspect. *The Russian language: system and functioning: Proceedings of the X International Research Conference Dedicated to the 85th Anniversary of the Department of Philology at Belarusian State University*. Minsk, 2025. P. 147–152. (In Russ.)
10. Mikhalkhuk, N. A. Speech models of indirect expression of intention and motivation in Russian prose of the 1950–1970s. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*. 2025;15,2(46):46–55. (In Russ.)
11. Nesterova, T. V. Indirect communication in everyday sphere (the Russian language interaction). *Philology. Theory & Practice*. 2015;5(156-1):156–162. (In Russ.)
12. Paducheva, E. V. Statement and its correlation with reality. Moscow, 2002. 288 p. (In Russ.)
13. Searle, J. R. Indirect speech acts. *New developments in foreign linguistics: Collection of articles*. Moscow, 1986. Issue 17: Theory of speech acts. P. 195–223. (In Russ.)
14. Formanovskaya, N. I. Communicative-pragmatic aspects of communication units. Moscow, 1998. 291 p. (In Russ.)
15. Formanovskaya, N. I. Ways of expressing a request in Russian (a pragmatic approach). *Russkiy yazyk za rubezhom*. 1984;6(67):67–72. (In Russ.)

Received: 9 June 2025; accepted: 31 October 2025

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ АЛПАТОВ

доктор филологических наук, академик РАН, главный научный сотрудник

Институт языкоznания Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-4323-2832; v-alpatov@iling-ran.ru

И. А. БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ И СМЕНА ПАРАДИГМ НА ГРАНИ ВЕКОВ

Аннотация. Анализируется роль научного наследия Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ в переходный период развития языкоznания на рубеже XIX–XX веков. Цель исследования – выявить и охарактеризовать ключевые аспекты его теории, определившие смену научной парадигмы: отказ от исключительно исторического подхода, введение и разработка понятий фонемы и морфемы, разграничение синхронии и диахронии, а также обоснование психологической и социальной природы языка. Новизна работы заключается в комплексном рассмотрении идей Бодуэна де Куртенэ в контексте преодоления кризиса компаративистики и формирования основ структурной лингвистики. Особое внимание уделяется его взглядам на системность языковых изменений, роль сознательного вмешательства в язык и критику догм сравнительно-исторического метода. Актуальность исследования обусловлена сохраняющимся влиянием концепций ученого на современную лингвистику, включая фонологию, морфологию и социолингвистику. Подчеркивается, что Бодуэн де Куртенэ не только предвосхитил многие направления развития науки XX века, но и заложил методологические основы для изучения языка как динамической системы, сочетающей в себе индивидуально-психическое и социальное начала.

Ключевые слова: Бодуэн де Куртенэ, изучение живых языков, фонема, морфема, мировое языкоznание
Для цитирования: Алпатов В. М. И. А. Бодуэн де Куртенэ и смена парадигм на грани веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 18–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1261

ВВЕДЕНИЕ

Иван Александрович (Ян Игнацы Нечислав) Бодуэн де Куртенэ – один из крупнейших мировых лингвистов конца XIX – начала XX века, с этим не спорят. А вот его национальную принадлежность оценивают по-разному: и в России, и в Польше его считают «своим» (польским лингвистом его признают и на Западе). Этот ученый выходил за пределы национальных рамок. Бодуэн де Куртенэ в течение своей долгой жизни работал в трех странах: России, Австро-Венгрии и Польше, писал на четырех языках: русском, польском, немецком и много реже на французском. Недаром наиболее полное издание его трудов [3], [4] было осуществлено в русском и польском вариантах: в одном из них тексты, написанные по-русски, печатались в оригинале, а с польского языка переводились, а в другом варианте – наоборот. При этом ученого, работавшего более шестидесяти лет и написавшего более четырехсот научных текстов, немного книг или публикаций большого объема, а те, что есть,

посвящены в основном сравнительно узким темам: хорватские диалекты, латинская фонетика, фонетические альтернации, история польского языка. Исключение – разве что учебник «Введение в языкоznание», уже в наше время переизданный издательством «УРСС» [2], но и он не дает полного представления об идеях Бодуэна. Наиболее концентрированным изложением концепции автора, пожалуй, стала статья «Язык и языки» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефремова. Однако сам жанр энциклопедической статьи требовал большой краткости и популярности изложения. А многие важнейшие и продуктивные идеи излагались Бодуэном де Куртенэ лишь попутно, по ходу обсуждения каких-либо иных, часто довольно узких вопросов. В полной мере с его взглядами можно познакомиться, лишь рассматривая его научное творчество в целом. Показательно, что в хрестоматии¹ Бодуэн представлен работой, написанной им в 25 лет, где много нового и интересного, но его идеи тогда еще сложились не полностью, а найти что-либо закон-

ченное В. А. Звегинцеву, видимо, не удалось, поскольку ученый постоянно находился в процессе поисков истины и нередко менял свои взгляды. Например, понятия фонемы, морфемы, слова и определения этих понятий далеко не одинаковы в его работах разных лет. Представить учение Ивана Александровича в каком-то статичном и законченном виде невозможно. С другой стороны, пониманию его идей способствуют иные его черты: четкость и ясность изложения, умение писать просто о сложном.

АНАЛИЗ И ОБСУЖДЕНИЕ

Время, когда начинал работать Бодуэн де Куртенэ, было прежде всего эпохой господства исторического подхода к языку. Считалось, что изучение языка без обращения к его истории может быть лишь «описательным», а объяснение того или иного явления языка состоит в указании на его происхождение. Самым престижным считалось сравнительно-историческое языкознание. Наиболее влиятельной была немецкая школа младограмматиков, исходившая из вышеуказанных постулатов. Очень последовательно такой подход содержался в очерке истории языкознания датского ученого В. Л. Томсена (1902), изданном и по-русски². История языкознания рассматривалась здесь как история компаративистики: сначала «доисторический период», начиная с Античности, потом этапы формирования исторического подхода, наконец, подробное рассмотрение сравнительно-исторических исследований. Однако во второй половине XIX века сложилась особая лингвистическая дисциплина – экспериментальная фонетика. Появились приборы, научились выделять из текста отдельные звуки и давать им характеристики. Казалось бы, максимально далекие от историзма проблемы: чистая синхрония. Но развитие фонетических исследований отражало другую черту науки в эпоху позитивизма: крайний эмпиризм, «преклонение перед фактом», по выражению В. Н. Волошина, нелюбовь к обобщениям. Историки языка в большинстве случаев фиксировали исторические изменения в языках, но не стремились выявить причины этих изменений. Обе указанные черты не принял И. А. Бодуэн де Куртенэ. Его мало интересовала фонетика в чистом виде (антропофоника, как он ее называл), он заинтересовался «психофонетикой», которую только предстояло создать.

К концу века все чаще говорили о кризисе в языкознании. Начинались поиски новых под-

ходов, что проявлялось, помимо экспериментальной фонетики, и в школе слов и вещей, и в лингвистической географии, и в неолингвистике. Идеи Н. Я. Марра стояли в этом ряду, но данное направление оказалось тупиковым.

Но были и языковеды, чьи искания соответствовали идеям переломного времени – можно сказать, что они предвидели будущее в лингвистике. Например, Ф. Ф. Фортунатов, которого П. С. Кузнецов ставил в один ряд с И. А. Бодуэном де Куртенэ и Ф. де Соссюром, а Л. Ельмслев считал своим предшественником, в том числе в связи с четким различием синхронии и диахронии. Ф. Ф. Фортунатов внес большой вклад в теорию грамматики. Новую перспективную научную парадигму удалось создать И. А. Бодуэну де Куртенэ (на первых этапах совместно с Н. В. Крушевским).

Иван Александрович уже в вышеупомянутой ранней работе «Некоторые общие замечания о языковедении и языке», написанной в 25 лет, еще не всегда свободный от влияния традиции, уже начинает выходить за рамки чисто исторического подхода к языку. Среди разделов «чистого языковедения» выделяется «всесторонний разбор положительно данных, уже сложившихся языков», среди которых выделены «живые языки народов во всем их разнообразии», которые игнорировались университетскими профессорами. В области фонетики историческая фонетика признается лишь одной из трех дисциплин: две другие не связаны с историей. Одна дисциплина рассматривает звуки с чисто физиологической точки зрения, другая изучает их «с морфологической, словообразовательной» [3: 65–66]. Понятие фонемы еще отсутствует, но здесь уже можно видеть прообраз будущего разделения антропофоники и психофонетики, к которому Бодуэн пришел уже в Казани.

В дальнейшем И. А. Бодуэн де Куртенэ, никогда не отказываясь от правомерности исторического подхода к языку, постоянно обращался к анализу современных языков и требовал рассматривать языки не только в «динамике», но и в «статике» (в других терминах, диахронии и синхронии). В программе казанского курса 1877/78 года он писал: «Исследованием законов равновесия языка занимается статика, исследованием же законов движения во времени, законов исторического движения языка – динамика» [3: 110]. Отмечу, что стремление к изучению живых языков сказывалось и на научно-общественной деятельности ученого. Он был противником клас-

сического образования, уделявшего главное внимание преподаванию «мертвых» греческого и латинского языков; в таком внимании Бодуэн видел лишь «унаследованный от прошлого пережиток». Он подчеркивал: «Только живой язык, язык, существующий в голове ученика, поддается всестороннему наблюдению и опыту» [3: 134], поэтому как «средство развития ума» необходимо лишь преподавание родного языка учащихся. В то же время Бодуэн де Куртенэ никогда не отрывал статику от динамики так, как это делал его знаменитый младший современник Ф. де Соссюр, для которого между синхронией и диахронией лежала непреодолимая пропасть. Ученый указывал:

«В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики» [3: 349].

Тем не менее наибольшее признание в мировой науке получили идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ о статике. Это, прежде всего, введение двух фундаментальных лингвистических понятий – фонемы и морфемы. Хотя оба термина существовали и до него, но имели иной смысл; приоритет ученого в формировании современных представлений о фонеме и морфеме общепризнан в мире.

Понятие фонемы, по сути, неосознанно присутствовало уже давно. Известно, что создатели древних алфавитов были, по выражению Н. Ф. Яковлева, «стихийными фонологами», а среди фонетических различий еще в древности в первую очередь принимались в расчет те, которые отражались в психологии. Не имеющие фонологической значимости фонетические различия до XIX века в большинстве просто не замечались. Но когда фонетика во второй половине века стала экспериментальной, то уже первые, самые несовершенные приборы обладали слишком большой различительной силой по сравнению с нуждами лингвистики: выявились звуковые различия, не замечавшиеся ни носителями языков, ни языковедами. Стало ясно, что для теоретической лингвистики нужны четкие критерии. Впервые в мировой науке над этим стали работать И. А. Бодуэн де Куртенэ и Н. В. Крушевский, а после ранней смерти последнего продолжением работы и ее печатным изложением занимался Бодуэн.

Термин «фонема», как указывал сам Иван Александрович, он по совету своего ученика Н. В. Крушевского взял у Ф. де Соссюра (но

не из знаменитого «Курса общей лингвистики», тогда еще не существовавшего, а из его ранней книги о праиндоевропейской системе гласных), коренным образом переосмыслив. Впервые этот термин появляется в работе «Некоторые отделы “сравнительной грамматики славянских языков”» (1881) [3: 121].

Иван Александрович давал не совсем совпадавшие определения фонемы в 1881, 1895, 1899, 1927 и других годах. Однако неизменными оставались два положения: множество произносимых звуков сводится к небольшому количеству фонем, фонемы имеют психологический характер. Как справедливо указала современная исследовательница наследия ученого А. Адамская-Салачак, разные определения фонемы у Бодуэна, различаясь в теории, существенно не отличаются при их применении на практике [8: 40].

И. А. Бодуэн де Куртенэ всю науку о звуках назвал фонетикой, или фонологией (эти два термина он употреблял как синонимы). В ее составе выделяются антропофоника и психофонетика, а также историческая фонетика. «Антропофоника занимается научным изучением возникновения преходящих фонационных явлений, или физиолого-акустических явлений языка, а также взаимных связей между этими явлениями» [4: 354–355]. Антропофоника, которой ученый специально не занимался, создает базу для психофонетики, но «только опосредованно принадлежит к собственно языкоznанию, основанному целиком на психологии» [3: 354]. В конце жизни ученый полностью относил антропофонику к естественным наукам. Психофонетика же – собственно лингвистическая дисциплина, изучающая «фонационные представления» в человеческой психике, а также их связи с другими представлениями – морфологическими и семasiологическими (семантическими) [3: 355]. Впоследствии фонологическая терминология изменилась, однако ученик Ивана Александровича Е. Д. Поливанов сохранил термин «психофонетика» даже в 30-е годы XX века.

Фонема – минимальная единица психофонетики. Вот одно из ее определений: «Фонема... есть однородное, неделимое в языковом отношении антропофоническое представление, возникающее в душе путем психического слияния впечатлений, получаемых от произношения одного и того же звука» [3: 351–352]. Таким образом, фонема – не абстракция и тем более не конструкт, создаваемый лингвистом. В человеческой психике она существует вполне объективно, хотя у разных людей звуковые представления могут

не совпадать. «Фонемы – это единые, непреходящие, представления звуков языка» [3: 353]. Все здесь сказанное соответствовало психической реальности, но как можно было при разбросе индивидуальных представлений выработать строгие критерии выделения фонем? Первоначально Бодуэн считал, что фонемы неделимы психически, хотя соответствующие антропофонические единицы можно членить на части и дальше. Однако в поздних работах 1910–1920-х годов его точка зрения изменилась:

«Анализ фонемы... приводит к ее разложению на наиболее простые реальные представления, неделимые с психической точки зрения... Я позволю себе называть эти представления произносительных работ *кинемами*, а представления акустических нюансов, неделимых с психической точки зрения, *акусмами*. Сочетания кинем и акусм в единое целое составляют фонемы» [4: 203].

Последние понятия не прижились в лингвистике, но предвосхитили появившуюся уже в 50-е годы концепцию дифференциальных признаков Р. Якобсона, Г. Фанта и М. Халле.

Психологизм концепции Бодуэна де Куртенэ не был принят большинством его последователей, поскольку для формировавшегося структурализма психологические критерии были недостаточно четкими и слишком субъективными. Поэтому лингвисты Пражской и Московской школ, как и дескриптивисты, а позже и часть непосредственных учеников Бодуэна (прежде всего Л. В. Щерба), приняв идею фонемы, старались выработать иные, более строгие критерии выделения этих единиц. Однако и разграничение звука и фонемы, и само понятие фонемы остались и остаются в науке до наших дней.

Морфема, минимальная единица морфологии, также понималась И. А. Бодуэном де Куртенэ психологически. Для него морфемой была любая часть слова (корень или аффикс), обладающая самостоятельной психической жизнью и далее неделимая с этой точки зрения. Морфема также понималась им как реально существующая единица:

«На все морфологические элементы живого мышления – морфемы, синтагмы... следует смотреть не как на научные фикции или измышления, а только как на живые психические единицы» [4: 43].

Во «Введении в языковедение» Бодуэн приводил существование «обмоловок» вроде *брыками ногает, вертом хвостит* вместо: *ногами брыкает, хвостом вертит* в качестве доказательства «реально-психического существования» морфем. И в определении морфем у Бодуэна кое-

что менялось. В публикациях XIX века он рассматривал морфему как часть слова, но в более поздних работах («Язык и языки» и др.) он уже выделял морфемы независимо от слов.

Психологизм подхода ученого и здесь не был принят следующим поколением лингвистов, однако понятие морфемы прочно утвердилось. До того были лишь понятия корня и аффикса, а обобщающее понятие не было распространено. Идея о морфеме как центральной единице морфологии стала одной из основополагающих в разных направлениях науки о языке XX века.

Оригинальными были и взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ на слово, которые, однако, не получили такого резонанса, как в случае фонемы и морфемы. С 1900-х годов он отказался от свойственного традиционному языкоznанию словоцентризма: «Разве только слова произносятся? Слова являются обыкновенно частями фактически произносимого» [4: 247]. Одним из первых в мировой науке он предложил при анализе языка рассматривать в качестве исходных единиц не слова, а целые высказывания, которые могут подвергаться двоякому членению: «с точки зрения фонетической» и «с точки зрения морфологической». Первое членение предполагает выделение «фонетических фраз», «фонетических слов», слогов и фонем. Второе выделяет «сложные синтаксические единицы», «простые синтаксические единицы» («семасиологически-морфологические слова») и морфемы [4: 79]. Традиционное понятие слова, как можно видеть, расщепляется на два понятия: «фонетического слова» и «семасиологически-морфологического слова»; эти единицы имеют разные свойства и не всегда совпадают по протяженности. Здесь Бодуэн, несмотря на сохранявшийся психологизм, сделал шаг в сторону выделения единиц языка на основе чисто лингвистических закономерностей: нерасчлененное понимание слова имеет прежде всего психологическую основу, а собственно языковые свойства «фонетических слов» и «семасиологически-морфологических слов» существенно различны.

Более всего на развитие мировой науки повлияли идеи ученого в области статики, но для самого И. А. Бодуэна де Куртенэ особенно важны были проблемы языковой динамики, то есть закономерности языкового развития, которые он не сводил к традиционной сравнительно-исторической проблематике. Его мало интересовали конкретные реконструкции, составлявшие суть компаративистики; на эти темы он написал немного и лишь в ранний период деятельности.

Его занимали более общие проблемы – как и почему могут изменяться языки.

Как подчеркивает А. Адамская-Салачак, от других ученых той эпохи, также ставивших вопрос о причинах изменений в языке, И. А. Бодуэн де Куртенэ (как и Н. В. Крушевский) отличался признанием их системности, рассмотрением в связи со всей системой языка [8: 49]. В ранней работе «Некоторые общие замечания о языковедении и языке» он выделял пять факторов, вызывающих развитие языка. Среди этих факторов особо отметим «стремление к удобству», к разного рода «экономии работы»: работы мускулов, нервных разветвлений, слухового аппарата, головного мозга и др. [3: 58–59]. Об экономии он наиболее подробно писал в статье 1890 года «Об общих причинах языковых изменений» [3: 262–273]. Важнейшим и получившим затем развитие в мировой лингвистике было положение о том, что экономия по-разному происходит у говорящего и слушающего. Говорящему важно упростить свою работу, поэтому он склонен к упрощению сложных звуков и звукосочетаний, к увеличению регулярности морфологической системы. Однако этому могут противодействовать потребности слушающего, которому важно облегчить восприятие; поэтому, например, процесс фонетического упрощения может не произойти там, где есть однокоренные слова. Потребность к экономии сил у говорящего и слушающего могут противоречить друг другу и поддерживать друг друга. В последнем случае очень велика вероятность изменения в языке, которое сразу сказывается на всей системе.

Экономии и упрощению противостоит еще один фактор – консерватизм носителей языков, стремление сохранить язык в неизменном виде; особенно это свойственно «искусственным» литературным языкам. Не раз И. А. Бодуэн де Куртенэ указывал, что наиболее радикальные изменения происходят в речи детей, всегда упрощающих то, что они слышали от взрослых; однако в дальнейшем это «новаторство» в большей или меньшей степени сглаживается. Особенno заметен, согласно Бодуэну, принцип экономии, если целый коллектив меняет язык (ситуация субстрата): ряд сложных характеристик перенимаемого языка может не восприниматься. В случае конкуренции языков при прочих равных условиях побеждает более простой по своему строю.

Развитие языка Бодуэн де Куртенэ рассматривал не как случайный процесс, а как выражение тех или иных тенденций, которые мо-

гут быть разными в каждом конкретном языке. Так, для польского языка он отмечал постепенное сглаживание количественных противопоставлений в фонологии и их усиление в морфологии; для истории русского языка – общую тенденцию к ослаблению противопоставлений гласных и усилию противопоставлений согласных.

Такого рода тенденции могли не только выявляться в прошлом, но и проецироваться в будущее. Уже в статье 1870 года И. А. Бодуэн де Куртенэ поставил вопрос о прогнозировании языка, редко занимавший лингвистов-теоретиков. Отметим, что вышеупомянутое положение о тенденции развития русской фонологии спустя столетие проверил М. В. Панов и выяснил, что та же самая тенденция продолжала действовать и в XX веке [5: 21–22, 442].

Особое мнение имел ученый и по вопросу о соотношении сознательного и бессознательного в языковых изменениях. И современные ему историки языков, и Ф. де Соссюр считали, что все в языке может меняться только бессознательно и стихийно. С этим не был согласен И. А. Бодуэн де Куртенэ:

«Язык не есть ни замкнутый в себе организм, ни неприосновенный идеал, он представляет собой орудие и деятельность. И человек не только имеет право, но это его социальный долг – улучшать свои орудия в соответствии с целью их применения и даже заменить уже существующие орудия другими, лучшими. Так как язык неотделим от человека и постоянно сопровождает его, человек должен владеть им еще более полно и сделать его еще более зависимым от своего сознательного вмешательства, чем это мы видим в других областях психической жизни» [4: 151].

Ученый обращал внимание в связи с этим на явления, игнорировавшиеся традиционной лингвистикой: на разного рода тайные языки и арго, на активно создававшиеся как раз в эту эпоху международные языки вроде эсперанто (из видных лингвистов того времени лишь он и О. Есперсен постоянно интересовались этими языками), а также на «искусственно образуемые» литературные языки. Все эти языки конструируются вполне сознательно. При «живом» развитии языков наиболее существенную роль играют стихийные бессознательные процессы, однако сознательные изменения (например, подражательного характера) также возможны.

Указанные идеи были, безусловно, продуктивными, хотя и не давали возможности выявить общие закономерности на уровне конкретного языка. Над проблемой объяснения причин конкретных языковых изменений работало несколь-

ко поколений ученых. Почему, скажем, редуцированные пали именно таким образом? Почему *e* и *ѣ* совпали в украинском так-то, а в русских диалектах иначе? Проблема так и не была решена. Позднее Е. Курилович пришел к выводу, что причины часто зависят от случайных, не связанных с лингвистикой факторов и единого решения не имеют.

Надо сказать и об отношении И. А. Бодуэна де Куртенэ к постулатам сравнительно-исторического языкознания. Начиная с ранней статьи памяти А. Шлейхера, он постоянно критиковал концепцию родословного древа языков, на которой всегда основывалась компаративистика. Согласно ей, развитие языков – постоянный процесс дробления языков-потомков, тогда как обратный процесс – вторичного объединения языков – принципиально невозможен. Бодуэн, не отрицая, разумеется, возможности расхождения языков, считал такую схему слишком прямолинейной и не учитывающей всей сложности реальных процессов. В полемике, несколько заостряя свою точку зрения, он даже назвал одну из статей: «О смешанном характере всех языков». По его мнению, «все существующие и когда-либо существовавшие языки произошли путем скрещения» [3: 348]. Так, английский язык не может считаться только германским уже потому, что в его лексике слов романского происхождения больше, чем германского; это означает, что данный язык – смешанный, германо-романский. Особое внимание Бодуэн обращал на так называемые пиджины и креольские языки, возникающие в зонах языковых контактов. В эту категорию он включал не только русско-китайский пиджин, использовавшийся для общения между русскими и китайцами на Дальнем Востоке, но и идиш, а во многом и английский язык. Он указывал, что с точки зрения концепции родословного древа русско-китайский пиджин попадает вместе с русским в число восточнославянских языков, но на деле он отличается от русского языка больше, чем любой славянский.

И. А. Бодуэн де Куртенэ считал, что концепция родословного древа «не выдерживает критики» и безусловно устарела. Об этом он постоянно писал [3: 2, 7, 187, 343 и др.]. Он был прав, говоря, что постулаты компаративистики очень спорны и должным образом не доказаны. Бодуэн надеялся на то, что «взгляд на сущность межъязыкового родства» в скором времени изменится [4: 17]. Однако методика сравнительно-исторических реконструкций дает плодотворные результаты уже

почти два столетия, тогда как идея о «смешанном характере всех языков» не смогла стать основой для сколько-нибудь разработанного метода. Поэтому из родственного древа исходят и сейчас, хотя материал пиджинов или вторично воздействующих друг на друга диалектов требует определенной корректировки, следовательно, идеи Бодуэна остаются актуальными.

Изучение языка, абсолютно не учитывавшее его историю, Иван Александрович считал неправомерным; именно за это он критиковал индийскую науку о языке. Позже Дж. Гринберг писал:

«Самыми глубокими из всех теорий были, вероятно, теории Крушевского и Бодуэна де Куртенэ, поскольку они включали в свои работы явно сравнительно-исторический компонент» [9: 287].

С этим можно согласиться, однако для своего времени необходимо было, прежде всего, решительное размежевание со «сравнительно-историческим компонентом». Как нередко бывает в истории науки, именно «простое проведение границ: это язык, а это речь, это синхрония, а это диахрония» [6: 343] у Соссюра имело наибольшие шансы на успех.

В тесной связи с концепциями статики и динамики находились общие идеи ученого в отношении природы языка. Начиная со статьи памяти Шлейхера молодой Бодуэн решительно выступил против биологического подхода этого ученого, уподоблявшего язык живому организму. Он был против отнесения языкознания, за исключением лишь косвенно связанной с ним антропофоники, к естественным наукам (здесь был один из пунктов его несогласия с Н. В. Крушевским). Согласно И. А. Бодуэну де Куртенэ, языкознание – одновременно психологическая и социологическая наука. Его формулировки разных лет на этот счет не всегда совпадают, иногда, как в статье о Крушевском, он писал о чисто психологическом характере языка, однако в более поздних работах двоякий характер языка полностью подтверждается. В 1897 году Бодуэн заметил:

«Так как язык возможен только в человеческом обществе, то кроме психической стороны мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную. Основанием языкознания должна служить не только индивидуальная психология, но и социология» [3: 348].

Двоякий характер языка предполагал, согласно Бодуэну де Куртенэ, и соотношение индивидуального и коллективного в языке. Если социология – общественная наука по определению, то психология для ученых того времени была наукой исключительно индивидуальной. И Бодуэн, споря по многим вопросам с господствовавшим

в языкоznании его времени младограмматизмом, сходился с ним в отношении того, что единственная реальность – язык индивидуума. Поскольку процессы, происходящие в человеческом мозгу, реальны, то индивидуальный язык – не абстракция, а реально существующее явление. Однако польский или русский язык – это лишь абстракция, «среднее случайное соединение языков индивидуумов».

Все изменения, как считал И. А. Бодуэн де Куртенэ, происходят в языках индивидуумов, однако у разных людей могут наблюдаться сходные изменения:

«В языковом отношении индивидуум может развиваться только в обществе, но язык как общественное явление развития не имеет и иметь не может. Он может иметь только историю. История – это последовательность однородных, но разных явлений, связанных между собой причинностью не непосредственной, а только опосредованной» [4: 208].

Хотя тенденции в языке могут быть выявлены, ученый скептически относился к выделению общелингвистических законов, по которым развиваются или функционируют языки. Многократно в его работах (кроме самых ранних) повторяется тезис: «Нет никаких “звуковых законов”» (здесь он также расходился с Н. В. Крушевским). Хотя структурная лингвистика начиная с Ф. де Соссюра избегала термина «закон», но ее подход был ближе, скорее, к идеям Крушевского.

Интерес к социологии и психологии языка не исчерпывался у И. А. Бодуэна де Куртенэ чисто теоретическими рассуждениями. Перед ним стояла проблема связи науки с жизнью. В течение девятнадцати лет он постоянно записывал речь каждого из своих пятерых детей. Для более точного понимания психологии языка он призывал лингвистов «заглядывать время от времени в дома умалишенных и тюрем», поскольку там можно наблюдать «людей с языковыми отклонениями и с психическими отклонениями вообще». Показательно и его предисловие к книге о «блестной музыке», которая интересовала ученого и с социолингвистической точки зрения.

В то время еще не существовало социолингвистики как отдельного раздела языкоznания (одним из ее создателей станет ученик Ивана Александровича Е. Д. Поливанов). Однако и социологический подход к языку, и политическая активность толкали Бодуэна де Куртенэ в сторону рассмотрения вопросов языковой политики и национальной политики в целом. Бодуэн всегда был чужд и польскому, и русскому на-

ционализму. В статье 1908 года «Вспомогательный международный язык» он писал:

«Не тот или иной язык мне дорог, а мне дорого право говорить и учить на этом языке. Мне дорого право человека оставаться при своем языке, выбирать его себе, право не подвергаться отчуждению от всесторонней употребляемости собственного языка, право людей свободно самоопределяться и группироваться, тоже на основании языка» [4: 145].

Для царской России такие формулировки были достаточно смелыми. Начиная с 1906 года Бодуэн опубликовал несколько брошюр и статей по национальному вопросу, за одну из которых подвергся судебному преследованию³.

Иван Александрович предлагал пути решения национального, в том числе национально-языкового вопроса в Польше, исходя из ее сохранения в составе России, но в качестве автономного образования. Он высказывал при этом ряд любопытных идей, и сейчас не потерявших актуальности, и разработал программу последовательно демократического развития всех языков и народов Российской империи. Эта программа сочетала в себе глубокие и перспективные идеи с явными чертами утопизма. В ряде пунктов он предвосхитил попытку создать принципиально новую национально-языковую политику, предпринятую в нашей стране после 1917 года. Развитие в самой Польше, где Бодуэн жил после 1918 года, после восстановления независимости, однако, пошло по-иному: в сторону полного господства польского языка над остальными. Иван Александрович в конце жизни активно выступал в защиту языков национальных меньшинств и даже выдвигался от них кандидатом в президенты. Ученый представлял собой редкий пример нерелигиозного поляка. Из-за этого он был вынужден покинуть Краков и был похоронен не на католическом, а на протестантском кладбище.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И. А. Бодуэн де Куртенэ в статье «Языкоznание, или лингвистика XIX века», опубликованной впервые в 1901 году [4: 3–18], подвел итоги развития науки о языке за период, в большую часть которого работал. Здесь он представил развернутый прогноз развития языкоznания на следующий век. Теперь, когда этот век завершился, интересно рассмотреть, насколько его прогноз сбылся. Не все здесь оправдалось, например, Бодуэн переоценил еще господствовавший в 1901 году исторический подход к языку: «понятие развития и эволюции» не стало «основой лингвистического мышления», как он предска-

зывал [4: 17]. Неправ он был и там, где надеялся на грядущий отказ от родословного древа.

Однако во многом Бодуэн де Куртенэ оказался прав. Это относится и к математизации лингвистики, развитию количественного анализа, и к одновременному «совершенствованию метода качественного анализа», и к стремлению к объективности подхода, и к отказу от исследования любых языков в европейских категориях, и к значительному прогрессу в изучении родственных связей неиндоевропейских языков, и к развитию лексикологии и семантики, и ко многому другому. Иногда даже там, где ближайшее будущее, казалось, не оправдывало прогноз Бодуэна, он в далекой перспективе оказался прав. Сразу в нескольких пунктах своего прогноза он писал о признании психологических основ

лингвистики в XX веке. Однако в первой половине века ее развитие шло в прямо противоположном направлении, в сторону отказа от всякого психологизма. Но с конца 50-х годов и особенно с 60-х годов в ряде влиятельных лингвистических направлений наметился принципиально иной подход, возвращающийся на более высоком уровне к тому, что было раньше. Н. Хомский определил лингвистику как «особую ветвь психологии познания» [7: 12]. Подробнее о прогнозах ученого см.: [1].

Безусловно, одним из создателей лингвистики XX века был Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ, идеи которого оказали значительное влияние на лингвистов разных стран и направлений. Многое из того, о чем он писал, остается актуальным и сейчас.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Звегинцев В. А. История языкоznания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. 466 с.; Звегинцев В. А. История языкоznания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. 498 с.

² Томсен В. История языковедения до конца XIX века. М.: Учпедгиз, 1938. 158 с.

³ Бодуэн де Куртенэ И. А. Проект основных положений для решения польского вопроса. СПб.: Кн. маг. «М. О. Вольф» и «Труд», 1906. 16 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. Сто лет спустя, или сбываются ли прогнозы? // Вопросы языкоznания. 2003. № 2. С. 114–121.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение. С приложением: Сборник задач по «Введению в языковедение». М.: УРСС, 2004. 94 с.
3. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкоznанию. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 386 с.
4. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкоznанию. Т. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 377 с.
5. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / Отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Институт русского языка. М.: Наука, 1990. 453 с.
6. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.
7. Хомский Н. Язык и мышление. М.: МГУ, 1972. 123 с.
8. Adamska-Sałaciak A. Jan Baudouin de Courtenay's contribution to general linguistics // Historiographia Linguistica. 1998. Vol. 25, No 1/2. P. 25–60.
9. Greenberg J. Rethinking linguistics diachronically // Language. 1979. Vol. 55. P. 275–290.

Поступила в редакцию 11.09.2025; принята к публикации 10.11.2025

Original article

Vladimir M. Alpatov, Dr. Sc. (Philology), Academician, Chief Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4323-2832; v-alpatov@iling-ran.ru

BAUDOUIN DE COURTEBAY AND THE PARADIGM SHIFT AT THE TURN OF THE CENTURY

Abstract. This article analyzes the role of Ivan Alexandrovich Baudouin de Courtenay's scientific legacy during the transitional period of linguistics at the turn of the twentieth century. The aim of the study is to identify and charac-

terize key aspects of his theory that determined the shift in the scientific paradigm: the rejection of a purely historical approach, the introduction and development of the concepts of phoneme and morpheme, the distinction between synchrony and diachrony, and the substantiation of the psychological and social nature of language. The novelty of the work lies in its comprehensive examination of Baudouin de Courtenay's ideas in the context of overcoming the crisis of comparative linguistics and the formation of the foundations of structural linguistics. Particular attention is given to his views on the systematic nature of linguistic changes, the role of conscious intervention in language, and his critique of the dogmas of the comparative-historical method. The relevance of the study is determined by the continuing influence of the scholar's concepts on modern linguistics, including phonology, morphology, and sociolinguistics. It is emphasized that Baudouin de Courtenay not only anticipated many directions of scientific development in the twentieth century, but also laid the methodological foundations for the study of language as a dynamic system that combines individual-psychological and social principles.

Key words: Baudouin de Courtenay, study of living languages, phoneme, morpheme, world linguistics

For citation: Alpatov, V. M. Baudouin de Courtenay and the paradigm shift at the turn of the century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):18–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1261

REFERENCES

1. Alpatov, V. M. A hundred years after. Do forecasts come true? *Topics in the Study of Language*. 2003;2:114–121. (In Russ.)
2. Baudouin de Courtenay, I. A. Introduction to linguistics. Supplemented with a collection of study tasks. Moscow, 2004. 94 p. (In Russ.)
3. Baudouin de Courtenay, I. A. Selected works on general linguistics. Vol. 1. Moscow, 1963. 386 p. (In Russ.)
4. Baudouin de Courtenay, I. A. Selected works on general linguistics. Vol. 2. Moscow, 1963. 377 p. (In Russ.)
5. Panov, M. V. History of Russian literary pronunciation in the XVIII–XX centuries. Moscow, 1990. 453 p. (In Russ.)
6. Rakhilina, E. V. Cognitive analysis of object names: semantics and compatibility. Moscow, 2000. 416 p. (In Russ.)
7. Chomsky, N. Language and thinking. Moscow, 1972. 123 p. (In Russ.)
8. Adamska-Sałaciak, A. Jan Baudouin de Courtenay's contribution to general linguistics. *Historiographia Linguistica*. 1998;1–2:25–60.
9. Greenberg, J. Rethinking linguistics diachronically. *Language*. 1979;55:275–290.

Received: 11 September 2025; accepted: 10 November 2025

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА БОГДАНОВА-БЕГЛАРЯН

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7652-0358; n.bogdanova@spbu.ru

«ОБНОВЛЕНИЕ СЛОВАРНОГО ПРОСТРАНСТВА»: О НОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЯХ В СЛОВАРЬ ПРАГМАТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

Аннотация. Представлен обзор лингвистических исследований самого последнего времени (2023–2025 годов), в которых на объемном корпусном материале рассматривается ряд «промежуточных» единиц русского повседневного дискурса: *своего рода, в своем роде, в некотором роде, получается, (ну) например да (?), как сказать / или как сказать, как будто (бы)*. Все эти единицы занимают промежуточное положение между значимыми единицами языка и лексически опустошенными, чисто прагматическими, единицами устного дискурса. Они сочетают в себе свойства разноуровневых единиц: (1) лексико-грамматических (полноценных знаменательных слов), (2) дискурсивных (дискурсивных слов, или дискурсивных маркеров), ставших по большей части результатом действия процесса грамматикализации, (3) прагматических маркеров, сформировавшихся в этом качестве под действием процесса прагматикализации. Источниками материала для анализа стали три речевые корпуса: (1) корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день», (2) корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» и (3) устный подкорпус Национального корпуса русского языка. Проведенный анализ во всех случаях дает основания признать рассматриваемые единицы потенциальными прагматическими маркерами (с реальными прагматическими маркерами эти единицы сближают автоматизм их употребления, а также способность вербализовать затруднения говорящего в ходе речепорождения или его реакцию на само это речепорождение) и поставить задачу расширения и «обновления словарного пространства» недавно вышедшего Словаря прагматических маркеров (2021).

Ключевые слова: прагматикализация, прагматический маркер, промежуточное слово, полифункциональность, речевой лексикон, речевая грамматика

Благодарности. Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта СПбГУ (проект № 124032900006-1 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

Для цитирования: Богданова-Бегларян Н. В. «Обновление словарного пространства»: о новых поступлениях в Словарь прагматических маркеров русской повседневной речи // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 27–34. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1262

ВВЕДЕНИЕ

Устная речь интересна уже тем, что используется всеми говорящими ежедневно, и в формальной, и в неформальной обстановке. Это один из вариантов презентации языка, который отражает наше «языковое существование» [6: 5]. При этом устная речь, как показывают многочисленные исследования, во многом отличается от языка как инвентарем функциональных единиц (словарь), так и правилами (нормами) их употребления (грамматика). Занимается этими вопросами *коллоквиалистика* как специальный раздел языкоznания. Это достаточно новая

дисциплина, которая базируется на корпусном подходе к анализу материала и часто имеет дело с чем-то новым, до сих пор исследователями не замеченным, не описанным или мало описанным. Естественно, что расширение материала, попадающего в поле зрения исследователей, позволяет не только создавать, но и постоянно мониторить и уточнять и речевой лексикон, и речевую грамматику.

Инвентарь функциональных речевых единиц пополняется, в числе прочего, в результате действия двух активных процессов устной речи: *грамматикализации* (в результате происходит

изменение грамматического статуса единицы или рождается новая грамматическая единица) и *прагматикализации* (в результате единица может перейти из разряда лексико-грамматических в чисто прагматические – рождается прагматический маркер).

Прагматические маркеры (ПМ) русской повседневной речи собраны и описаны в специальном словаре ПМ [8] (Прагматические маркеры русской повседневной речи, далее – Словарь ПМ), включающем 60 базовых единиц, объединенных в 10 функциональных классов:

- 1) хезитативы (*это самое, так сказать, как его*);
- 2) рефлексивы (*или как его, как говорится, по идее, скажем так*);
- 3) разграничители:
 - стартовые (*в общем, значит, короче, ну вот*);
 - навигационные (*в общем, значит, короче, ну вот*);
 - финальные (*в общем, значит, короче, ну вот*);
- 4) дейктические маркеры (*вот <...> вот*);
- 5) метакоммуникативы (*видишь, представь, (я) не знаю, думаю*);
- 6) маркеры самокоррекции (*в смысле, так сказать, это самое*);
- 7) ксенопоказатели (*такой, типа того что, грим, якобы*);
- 8) ритмообразующие маркеры (*вот, да, так*);
- 9) аппроксиматоры (*вроде, или там, как бы, типа*);
- 10) заместители (*всё такое, то-сё, пятое-десятое, туда-сюда*).

Источниками материала для этого словаря (и для всех исследований, описанных в настоящей статье) стали три речевых корпуса: (1) корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД); (2) корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ); и (3) устный подкорпус (УП) Национального корпуса русского языка.

Однако любой словарь (не только нормативный, прескриптивный, но и фиксирующий, дескриптивный, каким стал и Словарь ПМ) начинает устаревать, едва выйдя из печати (и даже, возможно, уже в ходе его конструирования). К этому приводит эволюция языка, вариативность и изменчивость языковых норм, фактор времени и элементарная безграничность материала, который не всегда удается сразу охватить в полном объеме. Не избежал этой участии и наш Словарь ПМ. Мы поторопились зафиксировать весь массив обработанного материала, передать его на суд читателю (все же это первый словарь такого типа, и не только для русского

языка!) – и почти сразу осознали, что описали далеко не все. Работа продолжилась, и в настоящей статье собрано все то новое из ПМ (или потенциальных ПМ), что удалось найти и описать и что имеет шансы на «обновление словарного пространства» [1: 7] нашего словаря.

Прагматические маркеры имеют ту специфику, что их статус в речи нестабилен, он никогда не является единственным возможным, анализ материала показывает, что лишь определенные контексты позволяют говорить об употреблении того или иного слова в роли именно ПМ. Существует и некоторое количество «промежуточных» единиц, которые пока не отнесены нами к числу ПМ, не вошли в словарь Словаря ПМ, но обнаруживают склонность к прагматикализации. Такие единицы можно назвать *потенциальными прагматическими маркерами* нашей устной речи, что только повышает исследовательский интерес к подобным единицам. Покажем это на ряде примеров.

СВОЕГО РОДА

Одним из таких потенциальных ПМ является единица *своего рода*, использующаяся носителями языка как в письменной речи, так и в устном повседневном дискурсе [4]. Она сочетает в своих употреблениях функции хезитации, аппроксимации и рефлексии на сказанное или готовящееся к произнесению / написанию («упреждающий» рефлексив).

Согласно МАС, выражение *своего рода* означает ‘в известной степени, с какой-л. точки зрения’¹. Другие словари, включая словарь синонимов², расширяют это толкование, добавляя значения ‘в некотором роде, в своем роде’, ‘в определенном отношении’, ‘вроде’, ‘как бы’. Уже по этому перечню значений видно, что перед нами типичный аппроксиматор, синонимичный ПМ *типа* и *как бы*, хотя и вполне «интеллигентного толка» (в аналогичной ситуации говорящий с более низким уровнем речевой компетенции употребит, скорее, маркер *типа* или *как бы*), отнюдь не свидетельствующий, в отличие от других «словапаразитов», к которым легко можно отнести почти все ПМ, о «недостаточной речевой культуре» говорящего [7: 91], ср.:

1) Да / согласен. И запомнят. – То есть как шоу будет *своего рода* [УП: беседа в Воронеже // Фонд «Общественное мнение»] (аппроксиматор и рефлексив);

2) э-э замечательный текст Ивана Бунина [откашливается] / э-э / *своего рода* / э-э зарисовка / э-м основывающаяся на / э-э хозяйственном эпизоде / э-э поздней осени когда убирается урожай яблок и они продаются [САТ: пересказ прочитанного текста] (аппроксиматор, рефлексив и хезитатив).

Примеры демонстрируют явную полифункциональность рассматриваемого маркера, которая свойственна большинству русских ПМ. Видно также, что аппроксимация и рефлексия свойственны этой единице преимущественно в публичной речи, а хезитация – преимущественно в непубличной (устной) речи.

Сделанные наблюдения показывают, что выражение *своего рода* действительно занимает промежуточное положение между значимыми единицами языка и лексически опустошенными, чисто прагматическими, единицами устного дискурса. *Своего рода* нельзя однозначно отнести к классу ПМ, так как это выражение используется не только в устной, но и в письменной речи, а также имеет лексикографическую фиксацию. С прагматическими маркерами словосочетание *своего рода* сближают неосознанность, автоматизм употребления, использование его говорящим для снятия с себя ответственности за сказанное и смягчение категоричности высказывания (аппроксимация), а также вербализация некоторых затруднений в ходе речепорождения (хезитация) или реакция на само это речепорождение (рефлексия). Данная единица, несомненно, должна занять свое место в «обновленном» Словаре ПМ. Думается, что такие же словарные статьи должны появиться в «обновленном» варианте Словаря ПМ и для всех остальных единиц, рассмотренных в настоящей работе.

В СВОЁМ РОДЕ

Согласно МАС, *в своём роде* означает ‘с известной точки зрения’³. Викисловарь добавляет: ‘в определенном смысле, отношении (часто со словами *замечательный, единственный*)’⁴. В УП нашлось всего 33 примера с этой единицей, в том числе достаточно много (42,4 %) «словарных» ее употреблений [11], в которых зафиксированное в словарях значение подчеркнуто сочетанием с оценочными прилагательными. Именно эта высокая оценка и снижается (смягчается) с помощью единицы *в своём роде*, ср.:

3) *Она была в своём роде замечательный человек / потому что она была / по-видимому / очень способный человек* [УП];

4) *А я / по-моему / даже снялся в галстуке – тоже единственная в своём роде фотография* [УП].

Интереснее, однако, другие употребления, в которых исследуемое выражение функционирует в различных прагматических значениях, ср.:

5) *Это человек достаточно ироничный и... в / своём роде / тонкий* [УП] (смягчается категоричность высокой оценки);

6) *Конечно / тяжело понять человека / попавшего в такую ситуацию / но зачем тратить огромные средства на поднятие? Устраивать в своем роде спектакль?* [УП] (смягчается категоричность низкой оценки);

7) *Да нет / мне кажется / это в какой-то мере даже направление работы правительства / в своём роде* [УП] (вообще нет семантики оценки, «рождается» ПМ);

8) *Во время войны эта дисциплина тоже в своем роде помогла* [УП] (семантика оценки даже и не мыслится; чистый ПМ).

В УП более половины (57,6 %) употреблений выражения *в своём роде* выходят за рамки «словарных» значений. Налицо полифункциональность данной единицы (аппроксиматор, хезитатив, рефлексив, маркер финала) и ее потенциальность в роли ПМ (употребляется и в письменной речи, есть словарная фиксация). С ПМ данное выражение сближает снова неосознанность, автоматизм употребления и способность вербализовать затруднения говорящего в ходе речепорождения или его реакцию на само это речепорождение.

В НЕКОТОРОМ РОДЕ

По данным МАС, *в некотором роде* означает ‘в некоторой степени, несколько’⁵. Данная единица используется для указания на неполное соответствие чему-либо или для описания ситуации, которая является частично верной или применимой. В УП нашлось 48 контекстов, содержащих данную единицу, среди которых оказалось более половины (56,3 %) «словарных» употреблений [10], ср.:

9) *Не кажется ли Вам / что это является лишь попыткой утвердить уже в некотором роде устаревшие законы гравитации Ньютона и не кажется ли Вам / что пора менять некоторые законы?* [УП].

В словарных употреблениях выражение *в некотором роде* сочетается с оценочными словами: прилагательными (*хорошенькие, святое*), наречиями (*естественно, совершенно*), причастиями (*устаревшие*), существительными (*повышение, неудовольствие*), субстантивными словосочетаниями (*темная лошадка, безвоздушное пространство*). В таких употреблениях единица *в некотором роде*, так же как и *в своём роде*, снижает категоричность высказанной оценки.

Вновь более интересными для решения задач данной статьи оказались контексты, в которых выражение *в некотором роде* функционирует в том или ином прагматическом значении. Такие употребления (43,7 %) выходят за рамки зафиксированного лексического значения исследуемой единицы и расширяют ее прагматический функционал, ср.:

10) *Ну это что / это тоже / наверное / тёзка / в некотором роде* ([УП] (нет семантики оценки, значение

снижения категоричности исчезает, остается лишь функция неопределенности; начинает «рождаться» ПМ);

11) *Значит / у Пети когда-то в некотором роде / скажем так / была жена* [УП] (нет и речи об оценке, только функция аппроксимации; «рождается» чистый ПМ).

В таких употреблениях лексическое значение единицы ослабевает, за этим следует утрата этого значения и «рождение» ПМ-аппроксиматора.

ПОЛУЧАЕТСЯ

Глагольная форма *получается* попадает в разряд «промежуточных» единиц в результате длинной цепочки преобразований [5]. Сначала она испытывает последовательно действие двух разных процессов грамматикализации, в результате чего появляется полузнаменательный глагол-связка (он зачастую *получается* нед-недоученным специалистом⁶), а затем – вводное слово со значением вывода, итога (*А скоко ты / получается / в Азербайджане жила?*). Далее можно наблюдать результат процесса прагматикализации, когда форма *получается* используется в функции ПМ-хезитатива, как правило, в составе хезитационной цепочки, в окружении других маркеров-хезитативов, ср.:

12) *ну да / ну то есть де-десятие годы / они как бы... двадцатые / это уже постфактум / это уже не-некое развитие до там ОБЭРИО и так далее. То есть задача в том / чтобы аа... щас-щас-щас / ща-ща-щас / получается / смотри / ведь они же все / все вот все... всё / всё поколение* [ОРД] (маркер старта);

13) *Вот у меня есть / у нас семья есть / получается вот мальчик девятый класс закончил / а второй мальчик седьмой закончил* [УП] (маркер-навигатор);

14) *Понимаете / мы... мы с вами живём в условиях некоего саботажа какого-то / получается* [УП] (маркер финала);

15) *Ну получается там... / если... / коснуться там истории / это разные кланы* [УП] (маркер старта + хезитатив).

В таких употреблениях перед нами – типичный ПМ, использующийся исключительно в устной речи. Примеры показывают и его полифункциональность – разграничитель (всех трех типов) и хезитатив.

В ходе исследования выявились и возможные структурные варианты исследуемой формы: <(то есть, ну, (и) это, значит) **получается** (так)>, которые требуют дополнительного исследования на обширном корпусном материале и могут существенно обогатить предложенное описание «коммуникативного поведения» рассматриваемой единицы и расширить словарник потенциальных ПМ.

(НУ) НАПРИМЕР ДА(?)

Относительно новой полифункциональной единицей, также имеющей заметный прагматический потенциал, является и выражение *(ну) например да* (?) [3], ср.:

16) *ну например / да // придумайте ещё слово со словом пре / которое происходит от пере* [ОРД] (маркер старта + метакоммуникатив);

17) *Тим Браун приводит потрясающие в своей книге примеры / в частности / если вы проектируете обувь / ну например / да / если вы просто проектируете обувь / попробуйте опросить не только тех людей / которые кажутся обязательными / да / ну интересующими* [УП] (маркер навигатор + метакоммуникатив);

18) *начало / то что / ты сидишь там с подружками например да ?* [ОРД] (маркер финала + метакоммуникатив);

19) *Потому что по вот той лестнице/ которая ведёт к солнечным аа часам / я лично / например / да / спускался / значит / с коляской / значит* [УП] (маркер навигатор + метакоммуникатив).

Данная единица наиболее близка к статусу ПМ, поскольку встречается только в устной речи и отличается выраженной полифункциональностью: может быть метакоммуникативом, навигатором, хезитативом и маркером финала. Наиболее распространены два ее полифункциональных варианта: маркер-навигатор + метакоммуникатив (45,8 %) и финальный маркер + метакоммуникатив (39,0 %). Остальное единично. В чисто метакоммуникативных употреблениях (5,1 %) при этом хорошо сохраняется семантика вводного слова, ср.:

20) *чисто / да ? но нельзя сказать чисто по жизни / *В а можно сказать чисто английское убийство / например / да ? то есть перед прилагательным (...) можно* [ОРД]⁷.

В остальных случаях наблюдается практическая полная десемантизация базового компонента *например*.

Можно говорить также о существовании прототипического варианта рассматриваемой конструкции, когда *например* и *да* находятся на некотором расстоянии друг от друга:

21) *и более того вот (э) например первая задача *П практики да ?* [ОРД]⁸.

Не исключено, что именно через этот этап происходило «рождение» новой конструкции. И еще одним возможным шагом на пути к созданию этой прагматической единицы могли стать употребления, в которых ее компоненты меняются местами, ср.:

22) *к... ну избил / из... выпорол например / отец (э) к... его к... очень круто с ним обошёлся / то есть выпорол да ? например / *П или там наказал* [ОРД].

Объем проанализированного материала с рассматриваемой единицей пока очень невелик: всего 62 контекста, но это все, что нашлось в использованных корпусах. Новый материал может уточнить или расширить сделанные наблюдения, однако очевидно, что конструкция *(ну) например да (?)* должна привлекать внимание исследователей в рамках современной коллоквиалистики.

КАК СКАЗАТЬ / ИЛИ КАК СКАЗАТЬ

Еще одной парой таких единиц, которые претендуют на статус ПМ и которые ускользнули в свое время от нашего внимания, являются маркеры *как сказать* и *или как сказать* [2]. О первой из них академические словари упоминают только в ряду устойчивых словосочетаний в конце словарной статьи на глагол *сказать*: «служит для выражения колебания, неуверенности в чем-л. – *Неужто меня не осилишь?* – спросил Евсей. Илларион подумал. – Это **как сказать**. Может и осилю. Паустовский. Повесть о лесах»⁹. Видно, что в таких употреблениях перед нами не ПМ, а полнозначная лексико-синтаксическая единица, связанная с соответствующим маркером отношениями *омофонии* [14].

Между тем в речевых корпусах богато представлены и иные употребления обеих единиц: вербального хезитатива *как сказать* (используется в ситуации заминки и хезитационного поиска) и рефлексива *или как сказать* (выражает рефлексию говорящего на сказанное или готовящееся к произнесению). Ср.:

23) *Вы понимаете / человек устает / ему / эээ **как сказать** / не до сцены совсем / ну, не хочет / то есть совсем нет / это эээ вроде истощения / ну всё такое* [ОРД] (хезитатив);

24) *вот но (...) в этом собственно (...) **как сказать** / в этом ...* *П загадка России [ОРД] (хезитатив);

25) *ничего не давала // *П главное у неё сегодня этот () как его / (...) лабораторный день / **или как сказать** ?* [ОРД] (рефлексив).

Видно, что ПМ *как сказать* полифункционален, как и большинство других маркеров: хезитатив, «упреждающий» рефлексив, навигатор, а ПМ *или как сказать* однофункционален, как и большинство маркеров с *или* (или *как его*, *или как это*, *или как / что*) [8] – только рефлексив.

Обнаружились и промежуточные варианты – при наличии паузы внутри конструкции, ср.:

26) *И / значит / задача / **как сказать** / ну если / так выражаясь там антропологически / да / вопрос / кто... кто первый сядет / и кто будет ностич... достаточно / как сказать / выдержан или / **как сказать** / чтобы остаться сидеть / а не сн... не взлетать снова* [УП];

27) *Хотя она была очень талантлива как актриса и учились в студии Завадского / но она могла бы / может быть / скорее киноактрисой / когда эпизод или... как сказать?* [УП].

Такие примеры можно трактовать и как цельный маркер *или как сказать*, и как маркер *как сказать* после разделительного союза *или*.

Возможна и так называемая реконструкция конструкции: выявление тех прототипических вводных конструкций (*как вам сказать* / *(или) как это сказать* / *не знаю как сказать*), которые редуцировались в повседневном употреблении до рассматриваемых ПМ:

28) *бли... бли... близюсь* / близусь / близюсь* / **не знаю как сказать** / к завершающим этапам* [ОРД]¹⁰;

29) *И когда / нам немка / э-э м-м... подарила / э-э... м-м... вышила э-э... м-м... э-э **как это сказать** э-э м-м... мешочки / для... ночные рубашки* [УП];

30) *Молодой такой / комический или / **как это сказать**?* [УП].

Характер соотношения формально близких, но функционально различных единиц *как сказать* и *или как сказать* не уникален в нашей речи: такую же картину можно наблюдать в группах ПМ *как его* (*её, их, это*) (хезитативы) и *или как его* (*её, их, это*) (рефлексивы) [8].

КАК БУДТО (БЫ)

По функциональному статусу единица *как будто (бы)* близка к pragматическим маркерам-аппроксиматорам, которые использует говорящий для выражения своей неуверенности [12]. Согласно определению МАС, эта единица является разговорной частицей, которая «указывает на неуверенность, предположительность высказывания, на сомнение в его достоверности: ‘кажется’»¹¹. Уже по этому определению видно, что перед нами действительно аппроксиматор, синонимичный другим аппроксиматорам.

В пользовательский подкорпус этой части исследования вошли 60 контекстов с *как будто (бы)* в качестве ПМ, ср.:

31) *Неделю не выходили на работу всё только потому / что всё уже **как будто** убрано / и отчиталось домоуправление / а канализационный люк был забит / ливневка вот эта / вернее/ была забита* [УП];

32) *Забавно / что все эти рекомендации исследователей опираются на очень важное допущение / что необходимо выработать какую-то новую культуру взаимодействия с этими субъектами – с троллями / потому что не существует **как будто бы** никакого онлайн-аналога такого поведения* [УП].

33) *До конца убедительных данных у меня нет. **Как будто бы** всё-таки звонкий! Наталья Дмитриевна / по-Вашему?* [УП];

34) *Всё равно же это нам ничего не даёт **как будто бы*** [УП].

В контексте (34) говорящий, казалось бы, вполне решительно выражает свою точку зрения, но в конце все же добавляет *как будто бы* в качестве финального маркера, чтобы снизить категоричность высказанного мнения.

В хезитативном окружении *как будто бы* принимает на себя еще и функцию маркера хезитатива, ср.:

35) *Пошла / посмотрела и поняла / что это как бы / как будто пуля* [УП];

36) *Трон / на троне сидит седовласый старик / ветхий днями / как он описывает / старый / седой дедушка / вот которого / знаете / иногда у нас изображают / как бы Бога как будто / да / там Творца* [УП];

37) *Эти чё-то сегодня прям как будто / эт самое... Ди... а он... а он ещё мне говорит / «Да нет / чё-то / – гт / – они там... чё-то / – гт / – там они готовят»* [УП];

38) *ну вот(.) / *П и он значит каждый раз восхищается / как подогнано / но (...) знаешь / действительно подогнано так / что () дырок нету нигде / вот () как будто вот (...) прям ...* [ОРД].

В разговорной речи *как будто (бы)* часто появляется рядом с другими маркерами и включается в различные цепочки, демонстрируя свою явную полифункциональность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По мнению Л. В. Щербы, именно такие, синкетичные (переходные), образования должны находиться в центре внимания лингвистов:

«Здесь, как и везде в языке (в фонетике, в “грамматике” и в словаре), надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике – в сознании говорящих – оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвистов» [13: 35–36].

Подобных «промежуточных» образований в повседневной устной речи, не попавших в наш словарь, по всей видимости, еще много. Все они сочетают в себе свойства разноуровневых единиц и сближаются с pragmatischen маркерами, сформировавшимися в этом качестве под действием pragmatikalisierung. Наличие единиц такого рода позволяет поставить перспективную задачу, помимо «обновления» Словаря ПМ, установления более или менее полного словаря таких «промежуточных» единиц, выявления их специфики и особенностей функционирования, а также проведения серии «точечных» исследований «коммуникативного поведения» каждой такой единицы.

Конечной целью исследований в этом направлении может стать словарь «промежуточных» единиц устной коммуникации на русском языке. Такой словарь может быть полезен, например, в практике перевода¹² и преподавания русского языка как иностранного, а также в других прикладных аспектах лингвистики, включая создание искусственного интеллекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Словарь русского языка: В 4 т. Т. III. П–Р / Ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1984. С. 723.

² Тришин В. Н. Словарь синонимов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/index.htm> (дата обращения 12.12.2023).

³ Словарь русского языка: В 4 т. Т. III... С. 121.

⁴ Викисловарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wiktionary.org/wiki/_своё_роде (дата обращения 12.11.2024).

⁵ Словарь русского языка: В 4 т. Т. К–О / Ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1986. С. 451.

⁶ Все примеры в статье даются в соответствии с тем, как они зафиксированы в расшифровках корпусного материала.

⁷ Знак *В в расшифровках ОРД означает шумный вздох. Об остальных особенностях орфографического представления (конвенциях дискурсивной транскрипции) материала ОРД см. [9].

⁸ Знак *П в расшифровках ОРД означает физическую паузу хезитации. Об остальных особенностях орфографического представления (конвенциях дискурсивной транскрипции) материала ОРД см. [9].

⁹ Словарь русского языка: В 4 т. Т. III... С. 101.

¹⁰ Знак (*) после слова в расшифровках ОРД означает его аномальность в каком-либо лингвистическом отношении. Об остальных особенностях орфографического представления (конвенциях дискурсивной транскрипции) материала ОРД см. [9].

¹¹ Словарь русского языка: В 4 т. Т. III... С. 121.

¹² Имеется в виду не устный синхронный перевод, а письменный перевод разговорной речи персонажей художественных произведений с целью сохранения их речевого портрета, созданного автором, в том числе и с помощью разговорных единиц устного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова Л. И. Слово в речи и в словаре // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: Сб. научных материалов / И. Л. Копылов (гл. ред.). Минск: Четыре четверти, 2017. С. 7–12.
2. Богданова-Бегларян Н. В. КАК СКАЗАТЬ и ИЛИ КАК СКАЗАТЬ как pragmatische маркеры русской повседневной речи (расширение словарника ПМ) // ЛИ Международная научная филологическая

- конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: Сб. тезисов / Ред. В. М. Мокиенко. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2024. С. 1154–1155.
3. Богданова-Бегларян Н. В. *НУ, НАПРИМЕР, ДА?* – об одной полифункциональной единице русской устной речи // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: Избранные доклады / Ред. В. М. Мокиенко, К. В. Манерова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2025. С. 44–57. (St Petersburg University Studies in Social Sciences & Humanities. Vol. 7).
 4. Богданова-Бегларян Н. В. *Своего рода* как полифункциональный маркер-аппроксиматор русской повседневной речи // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы XV Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию кафедры русского языка / Ред. М. Вас. Пименова. Владимир: Транзит-ИКС, 2023. С. 101–107.
 5. Богданова-Бегларян Н. В., Саватьева С. В. Глагольная форма ПОЛУЧАЕТСЯ на динамической шкале переходности («точечное» исследование) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2023. Т. 9, № 4 (36). С. 6–22.
 6. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Ред. И. Прохорова. М.: Новое литературное обозрение, 1996. Вып. IX. 352 с.
 7. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1987. 237 с.
 8. Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.
 9. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: Коллективная монография / Под ред. Н. В. Богдановой-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
 10. Сян Янань. В некотором роде как потенциальный прагматический маркер-аппроксиматор в русской повседневной речи // Первый Евразийский конгресс лингвистов: Тез. докл. / Ред. Ю. В. Мазурова, М. К. Раскладкина. М.: Ин-т языкоznания РАН, 2025. С. 234–235.
 11. Сян Янань. В СВОЁМ РОДЕ как потенциальный прагматический маркер-аппроксиматор русской повседневной речи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 63–70.
 12. Сян Янань. Полифункциональный маркер-аппроксиматор *как будто (бы)* в русской повседневной речи // Вестник Донецкого национального университета. 2024. № 1. С. 108–114.
 13. Щерба Л. В. Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений. Приложение к книге «Восточно-лужицкое наречие», т. 1 // Щерба Л. В. Избранные работы по языкоznанию и фонетике. Т. 1 / Ред. М. И. Матусевич. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. С. 35–39.
 14. Fraser B. Towards a theory of discourse markers // Approaches to discourse particles. Studies in pragmatics, 1. (K. Fischer, Ed.). Oxford: Elsevier, 2006. P. 189–204.

Поступила в редакцию 24.08.2025; принята к публикации 10.11.2025

Original article

Natalia V. Bogdanova-Beglarian, Dr. Sc. (Philology), Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7652-0358; n.bogdanova@spbu.ru

“UPDATING THE VOCABULARY SPACE”: NEW ADDITIONS TO THE DICTIONARY OF PRAGMATIC MARKERS OF RUSSIAN EVERYDAY SPEECH

A b s t r a c t. The article provides an overview of the most recent linguistic studies (2023–2025), which use voluminous corpus material to examine a number of “intermediate” units of the Russian everyday discourse: *svoego roda*, *v svoyem rode*, *v nekotorom rode*, *poluchayetsya*, *(nu) naprimer da (?)*, *kak skazat’/ ili kak skazat’*, *kak budto (by)*. All these units occupy an intermediate position between significant units of language and lexically emptied, purely pragmatic units of oral discourse. They combine the properties of multi-level units: (1) lexical-grammatical units (full-fledged significant words), (2) discursive units (discursive words or discursive markers), which are mostly the result of the grammaticalization process, and (3) pragmatic markers formed in this capacity under the influence of the pragmaticalization process. The sources of material for the analysis were three speech corpora: (1) the corpus of Russian everyday communication One Speech Day, (2) the corpus of Russian monologue speech Balanced Annotated Text Library, and (3) the oral subcorpus of the Russian National Corpus. The analysis carried out in all cases gives grounds to recognize the units under consideration as potential pragmatic markers (similar to real pragmatic markers due to their usage automatism and the ability to verbalize the speaker’s difficulties during speech production or their reaction to the very act of such speech production) and to set the task of expanding and “updating the vocabulary space” of the recently published dictionary of pragmatic markers of Russian everyday speech (2021).

K e y w o r d s : pragmaticalization, pragmatic marker, intermediate word, polyfunctionality, speech lexicon, speech grammar

Acknowledgements. This research was funded by the Saint Petersburg State University grant (project No 124032900006-1 “Modeling the communicative behavior of residents of a Russian metropolis in social-speech and pragmatic aspects using AI-based methods”).

For citation: Bogdanova-Beglarian, N. V. “Updating the vocabulary space”: new additions to the dictionary of pragmatic markers of Russian everyday speech. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):27–34. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1262

REFERENCES

1. Bogdanova, L. I. Words in speech and in dictionaries. *Word and dictionary = Vocabulum et Vocabularium: Collection of research papers*. Minsk, 2017. P. 7–12. (In Russ.)
2. Bogdanova-Beglarian, N. V. *KAK SKAZAT' and ILI KAK SKAZAT'* as pragmatic markers of Russian everyday speech (Expansion of the list of pragmatic markers). *The LII International Scientific Philological Conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya: Collection of abstracts*. St. Petersburg, 2024. P. 1154–1155. (In Russ.)
3. Bogdanova-Beglarian, N. V. *NU, NAPRIMER, DA?* – on one polyfunctional unit of Russian speech. *The LI International Scientific Philological Conference named after Lyudmila Alekseevna Verbitskaya: Selected reports*. (St. Petersburg University Studies in Social Sciences & Humanities. Vol. 7). St. Petersburg, 2025. P. 44–57. (In Russ.)
4. Bogdanova-Beglarian, N. V. *Svoego roda* as a polyfunctional marker-approximator of Russian everyday speech. *Language categories and units: syntagmatic aspect: Proceedings of the XV International Scientific Conference Dedicated to the 70th Anniversary of the Russian Language Department*. Vladimir, 2023. P. 101–107. (In Russ.)
5. Bogdanova-Beglarian, N. V., Savatyeva, S. V. The verb form “poluchayetsa” on the dynamic scale of transitability (“point” study). *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 2023; 9-4(36):6–22. (In Russ.)
6. Gasparov, B. M. Language, memory, image. *Linguistics of language existence*. (I. Prokhorova, Ed.). Moscow, 1996. Issue IX. 352 p. (In Russ.)
7. Zemskaya, E. A. Russian colloquial speech: linguistic analysis and problems of teaching. Moscow, 1987. 237 p. (In Russ.)
8. Pragmatic markers of everyday Russian speech: Monograph-dictionary. (N. V. Bogdanova-Beglarian, Ed.). St. Petersburg, 2021. 520 p. (In Russ.)
9. The Russian language of everyday communication: Features of functioning across different social groups: Collective monograph. (N. V. Bogdanova-Beglarian, Ed.). St. Petersburg, 2016. 244 p. (In Russ.)
10. Xiang, Yanan. *V nekotorom rode* as a potential pragmatic marker-approximator in Russian everyday speech. *First Eurasian Congress of Linguists: Abstracts of papers*. Moscow, 2025. P. 234–235. (In Russ.)
11. Xiang, Yanan. *V SVOYOM RODE* as a potential pragmatic marker-approximator of Russian everyday speech. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2024;16(4):63–70. (In Russ.)
12. Xiang, Yanan. Polyfunctional marker-approximator *kak budto (by)* in Russian everyday speech. *Bulletin of Donetsk National University*. 2024;1:108–114. (In Russ.)
13. Shcherba, L. V. Some conclusions from my dialectological observations on the Lusatian languages. Supplement to the book *Eastern Lusatian Dialect*, Vol. 1. *Shcherba, L. V. Selected works on linguistics and phonetics*. Vol. 1. Leningrad, 1958. P. 35–39. (In Russ.)
14. Fraser, B. Towards a theory of discourse markers. *Approaches to discourse particles. Studies in Pragmatics*, I. (K. Fischer, Ed.). Oxford, 2006. P. 189–204.

Received: 24 August 2025; accepted: 10 November 2025

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ ОРЛИЦКИЙ

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
УНЛ мандельштамоведения Института филологии
и истории

Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-4868-8882; ju_b_orlitski@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СТИХОВЕДЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ РОМАНА ЯКОБСОНА (1916–1923)

Аннотация. Рассматривается важнейшая составляющая научной личности великого русского филолога Р. О. Якобсона – стиховедческая, от работы к работе прослежен процесс складывания (1916–1923) комплекса революционных научных идей ученого, связанных с осознанием особой ритмической и смысловой природы стихотворной речи, с одной стороны, и основных методологических установок, обеспечивающих это осознание, – с другой. Показано, какую роль в этом процессе играет собственное поэтическое творчество молодого Якобсона, публиковавшего стихи в футуристических изданиях под псевдонимом Роман Алягров; как практическое понимание творческих процессов позволяет молодому исследователю проникать в тайны поэтического творчества. Особое внимание уделено кругу теоретико-лингвистических проблем, на которые Якобсон живо откликался в первые годы самостоятельной научной деятельности и которым оставался верен на протяжении всей жизни: последовательное понимание поэзии как языка в его эстетической функции; проблема факторов вариативности, служащих объективными основаниями особой поэтической речи; «проблема семантических ассоциаций, связанных с некоторыми метрическими формами, и общих правил, ограничивающих набор разрешаемых метром форм», «типологическое сравнение национальных систем стиха». Все это было фундировано у молодого Якобсона глубоким знанием языков, причем разного типа, теоретическим складом мышления, критическим отношением к научным авторитетам старших поколений и подкреплено общим революционным энтузиазмом первых десятилетий XX столетия.

Ключевые слова: Роман Якобсон, стиховедение, лингвистика, методология, поэзия, стих, национальные стиховые системы

Для цитирования: Орлицкий Ю. Б. Формирование стиховедческих взглядов Романа Якобсона (1916–1923) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 35–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1263

Известно, что в американской и многих других национальных исследовательских традициях теория стиха (стиховедение) последовательно и вполне осознанно воспринимается как органическая часть лингвистической науки. В этом смысле научная деятельность великого ученого Романа Осиповича Якобсона – безусловный аргумент в пользу именно такого решения проблемы статуса этой научной дисциплины.

В предисловии к тому избранных трудов Р. О. Якобсона, составленному М. Л. Гаспаровым, «Работы по поэтике» Вяч. Вс. Иванов справедливо писал:

«Всегда в поле его зрения оставалась необходимость живой связи лингвистики и поэтики. Он настаивал на том, что без понимания роли разных уровней языка в поэзии нельзя до конца понять язык ни в его

функционировании, ни в истории; поэтому поэтика всегда оставалась для него пробным полем, экспериментальным простором для лингвистики. Вместе с тем он считал невозможным построить серьезную описательную и историческую поэтику без опоры на лингвистические выводы. Оттого языковедение и поэтика для него были близнецами, неразлучимость которых он не переставал доказывать» [3: 5].

Еще в написанной совместно с П. Богатыревым брошюре 1923 года «Славянская филология в России за годы войны и революции» авторы называют одну из глав своего обзора «Поэтикой» и интерпретируют эту часть филологии как одну из «лингвистических дисциплин», причем до недавнего времени «находившуюся в загоне»¹. Как очевидный ответ на этот объективный вызов можно рассматривать и тот факт,

что один из томов «Избранных сочинений» Якобсона – пятый – так и называется – «О стихе» [13] и включает в основном собственно стиховедческие работы, написанные в самые разные годы творческой жизни Якобсона; при этом статьи, посвященные исследованию различных аспектов теории стиха, находим и в других томах этого замечательного девятитомника. Как писал сам ученый в поздней работе «Retrospect» [12], переведенной М. Гаспаровым и опубликованной под названием «Ретроспективный обзор работ по теории стиха» [11]:

«...на протяжении всей моей научной жизни меня всегда привлекали необъятные области стиховедения (Verslehre) с их множеством разнообразнейших проблем, заманчивых и все еще не решенных» [11: 242].

Не будет преувеличением сказать, что работами о поэзии и стихе Якобсон и начинает, и завершает свой многолетний научный путь. Тем не менее наиболее плотно они сосредоточены именно в начале его научной карьеры, о чем убедительно свидетельствует и наиболее полная библиография работ ученого, составленная его учеником и исследователем Стивеном Руди [15], автором диссертации «Поэтика Якобсона московского и пражского периодов» (диссертация на соискание ученой степени доктора философии Йельского университета, 1978) [14]. В уже упомянутом обзоре, после данной в начале справедливо высокой оценки статей А. Белого, опубликованных в «Символизме» и заложивших начало научному стиховедению в России, Якобсон пишет:

«Я испытывал глубокую неудовлетворенность гospодствовавшим в то время ненаучным подходом к теории литературы и поверхностными, импрессионистическими работами критиков в этой области, поэтому меня чрезвычайно увлекла вдохновенная и вдохновляющая конкретность прозрений Белого, и в особенности его скрупулезное исследование поэтического мастерства» [11: 239].

Далее как пример реального преодоления «ненаучности» тогдашней филологической науки в целом Якобсон приводит деятельность московского лингвистического кружка (МЛК) [6], работой которого он руководил и среди достижений которого особо выделял

«блестящие доклады Б. И. Ярхо (1889–1942) о латинских “каролингских ритмах”, Б. В. Томашевского (1890–1957) о пятистопном ямбе Пушкина и О. М. Брика (1888–1945) о “ритмикосинтаксических фигурах” и дискуссии по докладам» [11: 241].

Как видим, «блестящими» Якобсон называет доклады, посвященные вполне конкретным, даже частным вопросам теории и истории стиха, в то время как с самого начала его больше привлекают проблемы общие, хотя тоже рассматриваемые на вполне обозримом, конкретном материале. И начало такому подходу закладывается именно в первые годы научной карьеры будущего основоположника структурализма.

Этот период научного творчества Якобсона подробно анализирует И. Пильщиков в статье с показательным названием «Заседание московского лингвистического кружка 1 июня 1919 г. и зарождение стиховедческих концепций О. Брика, Б. Томашевского и Р. Якобсона» [4]. И тут, как нам представляется, важно открыть библиографию Руди: она начинается – и это вполне закономерно – созданными и опубликованными Якобсоном художественными текстами, вошедшиими в их совместную с Алексеем Крученых «Заумную гнигу» (М., 1915). Их в «Заумной гниге» два, они расположены одно под другим на странице, отведенной «главным» автором «гостю». Вот первый, помещенный прямо под псевдонимом автора – Алягров, который, тем более в таком контексте, тоже выглядит как образец зауми:

мзглыбжву ѹихъяньдрю чтлэшк хн фя съп скыполза
а Втаб-длкни тъяпра какайзчди евреец чернильница²;

а вот второй, «ползуамный», содержащий несколько традиционных лексем:

РАССЕЯНОСТЬ	
удуша янки аркан	
канкан армянк	
душаянки китаянки	
кит ы так и никакая	
армяк	
этикэтка тихая ткань тик	
тканія кантик	
а о оршат кянт и тюк	
таки мяк	
тмянты хняку шкям	
анмяя кыкъ	
атразиксю намёк умён тамя	
мянк – ушатя	
не аваопостне передовица	
передник гублицю стоп	
тляк в ваго передавясь ³ .	

Как видим, первый текст можно интерпретировать и как стихотворный, и как прозаический, а второй – как безусловно стихотворный, причем написанный свободным стихом; кроме этого, в ряде случаев Алягров с помощью курсива обозначает ударения, что очень важно для чтения заумных текстов, трудно вписывающихся в конкретные силлабо-тонические размеры. Однако автор делает это непоследовательно, особенно во втором тексте, в котором активно используется аллитерация как дополнительное стихообразующее средство. В общем, нетрудно увидеть в этих опытах своеобразный синтез

собственно художественного формального эксперимента по созданию заумных текстов в духе радикального футуризма и одновременно аналитического самоописания творческого процесса.

Сюда же примыкает несколько экспериментальных якобсоновских переводов стихов Хлебникова и Маяковского на разные языки, созданных в 1910-е годы, из которых особенно выделяется переложение на старославянский стихотворения Маяковского «Ничего не понимают» (1914), выполненное в 1917 году [8: 239, 284]. Правда, впервые оно было опубликовано только в 1940 году в мемуарах В. Нейштадта о Маяковском⁴, а предметом научной рефлексии стало еще позднее, в статье 1989 года [7] и на знаменитом конгрессе «100 лет Р. О. Якобсону» в РГГУ в 1996 году, где это произведение в присущем ему провокативном стиле представил известный московский стиховед Максим Шапир.

Позднее указанные футуристические опыты составили ядро уже упомянутой книги «Будетянин науки» и лишний раз подтвердили мысль, что ученый, занимающийся изучением художественной словесности, не может не знать, как, по каким законам эта словесность создается – причем знать не только теоретически, но и практически, что Якобсон как раз и демонстрирует своими первыми опытами. Вслед за стихами и переводами на рубеже 1910–1920-х годов закономерно появляются популярные критические статьи Якобсона о футуризме в поэзии и новых явлениях в изобразительном искусстве [5].

Вся эта работа, как позднее выяснилось, носила в основном подготовительный характер, однако она проявила общую закономерность творчества начинающего ученого, прекрасно описанную Н. С. Автономовой:

«Истоком страсти Якобсона к языку была поэзия – сначала символистская, потом футуристская: обычно, говоря о литературе, он обращался к поэзии. Причина этого, однако, не совсем обычна: поэзия для него – это единственный универсальный жанр искусства. Проза существует не везде, а поэзия везде; проза – это смягченная поэзия, а поэзия прямо повернута к языку. В самом деле, обыденный разговор произведен, а поэзия подчиняется наиболее четким и строгим формальным принуждениям (ритм, звуковой строй, семантическая организация, пространственная форма – повторы, симметрии, градации, оппозиции)» [1: 32].

Как результат всей этой деятельности в 1921 году выходит первая собственно научная работа начинающего исследователя – и сразу монография (хотя и миниатюрная, всего 68 страниц) – «Новейшая русская поэзия. Набросок первый. Виктор Хлебников»⁵. Однако, вопреки ожида-

ниям, собственно стиховедческих наблюдений и выводов в этой книге немного, и все они касаются исключительно звуковой стороны поэтической речи близко знакомого ученому великого поэта. При этом большую часть исследования составляют, как пишет Якобсон, предваряя главку о синтаксисе Хлебникова, скорее «отдельные замечания» [9: 46], чем систематическое изложение теории; касаются они в первую очередь конкретных тропов и фигур хлебниковской речи. Однако в то же время в работе много основополагающих методологических замечаний об определяющей роли лингвистики в изучении поэзии. Более того, уже в самом начале книги появляется важнейший тезис поэтики Якобсона: «Поэзия есть язык в его эстетической функции» [9: 27]. Особое внимание уделено неологизмам и зауми Хлебникова и их роли в его индивидуальной поэтике. Много замечаний об эвфонии хлебниковского стиха и о его рифме, вообще о новейшей русской рифме; в этом разделе своей работы Якобсон переходит от заметок к связной теории и, по сути дела, описывает закономерности рифмы современной ему поэзии, попутно, как всегда, делая важнейшее замечание: «Русский верлибр выдвинул с новой силой установку на рифму» [9: 74].

Характерно, что в том же 1921 году появляется статья Якобсона «О художественном реализме», в которой автор выступает прежде всего как принципиальный критик нетерминологического употребления слова «реализм», начиная свое рассуждение словами:

«До недавнего времени история искусства, в частности история литературы, была не наукой, а *causerie* (болтовней – прим. редактора). Следовала всем законам *causerie*. Бойко перебегала от темы к теме, от лирических словоизлияний об изяществе формы к анекдотам из жизни художника, от психологических трюизмов к вопросу о философском содержании в социальной среде» [10: 387].

Не говоря о стихе и его теории в буквальном смысле, Якобсон высказывает здесь важнейшую интенцию всего стиховедения «как точной науки», начинающейся от стремления к объективности и терминологической точности и категорического неприятия «*causerie*» (или как сейчас принято говорить – «филологического ля-ля»), так что и в этом случае статья оказывается методологически крайне важной для стиховедческой науки.

Далее, в упомянутом уже обзоре Богатырева и Якобсона «Славянская филология в России за годы войны и революции», опубликованном в 1923 году, именно стиховедческие работы

Л. Якубинского, Б. Эйхенбаума, В. Жирмунского, Б. Томашевского, О. Брика, С. Боброва, Р. Якобсона и др. приводятся в качестве примера того, как «молодые русские филологи пытаются построить новую теорию поэтического языка»⁶; прямо перед ними в обзоре сочувственно упомянуты также работы ученых старшего поколения, писавших в начале века о поэтическом языке и о стихе, в том числе и то, что «русские символисты немало делали за последние годы для популяризации своих ритмических и эвфонических теорий»⁷. Однако в том же году молодой ученый выступает, как он сам писал по другому поводу, с «жестокой критикой» брюсовского «учебника» «Наука о стихе»⁸ и отчасти его авторской стиховедческой хрестоматии «Опыты»⁹. В рецензии Якобсона «Брюсовская стихология и наука о стихе» снова на первом плане – осуждение многочисленных терминологических неточностей и даже ошибок, начиная с нечеткого, противоречивого употребления самого понятия «ритм»¹⁰.

Якобсон вполне справедливо пишет:

«Новая книга Брюсова – яркий образчик обнаженной терминологии. Брюсов пускает в ход весь громоздкий реквизит классической метрики: иперметрия, липометрия, систола, диастола, синереса, диереса, синкопа, бакхий, анти-бакхий, моллосс, амфимакр, диямб, ди-хорей, антиспаст, ионическая восходящая, ионическая нисходящая, дипиррихий, диспондей, эпиритры, дохмий и т. п. испещряют страницы новой книги по русской метрике. Не объяснить, далее не описать явление стремится Брюсов, а только окрестить его»¹¹.

Соответственно, далее Якобсон называет брюсовскую теорию стиха «бумажной» (в то время как у Голохвастова она, по мнению Якобсона, «архивная»)¹².

Сkeptически относится Якобсон и к принципиальной приверженности Брюсова – причем и как практика, и как теоретика – к силлаботонике и ее стопной теории, объясняющей все: классик символизма, как известно, категорически не понимал и не принимал литературной тоники (в отличие от фольклорной), о чем позднее писал и Гаспаров, говоря об определенной ритмической робости поэта, не позволившей ему всерьез освоить даже дольники [2: 408–410] – в отличие от Якобсона, отдававшего предпочтение (очевидно, и под влиянием практики любимых им футуристов) именно тонике и постоянно противопоставлявшего «живой» тонический стих «музейной» силлабике и силлаботонике.

Не удовлетворяет Якобсона и брюсовский подход к рифме, главу о которой критик пренебрежительно называет «статьейкой о рифме», которая по бедности метода, классификаций

и определений превосходит все остальные»¹³ и согласно которой «не фонетический, а буквенный состав» является решающим моментом¹⁴. Характерен и главный вывод ученого по поводу брюсовской теории в целом и излагающего ее учебного курса: «метрическая система Брюсова проходит мимо языка»¹⁵ (снова апелляция именно к языку!).

В следующем, 1923 году Якобсон публикует свою «Заметку о древнеболгарском стихосложении»¹⁶, начинающуюся словами:

«Вчитываясь в древнерусские церковные песнопения, я невольно обратил внимание на их ритмичность. При ближайшем рассмотрении мне удалось установить, что древнеболгарские протографы, по крайней мере части тех отрывков, которые оказались у меня под рукой, написаны силлабическим стихом <...> система состоит в равносложности всех стихов; цезура обычна; стих заканчивается хореически: внутри стиха расстановка ударений более или менее свободна. Наряду с политическим стихом бытовал в Византии и стих “ритмический” <...> чуждый силлабическому принципу – тонический, но не стопный, тесно связанный с музыкальным исполнением»¹⁷.

Далее Якобсон предлагает собственные «попытки ритмической реставрации кондаков», сделанной с опорой на ритмическую разметку текста, основанную на знаках препинания, высказывая попутно мысли о природе стихотворного переноса, о причинах отказа некоторых современных поэтов от знаков препинания и т. п. нюансах, связанных с этими компонентами речи. Однако пятый том «Избранных работ» Якобсона закономерно открывается не этими работами, очень важными для понимания логики развития начинаящего исследователя, а исследованием того же 1923 года «О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским», вышедшим в знаменитой опоязовской серии «Сборники по теории поэтического языка»¹⁸ (чешская версия книги с принципиальным авторским послесловием вышла в Праге в 1926 году¹⁹). В этой небольшой, но чрезвычайно емкой работе Якобсон обоснованно критикует бывшие в те годы очень популярными «произносительные» теории стиха (Сиверса и др.²⁰, при этом сам он активно опирается на «записи французов», сделанные Броком с помощью его звукозаписывающего «аппарата»²¹).

Всесторонне анализируя особенности чешской стихотворной речи, русский ученый последовательно сравнивает разные национальные системы славянского стиха с фонологической точки зрения, вводит в активный оборот представления о сильных и слабых ударениях, о реальной ритмообразующей функции словоразделов,

долгот и краткостей гласных в чешском стихе, об исторических особенностях чешской рифмы; наконец, рассуждает о комплексе разнородных причин, на практике порождающих «иноземное воздействие на версификацию» – как на конкретно чешскую, так и в общетеоретическом, типологическом смысле.

Наконец, в примечаниях – будто бы между делом – Якобсон одним из первых пишет о характерных особенностях тонического стиха Маяковского (поэзию которого метко называет «поэзией выделенных строк по преимуществу»²²) и о соответствующей им стиховой графике, в первую очередь о так называемой «лесенке»:

«Деление на строчки самого Маяковского не совпадает с подлинными границами стихов. Я обозначаю его вертикалями. Это деление нельзя считать, как делают многие, “причудою”. Оно подсказывает читателю сущность ритмического членения стихов Маяковского. <...> Это несущественно, что у Маяковского далеко непоследовательно совпадение ритмического члена со стихотворной строчкой, и на одну строчку сплошь и рядом может приходиться по два, а то и по нескольку членов. Важно, что графическим приемом дана установка на членение стиха»²³.

В уже упомянутом позднем обзоре «Retrospect», подводя итоги своих многолетних исследований по теории стиха (проводимых, кстати сказать, на материале не только русского, чешского и болгарского, но и французского и норвежского стиха, мордовской народной песни и т. д., причем постоянно приводя весь этот разнообразнейший материал в виде убедительных

примеров), Якобсон перечисляет волновавшие его в течение жизни «разнообразнейшие проблемы, заманчивые и все еще не решенные», среди которых «проблема факторов вариативности, на которую я указал в моей книге о чешском стихе»; «проблема семантических ассоциаций, связанных с некоторыми метрическими формами»; «проблема общих правил, ограничивающих набор разрешаемых метром форм», «типологическое сравнение национальных систем стиха». Нетрудно увидеть, что это – самые живые проблемы не только для Якобсона, но и для мирового стиховедения в целом. А сам Якобсон, перечисляя их, пишет, что стал размышлять над ними начиная с самых ранних работ и неоднократно к ним возвращался. И действительно, в свои ранние годы, московские и пражские, Якобсон, по сути дела, закладывает прочные теоретические основы своих основных стиховедческих концепций, на которые потом будет ориентироваться всю жизнь: последовательное понимание поэзии как языка в его эстетической функции; проблема факторов вариативности, служащих объективными основаниями особой поэтической речи.

Все это было фундировано у молодого Якобсона глубоким знанием языков, причем разного типа, теоретическим складом мышления, критическим отношением к научным авторитетам старших поколений и подкреплено общим революционным энтузиазмом первых десятилетий XX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Славянская филология в России за годы войны и революции. Берлин: ОПОЯЗ, 1923. С. 23.
- ² Крученых А. Е., Алягров. Заумная гнига. М.: Тип. Работнова, 1916. С. 44.
- ³ Там же.
- ⁴ Нейштадт В. И. Из воспоминаний о Маяковском // 30 дней. 1940. № 9-10. С. 102–105.
- ⁵ Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия. Набросок первый. Виктор Хлебников. Прага, 1921. 68 с.
- ⁶ Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Славянская филология в России... С. 24.
- ⁷ Там же. С. 26.
- ⁸ Брюсов В. Я. Краткий курс науки о стихе: Наука о стихе: (Лекции, чит. в Студии стиховедения в Москве 1918 г.). М.: Альциона, 1919. 131 с.
- ⁹ Брюсов В. Я. (1873–1924). Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфики и формам. Со вст. ст. автора. М.: Геликон, 1918. 200 с.
- ¹⁰ Якобсон Р. О. Брюсовская стихология и наука о стихе // Научные известия Академического центра Наркомпроса РСФР. Сборник 2-й: философия, литература, искусство. М.: ГИЗ, 1922. С. 224.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 226.
- ¹³ Там же. С. 239.
- ¹⁴ Там же. С. 240.
- ¹⁵ Там же. С. 227.
- ¹⁶ Якобсон Р. О. Заметка о древнеболгарском стихосложении // Известия отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1923. № 2. С. 351–358.
- ¹⁷ Там же. С. 351.
- ¹⁸ Якобсон Р. О. О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским. Вып. V. ОПОЯЗ-МЛК. Берлин: Гос. изд-во РСФСР, 1923. 120 с. (Сборники по теории поэтического языка).

¹⁹ Jakobson R. Základy českého verše. Praha: Odeon (typ. A. Novotný), 1926. 140 str.

²⁰ Якобсон Р. О. О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским // Jakobson R. Selected writings. Vol. V. On verse, its masters and explorers. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers, 1979. C. 20–21.

²¹ Там же. С. 71–74.

²² Там же. С. 100.

²³ Якобсон Р. О. О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским // Jakobson R. Selected writings. Vol. V. On verse, its masters and explorers. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers, 1979. C. 106.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 509 с.
2. Гаспаров М. Л. Брюсов-стиховед и Брюсов-стихотворец (1910–1920-е годы) // Гаспаров М. Л. Избранные труды. Т. III. О стихе. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 399–422.
3. Иванов Вяч. Вс. Поэтика Романа Якобсона // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 5–29.
4. Пильщик И. Заседание московского лингвистического кружка 1 июня 1919 г. и зарождение стиховедческих концепций О. Брика, Б. Томашевского и Р. Якобсона // *Revue des études slaves*. 2017. LXXXVIII 1-2. DOI: 10.4000/res.956 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journals.openedition.org/res/956> (дата обращения 12.08.2025).
5. Ранние статьи Р. О. Якобсона о живописи / Подгот. текста А. Е. Парниса; Коммент. А. Е. Парниса; Вступ. слово А. Е. Парниса // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 409–413.
6. Шапир М. И. Московский лингвистический кружок (1915–1924) // Российская наука на заре нового века: Сборник научно-популярных статей. М.: Науч. мир: Природа, 2001. С. 457–464.
7. Шапир М. И. Русская тоника и старославянская силлабика: Вл. Маяковский в переводе Р. Якобсона // Даугава. 1989. № 8. С. 65–79.
8. Якобсон Р. О. Будетлянин науки: воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и comment. Бенгта Янгфельдта. М.: Гилея, 2012. 306 с. (Испр. и доп. переизд. сб. материалов «Якобсон-будетлянин» (Стокгольм, 1992))
9. Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия. Набросок первый: Подступы к Хлебникову // Мир Велимира Хлебникова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 20–77.
10. Якобсон Р. О. О художественном реализме // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 387–393.
11. Якобсон Р. О. Ретроспективный обзор работ по теории стиха / Пер. с англ. М. Л. Гаспарова // Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 239–269.
12. Jakobson R. Retrospect // Jakobson R. Selected writings. Vol. V. On verse, its masters and explorers. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers, 1979. P. 569–602.
13. Jakobson R. Selected writings. Vol. V. On verse, its masters and explorers. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers, 1979. 623 p.
14. Rudy S. Jakobsonian poetics of the Moscow and Prague periods [PhD dissertation, Yale University]. Yale University, 1978. 530 p.
15. Rudy S. Roman Jakobson, 1896–1982: A complete bibliography of his writings. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1990 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://comenius-bibl.wz.cz/Jakobson.html#swii2> (дата обращения 20.07.2025).

Поступила в редакцию 25.08.2025; принята к публикации 10.11.2025

Original article

Yuriy B. Orlitskiy, Dr. Sc. (Philology), Leading Researcher, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-4868-8882; ju_b_orlitski@mail.ru

FORMATION OF ROMAN JAKOBSON'S VIEWS ON POETRY (1916–1923)

A b s t r a c t. This article explores a key aspect of the scholarly personality of the renowned Russian philologist Roman Jakobson, specifically his work related to poetic studies. It traces the work-to-work development of a complex of his revolutionary scientific ideas from 1916 to 1923, highlighting his evolving understanding of the unique rhythmic and semantic nature of poetic speech, on the one hand, and the main methodological principles that underpin this awareness, on the other hand. The role of Jakobson's poetic creativity during his early years in this process is emphasized, including his publication of poems under the pseudonym Roman Alyagrov in futuristic editions. This practical engagement with poetry enabled the young researcher to delve deeply into the intricacies of poetic creation. Significant attention is given

to the range of theoretical and linguistic issues that Jakobson passionately addressed during the first years of his independent scientific career – issues to which he remained committed throughout his life. These include a consistent understanding of poetry as a form of language serving an aesthetic function, the exploration of variability factors that form the objective basis of special poetic speech, the investigation of “semantic associations linked to specific metrical patterns, as well as the general rules that constrain permissible forms within a given meter”, and the “typological comparison of national poetic systems”. All these insights stemmed from Jakobson’s profound knowledge of multiple languages of different types, his theoretical mindset, his critical attitude toward the scientific authorities of previous generations and were reinforced by the common revolutionary enthusiasm characteristic of the first decades of the twentieth century.

Key words: Roman Jakobson, versification, linguistics, methodology, poetry, verse, national verse systems

For citation: Orlitskiy, Yu. B. Formation of Roman Jakobson’s views on poetry (1916–1923). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):35–41. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1263

REFERENCES

1. Avtonomova, N. S. Open structure: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov. Moscow; St. Petersburg, 2014. 509 p. (In Russ.)
2. Gasparov, M. L. Bryusov as a poetry scholar and a poet (1910–1920s). *Gasparov, M. L. Selected works*. Vol. III. About verse. Moscow, 1997. P. 399–422. (In Russ.)
3. Ivanov, V. V. Roman Jakobson’s poetics. *Jakobson, R. O. Works on poetics*. Moscow, 1987. P. 5–29. (In Russ.)
4. Pilshchikov, I. The meeting of the Moscow Linguistic Circle of June 1st 1919 and the genesis of the prosodic theories of Osip Brik, Boris Tomashevsky, and Roman Jakobson. *Revue des études slaves*. 2017;LXXX-VIII-1-2:151–175. DOI: 10.4000/res.956. Available at: <http://journals.openedition.org/res/956> (accessed 12.08.2025). (In Russ.)
5. Roman Jakobson’s early articles on painting. (A. E. Parnis, Ed.). *Jakobson, R. O. Works on poetics*. Moscow, 1987. P. 409–413. (In Russ.)
6. Shapir, M. I. Moscow Linguistic Circle (1915–1924). *Russian science at the dawn of the new century: Collection of articles*. Moscow, 2001. P. 457–464. (In Russ.)
7. Shapir, M. I. Russian tonics and Old Church Slavonic syllabics: Vladimir Mayakovsky’s poems translated by Roman Jakobson. *Daugava*. 1989;8:65–79. (In Russ.)
8. Jakobson, R. O. Budetlyanin of science: memories, letters, articles, poems, prose. (B. Jangfeldt, Ed.). Moscow, 2012. 304 p. (In Russ.)
9. Jakobson, R. O. The newest Russian poetry. The first sketch: Approaches to Khlebnikov. *The world of Velimir Khlebnikov*. Moscow, 2000. P. 20–77. (In Russ.)
10. Jakobson, R. O. On artistic Realism. *Jakobson, R. O. Works on poetics*. Moscow, 1987. P. 387–393. (In Russ.)
11. Jakobson, R. O. Retrospective review of works on the theory of verse. (M. L. Gasparov, Transl.). *Jakobson, R. O. Selected works*. Moscow, 1985. P. 239–269. (In Russ.)
12. Jakobson, R. Retrospect. *Jakobson, R. Selected writings*. Vol. V. On verse, its masters and explorers. The Hague; Paris; New York, 1979. P. 569–602.
13. Jakobson, R. Selected writings. Vol. V. On verse, its masters and explorers. The Hague; Paris; New York, 1979. 623 p.
14. Rudy, S. Jakobsonian poetics of the Moscow and Prague periods [PhD dissertation, Yale University]. Yale University, 1978. 530 p.
15. Rudy, S. Roman Jakobson, 1896–1982: A complete bibliography of his writings. Berlin; New York, 1990. Available at: <https://comenius-bibl.wz.cz/Jakobson.html#swiii2> (accessed 20.07.2025).

Received: 25 August 2025; accepted: 10 November 2025

ВИКТОРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА СТЕПАНЕНКО

аспирант, ассистент кафедры русского языка филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-3879-5243; nika-step@mail.ru

ПРОХИБИТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫХ УКАЗАХ ПЕТРА ВЕЛИКОГО 1713–1715 ГОДОВ

А н н о т а ц и я . Представлен лексико-грамматический анализ 40 синтаксических структур с семантикой запрета в пяти именных указах Петра Великого, связанных с темой казнокрадства. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения категории прохихитивных структур русского языка в аспекте исторической стилистики. Способы выражения запретительной семантики во многом зависят от жанра текста, а также от множества экстралингвистических факторов, в нашем случае – от исторической эпохи, личности и деяний государя-реформатора. Доказывается, что тематика и цель конкретного документа обусловливают выбор прохихитивных синтаксических структур и их функционально мотивированный репертуар. Исследуемые запретительные конструкции были распределены в соответствии с полевой структурой, где отмечены ядро, ближняя и дальняя периферия. Предпринята попытка восстановить причинно-следственную связь между интенцией автора и используемыми единицами. Делается вывод о том, что в эпоху кардинальных преобразований в именных указах Петра I активно использовались прохихитивные конструкции, во многом служившие более четкому выражению монаршей воли, а их вариативность отражала прагматику указанного документа. Полученные результаты расширяют представление о способах выражения модальности в русском языке и имеют практическое значение для изучения истории деловой письменности и русского литературного языка в целом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : деловая письменность XVIII века, Петровская эпоха, официально-деловой текст, именной указ, императивность, модальность, прохихитив, запрет

Д л я ц и т и р о в а н и я : Степаненко В. Е. Прохихитивные конструкции в запретительных указах Петра Великого 1713–1715 годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 42–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1264

ВВЕДЕНИЕ

Прохихитивность традиционно изучается как часть функционально-семантического поля императивности, разработанного в рамках теории функциональной грамматики А. В. Бондарко. Повелительность – часть модальных значений и отражает ту

«сферу модальных значений, где оказывается несущественным противопоставление достоверность / недостоверность, т. к. в нем силен признак потенциального, заключенный в преобразовании ирреального действия в реальное» [3: 60].

Для анализа императивности вводится термин «императивная ситуация» – типовая содержательная структура, в состав которой входят три элемента: субъект волеизъявления, субъект-исполнитель и предикат, отражающий действие, которое должно трансформироваться из ирре-

ального в реальное. Таким образом, императивность трактуется как языковое отражение желания говорящего изменить реальность, то есть вербально представляет точку зрения говорящего на действительность.

Прохихитивность является частью бинарной структуры «утверждения-отрицания». Однако семантическая тождественность утверждения и отрицания, отмеченная в повествовательных предложениях, не наблюдается в императивных [16], [17]. В связи с этим в прохихитивных предложениях «в сферу действия оператора отрицания входит все содержание предложения» [16: 210], а не только глагольный предикат. Широкое понимание этой категории отражается и в возможностях языка сконструировать многочисленные высказывания с семантикой запрета, которые были изучены ранее в исследованиях по теории речевых актов [7], в рамках типологи-

ческой лингвистики [15], методики преподавания русского языка как иностранного [2], а также с точки зрения исторического развития языковых способов разграничения прохигитивности и предвентивности [9].

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОХИГИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ДЕЛОВОГО ТЕКСТА XVIII ВЕКА

Отмеченная семантическая неоднородность прохигитивности, обращение ученых к теории речевых актов указывают на то, что анализ подобных структур должен включать в себя учет не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов текстообразования, таких как интенции автора и прагматическая цель. В таком случае интересно обратить внимание на тексты, созданные в период, когда были вербализованы множественные запреты, и на основе их анализа определить основные этапы развития категории прохигитивности в русском языке. Этим требованиям отвечают деловые тексты Петровской эпохи, так как первая четверть XVIII века – эпоха кардинальных преобразований, подробно зафиксированных в документах, а также часть периода формирования национального русского языка, то есть активный поиск языковых средств, описывающих новые реалии.

Среди этих текстов выделяются именные указы Петра Великого – указы, в написании которых неоднократно отмечено личное участие монарха [4], активно участвовавшего в языковой реформе того времени в целом и требовавшего от языка документов ясности, точности и простоты в частности [18]. Они широко распространялись по стране и не были жанрово однородны: содержание текстов в современном понимании может трактоваться как собственно указ, так и манифест или должностная инструкция. В связи с этим именные указы использовались как «инструмент, позволяющий монарху оберегать себя и свои интересы, а также реагировать на текущие, злободневные проблемы в государстве» [20: 55]. Важен и лингвистический аспект, обусловленный выполнением разнообразных государствообразующих функций: они были лишь частично формализованы из-за начального этапа развития функциональных стилей¹.

Для изучения категории прохигитивности из 1046 именных указов Петра Великого (согласно подсчетам М. О. Акишина [1]) особенно ценными представляются запретительные указы. Этот термин встречается в судебно-следственном делопроизводстве последних лет правления Петра I и обозначает тематически связанные между собой антикоррупционные указы 1714–1721 годов [12]. Несмотря на властное и авторитарное

правление императора, внутри страны наблюдалось резкое увеличение коррупции на всех уровнях, из-за чего снижалась налоговая платежеспособность населения, от которой зависела боеспособность армии. До правления Петра коррупция не воспринималась как преступление [19], в связи с чем можно предположить, что длительный период публикования указов одной тематики связан с попыткой не только поменять законодательную систему, но и воздействовать на мышление жителей страны.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе анализа ряда работ историков и юристов [6], [11], [12] в качестве материала исследования было отобрано пять именных указов² 1713–1715 годов, имевших наибольшее влияние на формирование антикоррупционной деятельности. Два из отобранных указов³ исследовались в черном и беловом вариантах. Предметом исследования стали прохигитивные конструкции, то есть конструкции с семантикой запрета (40 употреблений). При этом прохигитивность рассматривалась как лексико-грамматическая структура, в которой можно выделить ядро, ближнюю и дальнюю периферию, где ближняя трактуется как этап перехода от ядра к периферии. Гипотезой послужило предположение, что количество и разнообразие прохигитивных структур в запретительных именных указах связаны с тематикой текстов и личным отношением говорящего к описываемой проблеме.

Субъектом волеизъявления всех именных указов был Петр I, то есть они публиковались от имени правителя и им подписывались, при этом не во всех текстах это эксплицировалось, что уже было отмечено лингвистами ранее [5]. Субъектом-исполнителем являлось население всего государства, так как коррупция существовала на всех уровнях, однако не всегда экспликация субъекта-исполнителя сохранялась в беловом варианте указа: ср. «*Указ обявит во всем государствѣ и Мы, Петръ Первый, царь i самодержецъ всеросійскій, i прочая i пр., i пр., объявляемъ симъ нашимъ указомъ*». Нерегулярная экспликация адресата обусловлена тем, что в Петровскую эпоху началась формализация делового документа и место адресата занимал формуляр, эксплицирующий адресанта сообщения.

Согласно исследованиям [7], [15], [16], [17], в современном русском языке ядро прохигитивности составляют глаголы несовершенного вида в повелительном наклонении с отрицательной частицей *не* в роли предиката. В ходе анализа прохигитивных конструкций в деловых текстах XVIII века было выявлено, что ядерной кон-

структурой являлась неличная форма глагола (инфinitив) с отрицательной частицей *не*, а также эта конструкция в сочетании с интенсификаторами [14], что подтверждается и на отобранном материале:

«*...> также и уездныхъ людейъ въ города для справки жъ не имать* *<...>*», «*...> то ему въ вину не ставить* *<...>*».

В современном русском языке такие конструкции считаются периферией прохитивности, однако стоит отметить их использование в современных регламентирующих официально-деловых текстах:

«В качестве традиций, норм и ценностей признаются, в частности, следующие: *...>* В том числе, **не оказывать неправомерное воздействие** на универсантов (например, используя свое служебное положение, профессиональный или учебный статус, иные обстоятельства) для достижения любых целей *...>* **не допускать** плагиата, контрафакции и иных нарушений интеллектуальных прав *...>*⁴.

Однако в запретительных именных указах в качестве наиболее частотных выделены сочетания интенсификатор + отрицательная частица *не* + инфинитив:

«*...> а самимъ ни чѣмъ ни до кого, также и въ дѣла класъ о себѣ имѣющія, отнюдь ни тайно, ни явно не касаться под жестокимъ штрафомъ, или разоренiemъ и ссылкою* *<...>*»;

«*...> и никакого дѣла без оныхъ не дѣлать* *<...>*».

Выбор этих конструкций обусловлен тем, что любой указ Петра I выполнял пропагандистскую функцию и предназначался для чтения широким кругом лиц, что требовало тщательного отбора языковых единиц, понятных каждому адресату. Наличие интенсификаторов может быть связано, с одной стороны, с выраженной публицистичностью деловой письменности той эпохи [10], а с другой – с личностью Петра I, чью эмоциональность неоднократно отмечали историки. Это же подтверждает нагромождение прохитивных конструкций ядра и периферии в пределах одного предложения:

«*...> а на ихъ мѣсто выбирать иныхъ людей добрыхъ, и правдивыхъ* *<...>* **такмо изъ дворянъ молодыхъ не принимать**, и которые нынѣ такie есть, **тѣмъ не быть**, а быть **не молодымъ, а именно отъ сорока лѣтъ и выше, кроме тѣхъ**, которые суть изъ купечества *<...>*».

Дальнейшие примеры представляют периферию прохитивности, так как в них семантика запрета реализуется в контексте. Таким образом, примеры ближней и дальней периферии относятся к имплицитному способу выражения запрета, который был изучен ранее на материале анализа живой речи [8], [13].

Ближнюю периферию составляют конструкции, в которых значение запрета реализуется в контексте, а именно в семантической связи форм глаголов:

1) отрицательная частица *не* + деепричастие:

«*В приказ Губернаторам, не описався и не получа указа от Сената, не давать ничего*»;

«*...> и давать имъ въ платежѣ тѣхъ сборовъ отписи за своими руками во время платежа, в тѣхъ же селахъ и деревняхъ **тотчасъ не выѣзжая*** *<...>*»;

2) отрицательная частица *не* + инфинитив (предикат придаточного цели):

«*...> дабы не дерзали никаких посоловъ казенныхъ и съ народа сбираемыхъ денегъ братъ*».

В XVIII веке деепричастие показывало, что действие является добавочным и уже имеет значение обусловленности или временной соптнесенности (одновременности или предшествования) с основным действием. Следовательно, деепричастие в сочетании с отрицательной частицей *не* не могло самостоятельно обозначать действие, подвергавшееся запрету. В такой же семантической зависимости находится и предикат придаточного цели: он неразрывно связан с предикатом главного предложения посредством синтаксических отношений главной и придаточной частей сложного предложения. В подобных примерах формы глаголов связаны с императивными конструкциями, что позволяет реализовывать ослабленное императивное значение и выражать прохитивность в сочетании с отрицательной частицей *не*.

Самой сильной зависимостью от контекста обладают конструкции дальней периферии. В ней выявлены следующие конструкции:

1) ограничительная частица *только* / выделительная частица *именно* + существительное:

«*...> надобно изъяснить именно интересы государственные для выразумленія людемъ* *<...>*»;

«*...> и имѣть оному **только** два голоса, а прочимъ по одному* *<...>*»;

2) отрицательная частица *не* + второстепенный член предложения:

«*...> и къ покупкѣ и къ подрядамъ призывать, объявляя всякихъ чиновъ людемъ **не тайно*** *<...>*»;

«*Тѣмъ же сборщикамъ, а не особымъ в уѣздахъ, на ослушникахъ, которые сами на указные сроки исправляться не будутъ, сбирать и высылать рекрутъ* *<...>*»;

3) предлоги *кроме* / *без* + существительное:

«*...> чтобъ всѣхъ преступниковъ и повредителей интересовъ Государственныхъ съ вымысла, **кромѣ простоты какой*** *<...>*»;

«*...> подряды чинить въ Приказахъ и въ Губерніяхъ съ великимъ рабѣтельнымъ осмотрѣніемъ, **без всякихъ вымысловъ** и безпосульно, ища Государственной прибыли **безъ тягости народной*** *<...>*».

Для того чтобы определить, какая конструкция дальней периферии отвечает за реализацию семантики запрета, необходимо произвести трансформацию структуры предложения без потери смысла, отобрав для этого ядерные конструкции. Второй пример из первой группы можно преобразовать в *не иметь большие двух голосов*, а первый пример из третьей группы – в *не чинить с вымыслом*. Предлоги *без*, *кроме* / частицы *именно*, *только* реализуют семантику отсутствия, ограничения или выделения в сочетании с существительными, которые являются частью императивной конструкции делового текста. Таким образом, в деловом тексте, предназначенному для регулирования отношений государства и общества, семантика отсутствия, ограничения или выделения становится частью имплицитного выражения запрета.

Некоторые конструкции были использованы в нескольких анализируемых текстах, что позволяет отметить элементы самоповтора: *кромь простоты какой; дабы впредь невѣдѣніем никто не отговаривался*. Дословное повторение отдельных конструкций или придаточных частей сложного предложения может быть связано с опосредованностью коммуникации между субъектом-исполнителем и субъектом волеизъявления делового текста. Если в речевом акте у субъекта волеизъявления есть возможности включить в коммуникацию невербальные средства или выбрать из арсенала языковых средств иной способ общения, чтобы стимулировать субъекта-исполнителя преобразовать ирреальное действие в реальное, то деловой текст является письменной фиксацией желания субъекта волеизъявления преобразовать действительность, где нет прямой коммуникации между субъектами и контроля над исполнением действия.

Интересно отсутствие модальных операторов *не надлежит, не надобно, не дозволено*. Модальные слова *надлежит* и *надобно* единично встречаются в сочетании с ограничительными частицами *только* и *именно*: *надобно изъяснять именно интересы государственные и надлежит только провѣдывать и доносить*. Также единично использовалось слово *запрещается*, в чьем лексическом значении заложен запрет: *того ради запрещается всѣмъ*

чинамъ. Можно предположить, что такой выбор связан с прагматической целью и тематикой указов – наиболее ясно, при этом подробно и аргументированно объяснять широкому адресату необходимость прекратить казнокрадство. Это подтверждается обилием предложений с придаточными причины, цели и условия, которые, однако, наблюдаются во всех указах Петровской эпохи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Именные указы Петра Великого изобилуют прохигитивными конструкциями в связи с целым рядом социальных и культурно-исторических причин: тексты создавались в эпоху реформ, требующих решительных и жестких мер. При этом особенно важными в исследовании этой категории представляются именные запретительные указы Петра I, которые насыщены прохигитивными конструкциями в связи с необходимостью изменить не только законодательные традиции, но и отношение жителей государства к коррупции.

Очевидное стремление Петра контролировать все возраставшую коррупцию, иные противоправные деяния граждан обновленной России доказывается лингвистическим анализом материала: отмечено усиление запрета посредством использования самоповторов и многочисленных интенсификаторов, а также конструкций эксплицитного (составляющие ядро и ближнюю периферию) и имплицитного (составляющие дальнюю периферию) выражения прохигитивности. Несмотря на то что были отобраны как регламентирующие (именной указ «О должности фискалов» в современном понимании интерпретируется как должностная инструкция), так и директивные документы (собственно указы, содержащие запреты), не жанр документа, а тематика текста обуславливает выбор прохигитивных конструкций. Таким образом, дальнейшее исследование запретительных конструкций в деловой (шире – государственной) коммуникации в эпоху кардинальных языковых и государственных преобразований позволит определить основные этапы развития деонтической модальности в деловой речи и дополнить имеющиеся сведения об истории русского литературного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Серов Д. О. Фискальная служба и прокуратура России первой трети XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2010. 58 с.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. V. № 2673; Там же. № 2707; Там же. № 2786; Там же. № 2871; Там же. № 2877.

³ Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М.; Л.: Изд-во Акад. наук Союза ССР, 1945. С. 210–212, 332–335.

⁴ Кодекс университета Санкт-Петербургского государственного университета // Приложение к приказу от 03 октября 2016 г. № 7966/1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://spbu.ru/openuniversity/documents/kodeks-universanta?ysclid=mgjl39i5gr823503932> (дата обращения 12.07.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишин М. О. «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3 (21). С. 95–117.
- Андрющенко Е. В. Выражение невозможности и запрещения в конструкциях со словами НЕЛЬЗЯ и НЕ: К вопросу о виде глагола в инфинитиве // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 37–40.
- Бондарко А. В. Вступительные замечания / Модальность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 59–67.
- Воскресенский Н. А. Петр Великий как законодатель: Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 637 с.
- Глотова С. А. Указ как основной распорядительный документ в высших органах власти XVIII в. // Вестник РГГУ. 2011. № 18 (80). С. 225–238.
- Гридинев В. П. Борьба Петра I с коррупцией в России // Управленческое консультирование. 2023. № 1. С. 100–106.
- Иосифова В. Е. Побудительные высказывания, выражающие запрещение // Преподаватель XXI век. 2010. № 3-2. С. 278–283.
- Кулькова М. А. Речевые акты, репрезентирующие коммуникативно-прагматический фрейм «запрет» в русских и немецких паремиологических текстах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2010. № 1. С. 45–47.
- Мишина Е. А. Отрицательный императив в древнерусском языке // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 1 (23). С. 154–182. DOI: 10.31912/pvrli-2020.1.9
- Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): Лингвистические очерки. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2011. 266 с.
- Прокопчук А. В. Антикоррупционная политика Петра Первого // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2018. № 4 (68). С. 116–122.
- Редин Д. А. «Запретительные указы» Петра I в контексте российской экономики раннего Нового времени // История: факты и символы. 2021. № 4 (29). С. 125–133. DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-125-133
- Россолова О. А. Коммуникативно-прагматические способы и средства репрезентации речевого акта запрета // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 4-2. С. 159–164. DOI: 10.37882/2223-2982.2020.04-2.30
- Руднев Д. В. Проhibитивные конструкции в деловом языке XVIII // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4 (111). С. 56–67. DOI: 10.22204/2587-8956-2022-111-04-56-67
- Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. 301 с.
- Храковский В. С. Проhibитивные предложения // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 210–212.
- Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2001. 272 с.
- Черепанова О. А. Становление имперского сознания и языковая ситуация в XVIII в. // Язык и ментальность в русском обществе XVIII века / Отв. ред. В. В. Колесов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. С. 37–84.
- Черникова Т. В. «Обратная сторона» петровских реформ // Вестник Российской университета дружибы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20, № 1. С. 88–107. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-1-88-107
- Ютяева Л. Е. Понятие и место именных указов в законодательстве XVIII века, их значение в становлении и развитии абсолютизма // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 3 (14). С. 53–55.

Поступила в редакцию 01.08.2025; принята к публикации 10.11.2025

Original article

Victoria E. Stepanenko, Postgraduate Student, Assistant, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-3879-5243; nika-step@mail.ru

PROHIBITIVE CONSTRUCTIONS IN PETER THE GREAT'S PROHIBITIVE DECREES OF 1713–1715

Abstract. The article presents a lexical and grammatical analysis of 40 syntactic structures with prohibitive semantics found in five decrees issued by Peter the Great, aimed at combating corruption. The relevance of the research is determined by the need to study the category of prohibitive structures of the Russian language from the perspective of

historical stylistics. The ways of expressing prohibitive semantics largely depend on the genre of the text and various extralinguistic factors, in our case, on the historical period, the personality of the reformist monarch, and his actions. The hypothesis posited that the subject matter of each document determined the choice and diversity of prohibitive syntactic constructions. The selected prohibitive constructions were categorized according to a field structure, where the core, near periphery, and far periphery are marked. An attempt was made to reconstruct the causal relationship between the author's intent and the linguistic units employed. The study concludes that during a period of radical change, prohibitive constructions were actively used in Peter the Great's decrees to reinforce the monarch's decisions, and their variability reflected the pragmatic features of the documents. The findings expand our understanding of the evolution of modality in the Russian language and hold practical significance for the study of the history of business writing and Russian literary language as a whole.

Key words: eighteenth-century business writing, Petrine era, official business text, personal decree, imperativeness, modality, prohibitive, prohibition

For citation: Stepanenko, V. E. Prohibitive constructions in Peter the Great's prohibitive decrees of 1713–1715. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):42–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1264

REFERENCES

1. A k i s h i n , M. O. "Common good" and the monarch's decree in the era of Peter the Great. *Leningrad Legal Journal*. 2010;3(21):95–117. (In Russ.)
2. A n d r y u s h c h e n k o , E. V. Expression of impossibility and prohibition in Russian word constructions with "NEL'ZJA" and "NE": revisiting the verbal aspect of infinitive. *World of the Russian Word*. 2017;1:37–40. (In Russ.)
3. B o n d a r k o , A. V. Introductory remarks / Modality. *Theory of functional grammar: Temporality. Modality*. Leningrad, 1990. P. 59–67. (In Russ.)
4. V o s k r e s e n s k y , N. A. Peter the Great as a legislator: A study of the legislative process in Russia during the reforms of the first quarter of the XVIII century. Moscow, 2017. 637 p. (In Russ.)
5. G l o t o v a , S. A. The decree as the basic order document in the higher organs of power in the XVIII century. *RSUH/RGGU Bulletin*. 2011;18(80):225–238. (In Russ.)
6. G r i d n e v , V. P. Peter the Great's fight against corruption in Russia. *Administrative Consulting*. 2023;1:100–106. (In Russ.)
7. I o s i f o v a , V. E. Imperative statements expressing prohibition. *Prepodavatel XXI vek*. 2010;3-2:278–283. (In Russ.)
8. K u l ' k o v a , M. A. Speech acts representing the communicative-pragmatic frame "prohibition" in Russian and German paremiologic texts. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2010;(1):45–47. (In Russ.)
9. M i s h i n a , E. A. The negated imperative in Old Russian. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2020;1(23):154–182. DOI: 10.31912/pvrl-2020.1.9 (In Russ.)
10. N i k i t i n , O. V. Business writing in the history of the Russian language (XI–XVIII centuries): Linguistic essays. Moscow, 2011. 266 p. (In Russ.)
11. P r o k o p c h u k , A. V. Anti-corruption policy Peter the Great. *Scientific Letters of Russian Customs Academy St. Petersburg Branch named after Vladimir Bobkov*. 2018;4(68):116–122. (In Russ.)
12. R e d i n , D. A. "Prohibitive decrees" of Peter I in the context of the Russian economy of early modern period. *History: Facts and Symbols*. 2021;4(29):125–133. DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-125-133 (In Russ.)
13. R o s s o l o v a , O. A. Communicative-pragmatic methods and means of representing the speech act of prohibition. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series "Humanities"*. 2020;(4-2):159–164. DOI: 10.37882/2223-2982.2020.04-2.30 (In Russ.)
14. R u d n e v , D. V. Prohibitive constructions in the business language of the 18th century. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*. 2022;4(111):56–67. DOI: 10.22204/2587-8956-2022-111-04-56-67 (In Russ.)
15. Typology of imperative constructions. St. Petersburg, 1992. 301 p. (In Russ.)
16. K h r a k o v s k y , V. S. Prohibitive sentences. *Theory of functional grammar: Temporality. Modality*. Leningrad, 1990. P. 210–212. (In Russ.)
17. K h r a k o v s k y , V. S., V o l o d i n , A. P. Semantics and typology of the imperative. The Russian imperative. Moscow, 2001. 272 p. (In Russ.)
18. C h e r e p a n o v a , O. A. The formation of imperial consciousness and the language situation in the XVIII century. *Language and mentality in the Russian society of the XVIII century*. (V. V. Kolesov, Ed.). St. Petersburg, 2013. P. 37–84. (In Russ.)
19. C h e r n i k o v a , T. V. The "flip side" of Peter the Great's reforms. *RUDN Journal of Russian History*. 2021;20(1):88–107. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-1-88-107 (In Russ.)
20. Y u t y a e v a , L. E. The concept and place of personal decrees in the legislation of the XVIII century, their role in the formation and development of absolutism. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Juridicheskie nauki*. 2013;3(14):53–55. (In Russ.)

ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА КОЛОКОЛОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-1625-5791; kolokolowa.olg@yandex.ru

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОСНОВЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАРЕЛИИ XX–XXI ВЕКОВ

Аннотация. Творчество русских писателей Карелии генетически восходит к традициям Русского Севера – крупнейшего центра древнерусской книжности, старообрядческой культуры, агиографии. Исследование роли православной традиции в русской литературе Карелии XX–XXI веков является актуальной проблемой, связанной с устойчивым интересом современной филологии к изучению литературного процесса в регионах. Общие тенденции бытования православной традиции в русской литературе Карелии XX–XXI веков не становились предметом отдельного анализа, что обусловило новизну исследования. В истории словесности Карелии христианские образы и мотивы интегрировались с региональными традициями, устойчивыми топосами локального текста. Поэзия начала XX века наследовала традиции русской духовной лирики XVIII–XIX веков. С Олонецким краем связан феномен творчества Н. Клюева, ставшего ядром новокрестьянской поэзии. В литературе конца 1910–1920-х годов библейская символика использовалась для изображения новой действительности, революция отождествлялась с пришествием Христа, актуализировался рождественский хронотоп (С. Шердюков, Д. Мошинский, А. Куняев и др.). Анализ текстов советского периода показал, что христианские образы функционировали в произведениях имплицитно (на уровне архетипов и контекста) или десакрализировались. Во второй половине 1960-х годов произошло переосмысление концепции жанров исторической прозы. Д. Балашов, В. Пулькин исследовали темы исторической памяти, роли Церкви в русской истории. В поэзию 1970–1980-х годов вновь вошли экфрастические образы храмов, христианская топика (И. Костин, А. Авдышев, Ю. Линник). Литература периода «духовного ренессанса» демонстрировала движение от исторической темы, эсхатологических образов к усилению лирического начала, вниманию к духовному миру человека, а также идеи православной соборности. Особое внимание уделено трансформации севернорусской агиографической традиции (В. Пулькин, Н. Васильева, Д. Новиков и др.), жанрам псалма (Д. Вересов, С. Захарченко), молитвы (А. Васильев).

Ключевые слова: русская литература Карелии, христианство, православные традиции, поэтика, рождественский хронотоп, пасхальность, соборность, агиография

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН.

Для цитирования: Колоколова О. А. Православные основы русской литературы Карелии XX–XXI веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 48–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1265

ВВЕДЕНИЕ

Православные традиции, преломленные в культуре региона, сочетающего в себе наследие русской и финно-угорской словесности, формировали своеобразие литературы Карелии. Творчество писателей генетически восходит к традициям Русского Севера – крупнейшего центра древнерусской книжности, хранителя старообрядческой культуры, агиографии. Функционирование хри-

стианских мотивов, образов, жанров на протяжении истории словесности не было единым: влияние оказывали внешние факторы, исторический контекст. Хронологические рамки настоящего исследования обусловлены историческим аспектом. Современная территория Карелии в качестве Обонежской пятины входила в состав Новгородской феодальной республики, таким образом, истоки словесности региона восходят к XII веку. Однако,

несмотря на традиции древнерусской литературы и труды писателей Нового времени, русская литература Карелии как единая система сформировалась в XX веке, а точнее – после 1917 года [17: 3–10]. Настоящее исследование не претендует на исчерпывающий обзор материала за период, охватывающий более ста лет. Тем не менее результаты предпринятого анализа позволяют выявить общие тенденции и закономерности, а также обозначить отдельные доминанты в рецепции православной традиции. Предполагаем, что сделанные в ходе работы наблюдения внесут вклад в изучение более глобальной темы «Литература Европейского Севера России и христианство», а также послужат основой для аналитических исследований, посвященных отдельным проблемам поэтики художественного текста. Изучение роли православной культуры, ее влияния на поэтику художественного текста в диахроническом срезе является актуальной проблемой, связанной с устойчивым интересом современной науки к изучению литературного процесса в регионах. Результаты анализа дают возможность выявить духовные доминанты и общие закономерности развития словесности Карелии.

Некоторые вопросы рецепции и трансформации христианской традиции в литературе Карелии были поставлены в коллективных монографиях, посвященных истории развития словесности в регионе [4], [17]. Ряд исследователей рассматривают заявленную проблему на материале творчества отдельных писателей: Н. Клюева [7], [8], [9], [16]; А. Васильева [5]; Ю. Линника [13] и др. Работы Н. Л. Шиловой посвящены изучению образа острова Кижи в русской литературе, а также христианских мотивов в Кижских сюжетах русской прозы [14]. Однако общие тенденции бытования православной традиции в русской литературе Карелии XX–XXI веков не становились предметом отдельного литературоведческого анализа, что обусловило новизну исследования. Применялись приемы изучения локального текста, сравнительно-сопоставительный, описательный методы, а также принципы диахронического анализа.

* * *

Русская литература Карелии начала XX века наследует традиции северорусской и русской словесности. В 1898–1918 годах в неофициальном отделе газеты «Олонецкие епархиальные ведомости», органа печати Олонецкой епархии, публиковались стихотворения духовного содержания. К числу постоянных авторов принадлежали протоиерей Н. Суперанский, иеродиакон Афанасий (Вишневский), священник В. Красов. В выпусках

1889–1911 годов представлено более двадцати стихотворений Д. П. Ягодкина (1848–1912), преподавателя Олонецкой духовной семинарии и Петрозаводского епархиального женского училища, краеведа, этнографа, автора работ по истории Церкви. Центральной темой духовной поэзии Д. П. Ягодкина (стихотворения «О небесном воспитании» (1898), «Велик Господь наш в небесах...» (1905), «Ты, Боже, Владыка миров...» (1905), «Всесцедр Господь Творец...» (1906) и др.) является единство всего сущего в духовной сопричастности Творцу. Сборник стихотворений «Песни победителей» (1905) – это, по словам автора, «песни сердечной любви, которая составляет существенное свойство Творца и всех добрых созданий»¹. Пейзажная лирика Д. П. Ягодкина сочетает в себе христианское мироощущение и картины величественного северного пейзажа, созданные в русле традиций Г. Р. Державина и Ф. Н. Глинки.

С Олонецким краем связано имя русского поэта Н. Клюева (1884–1937), который родился в деревне Коштуги Вытегорского уезда². Свои первые произведения поэт подписывал как Николай Олонецкий, подчеркивая связь с северорусским краем, «свою родовую (в широком смысле этого слова) принадлежность» [7: 60]. Н. Клюев возводит свою поэтическую биографию к Аввакуму и братьям Денисовым: «До соловецкого страстного сиденья восходит древо мое, до палеостровских самосожженцев, до выговских неколебимых столпов красоты народной»³. Ряд исследователей, в том числе Е. И. Маркова [9] и Е. М. Юхименко [16], полагают, что уникальность его поэтического дара во многом обусловлена семейным укладом. Воспитанный в старообрядческой среде, Н. Клюев с детства почитал традиции древнего благочестия, постигал таинство священных текстов. Безусловно, мировоззрение поэта шире, чем традиционная духовная жизнь русского крестьянства, но, размышляя о будущем России, Н. Клюев считал необходимым сохранить основы «избяной Руси».

Пространство Русского Севера в поэтическом мире Н. Клюева отмечено рядом устойчивых координат – сакральных топосов. Русский Север предстает как Новый Иерусалим, а олонецкие монастыри и храмы являются «сакральными константами» [8: 287]. Поэт вводит в художественный текст локальные образы Олонецкого края. К примеру, Н. Клюев чрезвычайно ценил Пудожье, поскольку этот топос в его мировосприятии неразрывно связан с образом Лазаря Муромского. В стихотворении «Мирская дума» святой предстает как носитель идеи спасения Руси,

наставник и объединитель северных народов⁴. Среди северорусских святых поэт особо почитал Зосиму и Савватия Соловецких. Н. Клюев отмечает, что бывал на Соловках дважды: «В самой обители жил больше года без паспорта, только по имени – это в первый раз; а во второй раз жил на Секирной горе»⁵. Поэтический облик монастыря запечатлен в поэме «Соловки» (1926–1928):

«Распрекрасен Соловецкий остров,
Лебединая тишина...
Звенигород, великий Ростов
Баюкает голубизна,
А тебе, жемчужине Поморья,
Крылья чаек навевают сны,
Езера твои и красноборья
Ясными улыбками полны...»⁶

Поэма, созданная через несколько лет после превращения обители в концлагерь и поругания мощей Зосимы и Савватия Соловецких, посвящена трагедии монастыря. Соловецкий монастырь представлен как духовный центр России, колыбель старообрядческой культуры. В произведении возникает мотив изгнания святых, отражающий духовную гибель Руси – России⁷.

Н. Клюев одним из первых вводит в поэзию образ острова Кижи с коннотацией сакрального пространства⁸, где «в горящих покрывалах / В заревых и рыбых славах / Плещут ангелы крылами»⁹. В поэме «Мать-Суббота» поэт ставит остров в один ряд с другими святынями Русского Севера:

«Палеостров, Выгу,
Кижи, Соловки,
Выплескали в книгу
Радуг черпаки»¹⁰.

В начале XX века творчество Н. Клюева стало своеобразным ядром новокрестьянской поэзии. Оно привлекало писателей разного уровня профессионализма. Например, образность пейзажной лирики вытегорского поэта С. Ручьева близка поэтике Н. Клюева. В стихотворении «Эти избы бревенчато-серые...» метафорическое значение леса как монашеского жилища имеет общую семантику с многосложным клюевским образом «многогородельного хвойного храма»:

«Скалы глыб от раскосой Карелии
Над чугунно-расплавленной мшавою
Грезят грустью бездонно-лукавою
В бледно-лиственной царственной
келии...»¹¹

В литературе первых лет революции и начала 1920-х годов идеи строительства новой жизни сосуществовали с христианскими представлениями о мире. Распространена модель отождествления революции с пришествием Иисуса Христа

(стихотворения С. Шердюкова «Он распят был», Д. Мошинского «Христос Воскрес!», А. Куняева «Христос! в Тебя мы верим...» и др.). В поэзии этого периода, наряду с пасхальным хронотопом, преобладающим в русской словесности¹², актуализируется рождественский хронотоп. В частности, в стихотворении А. Куняева «Звезды на небе ярко горят...» (1914) возникает образ соборного единства мира, когда даже враг не решается «бросить ядро» и нарушить тишину и мир, воцарившиеся в Святую ночь рождения Христа, «когда свет всепрощенья, любви засиял»¹³.

Необходимо заметить, что отношение к христианству и Русской православной церкви в художественных произведениях 1910–1920-х годов неравномерно и неоднозначно. В ряде текстов открыто звучат антирелигиозные мотивы (поэма П. Широкова «Два храма» (1922), пьеса Ю. Юрьина «Король в лохмотьях» (1921), поэма И. Калугина «Христос» (1922)).

Литература 1930-х годов развивалась в условиях строгого политического и цензурного контроля. Одобренный официальной политикой метод социалистического реализма ограничил выбор материала для художественного изображения. Православная тема была вытеснена на периферию, христианские образы использовались для выражения антирелигиозной идеи (поэма Н. Грибачева «Собор» (1934)). В поэтике пространства утрачивается сакральная коннотация. К примеру, остров Кижи, имевший сакральное значение в творчестве Н. Клюева, в романе В. Чехова «Возмутители» (1939) представляет собой нейтральное описание места действия – северный сельский пейзаж Заонежья¹⁴.

В годы Великой Отечественной войны советское руководство приняло политику «нового церковного курса» [12: 22]. Изменения произошли и в сфере искусства: в литературе военных лет¹⁵ и послевоенного периода христианские мотивы и образы имплицитно и эксплицитно входят в поэтику художественного произведения, усиливаются параллели со Священным Писанием. Эта тенденция выражена в изданном в 1947 году сборнике Б. Шмидта «Неустрашимые». Лексический анализ художественных текстов обнаруживает семантическое поле христианских понятий и категорий, образующее особый подтекст (храм, юродивый, обедня, молитва, крест, священный, Магдалина, Илья-пророк и др.). Поэма «Город, который нельзя победить» посвящена героической обороне Ленинграда. Манифестация любви как победы над смертью заявлена в эпиграфе к поэме и выражена в сюжетной линии.

Образ распятого на кресте бойца Андрея, совершившего подвиг во имя любви к Отчизне, городу, жизни, матери, имеет выраженное аллюзивное значение и отсылает к новозаветным образам, в том числе принявшего мученическую кончину на кресте Андрея Первозванного.

«Он словно нес – по снегу – крест дощатый,
На запад глядя дырами глазниц.
Он на Неве стерпел такие муки,
Что даже ослабев на полпути,
Себе, наверно, пригвоздил бы руки,
Чтоб этот крест до Шпреи донести»¹⁶.

В послевоенные годы и последующие десятилетия политика в области официальной цензуры была неравномерна и крайне изменчива. Несмотря на относительную либерализацию в период оттепели, христианская тема в литературе была заключена в достаточно строгие рамки антирелигиозной кампании, пик которой пришелся на 1958–1964 годы. В художественной словесности Карелии второй половины 1960-х годов обозначилась потребность в переосмыслинении понятия исторической прозы, ее революционного пафоса, отрицания традиций прошлого. Глобальные изменения в этот жанр вносит Д. Балашов, творческая и научная биография которого тесно связана с Карелией¹⁷. Идейно и тематически проза Д. Балашова близка творчеству писателей Русского Севера: Ф. Абрамова, В. Белова, А. Яшина, в чьих произведениях исследуются эволюция национального характера, духовные ценности русского народа. Д. Балашов создает контекст, связующий современность и духовное наследие прошлого, образующий пересечение традиции и новаторства; рассматривает культуру прошлого и настоящего в ее взаимосвязи как непрерывный процесс. Писатель считает, что существование нации напрямую связано с восстановлением и сохранением исторической памяти; подчеркивает, что в прошлые века «богословие было научной базой, на которую опиралась культура, а церкви являлись центрами культуры и науки»¹⁸.

Д. Балашов, работая с памятниками древнерусской письменности как писатель и профессиональный филолог, исследовал текст в качестве источника исторических сведений и воплощения памяти о духовной истории, судьбе народа и отдельной личности. Приведем несколько примеров рецепции древнерусской агиографической традиции в прозе Д. Балашова. Историческим источником романа «Марфа-посадница» (1972) является «Житие преподобного Зосимы, игумена Соловецкого», в котором со-

держится рассказ о столкновении основателя Соловецкого монастыря с Марфой Борецкой и о пророческом «видении безголовых великих бояр». Некоторые сведения Д. Балашов почерпнул из «Жития Михаила Клопского», памятника новгородской письменности конца 70-х годов XV века, в основе которого лежат предания о принявшем на себя подвиг юродства Христа ради Михаиле, подвизавшемся в Клопском Троицком монастыре под Новгородом в 1410–1450-х годах. В литературоведческих исследованиях отмечается общность экспрессивно-эмоционального стиля, ораторской позиции, принципов типизации в поэтике Д. Балашова и памятнике древнерусской литературы XVII века «Житие протопопа Аввакума» [4: 242]. Христианская традиция в прозе Д. М. Балашова воспроизводится в тесном контексте с древнерусской литературой и фольклором в рамках художественного исследования темы русской государственности, связи истории и современности.

В конце 1960-х годов в литературу вошел В. И. Пулькин с публикациями очерков, рассказов, сказов и повестей о коренных народах Карелии – русских, карелах и вепсах. Писатель работал в жанре «художественной этнографии», предпочитал сказовую манеру повествования, широко использовал диалектную лексику для признания местного колорита, тем самым углубляя тему исторической памяти, сохранения национальных истоков. Первая книга «Кижские рассказы» (1973) посвящена острову и его центру, Церкви Преображения Господня, жемчужине русского деревянного зодчества. В сборнике обозначены основные темы дальнейшего творчества писателя: неразрывная связь народов Севера; происхождение красоты (сказы о дроводельцах, сказителях); Петр I на Севере; христианство и язычество [4: 245–254]. Примером художественного осмысливания последней темы являются «Сказ об Иване, русского житья человеке, и Кижской земле» (цикл «Досюльщина старобытная») и «Слово о Петре и Павле» (цикл «Тястенники»):

«Органичным и мирным, под знаком братолюбия, рисует В. Пулькин взаимосмешение народов – славян, карел, лопи, взаимопроникновение христианства и язычества, где все-таки первое покоряет магию второго высотою творческого духа, возвышенной нравственной правдой» [4: 247].

А. М. Петров, рассматривая фольклорно-литературные связи на примере сказа «Змей – серебряная спинка», реконструирует литературную историю произведения, устанавливает его источники [11]. Исследователь приходит к выво-

ду о том, что в заключительном варианте сказа усилены христианские мотивы:

«Христианская тональность стала важнейшим фактором преодоления фольклорной традиции – фольклорные образы, мотивы и сюжеты предстают в свете христианских нравственных категорий: сострадание, милосердие, духовная красота» [11: 47].

В поэзии 1970–1980-х годов также происходит возвращение к христианской топике. Образ собора как константа семантического поля православия появляется в лирике В. Сергина («Соловки», «Реставрация в Кижах»), И. Костина («И вновь любуюсь у часовни...»), А. Авдышева («Кижи»). Творчество А. Авдышева представляет собой взаимосвязь словесного и изобразительного видов искусства: к примеру, пейзажное и экфрастическое начало книги стихов «Заонежье» (1984) имеет устойчивую ассоциативную связь с гравюрами «Кижского альбома» (1966). Графический образ Кижского погоста драматичен, в то время как его экфрастическая интерпретация в лирике имеет более сдержанный характер. Лирическое повествование о людях, которые живут и работают на острове, наполнено бытовыми и этнографическими деталями, что снижает сакральную коннотацию образа острова. Он приобретает характеристики дома: близкого, знакомого, дарующего вдохновение. Преображенская церковь и часовня Спаса Нерукотворного являются частью пейзажа:

«Я снова вглядываюсь в лица,
Ищу ответов у судьбы.
И заставляют сердце биться
Резная красота избы,

Забытые у съезда дровни,
Топор, блеснувший на дворе,
Заросший мхом шатер часовни
На дальней Нарынной горе»¹⁹.

Во второй половине 1980-х годов произошли существенные изменения в идеологической политике государства в отношении Русской православной церкви²⁰. С возрождением православных традиций в обществе обозначилась тенденция к актуализации религиозной тематики в искусстве. Особенно отчетливо она выразилась в 1990-е годы, период «духовного ренессанса». Возвращение к значимой для русской литературы модели христоцентризма отражает соприкосновение с Христом человека, который долгое время жил в системе официальной идеологии атеизма. По мнению Е. И. Марковой, рождественская символика обусловлена стремлением преодолеть «возникший в священной истории вакуум» [4: 337]. Произведения, посвященные

событиям Рождества Христова, открывают книги стихов М. Перминовой «Лирика» (1993), О. Карклин «Блик» (1994). В женской лирике 1990–2000-х годов²¹ поэтика рождественского хронотопа включает в себя образ Богородицы как воплощение материнской любви (Л. Кочеганова «У Богоматери – чело...»). В стихотворениях Д. Вересова «Накануне Рождества» и А. Валентика «В навечерие вся отойдет суета...» выразительно акцентирован мотив ожидания Рождества. В первозданной тишине «воздорившаяся» душа лирического героя раскрывается для встречи с Богом:

«В навечерие вся отойдет суета,
И такая окрест тишина воцарится.
Запах елки, свечей... И дыханье Христа...
Чистый снег под луною искрится.
В небесах и в полях, на душе – Рождество!
Дань бессмертья – рожденье Христово!
И душе возродившейся с Богом родство
В навечерье откроется снова»²².

Объектом художественного исследования в поэзии Е. Валги, Н. Волковой, М. Перминовой, Е. Сойни, А. Васильева, Д. Вересова, Е. Пиетиляйнен, П. Шувалова становятся вопросы христианской антропологии: природа и сущность личности в ее сопричастности высшему божественному началу, проблемы веры и неверия, духовной эволюции. Проблематика сборника А. Васильева «Восстань, душа...» (1998) сфокусирована на таких вечных вопросах бытия, как духовное основание человеческого существования и место человека в системе истории, на рубеже эпох. Глубокое осмысление получают также вопросы национального возрождения, бессмертия России. Рубеж веков и тысячелетий в национальной истории воплощается в эсхатологических мотивах сопротивления стихии, образах смуты и безвременья. Преодоление трагической ситуации современности мыслится в единстве времен, то есть наследование традиций, личная и историческая память открывают путь к будущему возрождению. В книге стихов О. Карклин «Блик» (1999), посвященной 2000-летию со Дня Рождения Иисуса Христа, важнейшее значение приобретает идея православной соборности, духовного единения, где общее, национальное возрождение обретается через спасение отдельной личности.

Идея сакрализации слова выражена в традиции молитвенной поэзии (Е. Валга, С. Захарченко, А. Васильев, Д. Вересов). В целом характерной особенностью русской поэзии Карелии рубежа веков является экспериментальный опыт в об-

ласти жанра. Распространены вариации молитвы (покаянная, просительная, хвалебная и т. д.); переложения канонического псалма (Д. Вересов); поэтическая интерпретация псалмодий (С. Захарченко); венок сонетов (Ю. Линник).

В 2007 году в издательстве журнала «Север» опубликован сборник стихов «Удержаншийся над бездной!», приуроченный к 780-летию крещения карелов. Издание посвящено истории христианства на территории современной Карелии, воплощенной в произведениях профессиональных и непрофессиональных поэтов (сборник включает произведения более ста авторов). В предисловии заявлена проблема формирования понятия «современного православного стиха»²³. Анализ поэтических текстов сборника показывает, что православная поэзия конца XX–XXI веков следует национальным традициям, воплощая в словесном творчестве идеи христианской духовности и постижения пути человека к Богу. При этом новаторское и оригинальное в этом поэтическом направлении выражено не только сквозь призму индивидуально-авторского сознания, но преломляется в природных, этнографических, исторических особенностях региона. Сборник воплощает идею создания литературной географии православной Карелии: в произведениях представлена галерея образов православных монастырей и храмов (Д. Вересов «Соловки», С. Захарченко «Сказание о Важеозерском монастыре», Ю. Звягин «Кемский Успенский собор», А. Васильев «Яшезерский монастырь» и др.). Линейное историческое время в поэтике сборника циклизуется в годовом литургическом круге православных постов и праздников (Д. Вересов «Тебе приснится в ночь на Рождество...», Т. Тальянова «Сретение», В. Судаков «Вознесение Господне. Олонец», В. Науменко «Троицын день», О. Гусева «Преображение», П. Шувалов «Покров», В. Калачева «Великий пост» и др.). Хронотоп в большей мере сфокусирован на сакральном времени двунадесятых праздников, что усиливает акцент на искупительной и страдательной роли Христа, высвечивает идеи преображения и спасения.

Проза конца XX – начала XXI века продолжает традиции русской словесности с ее этико-философской проблематикой, вниманием к личностно-субъективному, исповедальному началу, исследованием духовно-нравственных вопросов, исторической концепции самобытного пути России. Проблеме нравственного выбора посвящен триптих Н. Васильевой «Когда ангелы поют»: «Бесовы следки» (1996), «Блаженны кроткие» (1998), «Когда ангелы поют» (2012). Повести

объединяет тип центральных персонажей – готовые к борьбе, рефлексирующие, сильные женские характеры, а также место и время действия – эпоха распада Советского Союза, перестройка, начало 1990-х годов. В произведениях остро встает вопрос о вере: несмотря на дух противоборства, сомнения и поиски, главным вектором становится поиск героями гармонии, любви, пути к Богу. Важнейшие функции в поэтике произведений выполняют иеротопические мотивы: сакральный топос (храм, монастырь) является центральным образом, объединяющим повести в триптих. По мере развертывания сюжета происходит наслаждение символических смыслов посредством противопоставления сакрального (Муромский монастырь, Церковь Воскрешения Лазаря, перенесенная в ансамбль Кижского музея-заповедника) и бытового пространственных планов, а также соединения разновременных пластов (хронотоп жития Лазаря Муромского и настоящее время).

В 1993–2008 годах В. Пулькин создает цикл «Северная Фиваида», в который входят произведения малых прозаических жанров (сказы, легенды, сказания), посвященные христианским святым Русского Севера. Топоним «Фиваида» отсылает к древнегреческому названию области Верхнего Египта (греч. Θιβαΐδα), месту поселения монахов-отшельников периода раннего христианства. Понятие «Русская Фиваида на Севере» было введено А. Н. Муравьевым, назвавшим подобным образом свое сочинение о паломничестве в Вологодские и Белозерские святыни²⁴. В. Пулькин трансформирует название цикла, локализуя духовную традицию, акцентируя ее северорусское происхождение [15: 473]. Круг источников сказов включает «канонические жития соловецкого и олонецкого патериков»²⁵; русские, карельские, вепсские народные легенды, зафиксированные автором в фольклорно-этнографических экспедициях. В поэтике произведений синтезированы две мировые традиции – античность и христианство:

«Православие питают корни глубокие, они в Библии, в трудах Отцов Церкви, в античном наследии, в речениях греческих философов, живших и задолго до Рождества Христова. Огромный пласт культуры накоплен человечеством. И дивно, трогательно перекликается немудрящая крестьянская пословица, поговорка, присловье с мудрой мыслью Пифагора, Менандра, Диогена»²⁶.

Контаминация книжных и фольклорных источников, их трансформация в литературной обработке характеризуют особенности авторской интерпретации северной агиографии.

В 2013 году карельские писатели Д. Новиков, Я. Жемойтите, И. Мамаева и А. Бушковский провозгласили манифест новой северной прозы. Одно из фундаментальных идеологических положений заявленного направления – преемственность традиций словесности Русского Севера, истоки которой берут начало в «поморском, олонецком, печорском фольклоре» и духовной словесности²⁷. В произведениях Д. Новикова художественное осмысление внутреннего мира современного человека, его взаимоотношений с действительностью представлено в контексте исторической традиции. Введение элементов русского фольклора, ветхозаветных и евангельских образов, агиографических сюжетов создает двуфабульную модель повествования. В рассказе «Другая река» мотив пути выполняет композиционную (скрепляет два плана повествования) и символическую (пространственно-временная метафора жизненного пути) функции. Первый план повествования – жизнеописание священника поселка Кола Варлаама, жившего в XVI веке, почитаемого Русской православной церковью в лице преподобных. Второй сюжетный план – исповедальный рассказ героя-повествователя, отправившегося в путь на Север, к реке Кереть, в места, где подвизался святой Варлаам. Единое пространство сближает современного героя, у которого не получается «проверить» и «отдать свою боль Богу»²⁸, и священника XVI века, который, «только пройдя испытания многие, понимать начинает, что верой спасаться должен»²⁹. В романе Д. Новикова «Голомяное пламя» повествование о Варлааме Керетском встроено в сюжет произведения в различных жанрово-стилистических формах (фрагмент агиографического текста, вставной рассказ).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, обзор литературы Карелии XX–XXI веков подтверждает, что преемственность традиций русской литературы и связь с на-

циональными духовными истоками являются важнейшими факторами развития русской словесности в регионе. Исторический контекст, политика государства в отношении Русской православной церкви и официальная цензура оказывали сильнейшее влияние, но не определяли всецело характер русской литературы Карелии: христианские образы и темы, выраженные эксплицитно или в подтексте, продолжали существовать в словесности советских лет. Даже периоды ожесточенного гонения на Церковь демонстрируют наличие примеров рецепции православной традиции.

На протяжении истории развития словесности Карелии христианские образы и мотивы интегрировались с региональными традициями, устойчивыми топосами локального текста (события, личности, природные образы северного ландшафта и др.) и пространственными локусами. Образы северного пейзажа воплощают идею божественного миропорядка, единства Бога и сотворенного Им мира в русле традиций Г. Державина, Н. Глинки. Создается образ пространственно-временной границы, который в контекстуальном поле христианства приобретает значения разделения сакрального и обыденного пространств (повести Н. Васильевой), осмыслия временной границы рубежа веков в русле эсхатологического учения (А. Васильев, Д. Вересов).

В современной русской прозе Карелии рассматриваемого периода обнаруживается стремление к репрезентации и художественной рецепции агиографической традиции. Отражение христианской культуры в поэзии реализуется в исследовании духовного мира человека в контексте идей христианской антропологии и православной соборности; трансформируются жанры псалма, молитвы. Современная духовная лирика продолжает православные традиции русской поэзии, являясь при этом оригинальным литературным феноменом конца XX – начала XXI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Реклама сборника стихотворений Д. П. Ягодкина «Песни победителей» // Олонецкие епархиальные ведомости. 1904. № 12. С. 375.
- В конце XIX – начале XX века Вытегорский уезд входил в состав Олонецкой губернии, с 1937 года является частью Вологодской области.
- Клюев Н. Автобиографическая справка (1925) // Клюев Н. Сочинения. Т. 1. [Мюнхен]: А. Neimanis, 1969. С. 211.
- Клюев Н. Мирская дума // Клюев Н. Сочинения. Т. 1. [Мюнхен]: А. Neimanis, 1969. С. 328.
- Клюев Н. А. Гагарья судьбина // Клюев Н. А. Словесное древо: Проза. СПб.: ООО «Изд-во «Росток», 2003. С. 32.
- Клюев Н. Соловки // Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999. С. 667–668.
- О мотиве ухода святых с иконы в творчестве Н. Клюева см.: [6: 510–544].

- ⁸ Об этом см.: [8], [14].
- ⁹ Клюев Н. Песнь о великой матери // Клюев Н. Сердце Единорога... С. 701.
- ¹⁰ Клюев Н. Мать-Суббота // Клюев Н. Сердце Единорога... С. 647.
- ¹¹ Ручьев С. «Эти избы бревенчато-серые...» // Народное образование Олонецкой губернии. 1919. № 1–2. С. 97–98.
- ¹² Об этом см.: [3].
- ¹³ Куняев А. Н. «Звезды на небе ярко горят...» // Куняев А. Н. Стихотворения народного учителя Алексея Николаевича Куняева. Петрозаводск: Изд. Отдела Народного Образования при Олон. губ. И. К-те Советов К. Р. и Кр. Д., 1919. С. 17.
- ¹⁴ Подробнее см.: [14: 32–34].
- ¹⁵ Академическая наука использует понятие «литература Карельского фронта», которое включает художественные произведения, опубликованные на территории севернорусского региона, созданные военными корреспондентами, писателями и журналистами: Г. Фишем, П. Шубиным, М. Резником, В. Беляевым, В. Кавериным, Л. Кассилем, Е. Петровым, А. Платоновым, К. Симоновым, А. Линевским, С. Нориным, Ф. Трофимовым и др. См.: [2], [4: 113–123].
- ¹⁶ Шмидт Б. Город, который нельзя победить // Шмидт Б. Неустранные: повести и стихотворения 1936–1946 гг. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1947. С. 66.
- ¹⁷ Об этом см.: [1].
- ¹⁸ Балашов Д. Мужество говорить правду // Комсомолец. 1988. 16 апреля. С. 4.
- ¹⁹ Авдышев А. Заонежье // Авдышев А. Заонежье. Стихи. Петрозаводск: Карелия, 1984. С. 5.
- ²⁰ Знаковыми событиями стали празднование 1000-летия Крещения Руси и встреча Святейшего Патриарха Пимена и постоянных членов Священного Синода с М. Горбачевым в 1988 году. Федеральные законы «О свободе вероисповеданий» (1991) и «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997) декларировали толерантность в отношении религиозных объединений в Российской Федерации и утверждали особую роль православия в становлении духовной культуры и истории России.
- ²¹ Северо-Западный регион стал своеобразным центром современной женской литературы благодаря организатору ассоциации «Мария» Галине Скворцовой. Подробнее см.: [4: 325].
- ²² Валентик А. «В навечерие вся отйдет суета...» // Валентик А. Навечерие. Петрозаводск: Тип. им. П. Ф. Анохина, 2011. С. 50.
- ²³ Захарченко С. О. Предисловие // Удержанавшийся над бездной: Сборник стихов / Ред.-сост. В. Судаков; Вступ. ст. С. Захарченко. Петрозаводск: Изд-во журнала «Север», 2007. С. 3.
- ²⁴ Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1855.
- ²⁵ Пулькин В. Северная Фиваида. Сказания о святом Александре Свирском чудотворце и его учениках // Север. 1993. № 4. С. 5.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Ермолин Е. Ночи и дни окном на полюс // Октябрь. 2016. № 7. С. 4.
- ²⁸ Новиков Д. Другая река // Новиков Д. В сетях Твоих. Петрозаводск: Verso, 2012. С. 226.
- ²⁹ Там же. С. 214.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитрий Балашов и Карелия: к 95-летию со дня рождения: Библиографический список литературы / Сост. И. В. Шустрова. Петрозаводск, 2022. 14 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://library.karelia.ru/catalog/nlbr?GET_FULL_TXT+tx70f7701.pdf+1+1+003177+70F77%200 (дата обращения 12.06.2025).
2. Д ю ж е в Ю. И. Память войны: Великая Отечественная война в русской советской литературе Севера. Петрозаводск: Карелия, 1977. 168 с.
3. Е с а у л о в И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
4. История литературы Карелии: В 3 т. Т. 3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. 456 с.
5. К о л о к о л о в а О. А. Христианские традиции в книге стихов Александра Васильева «Имени Твоему...» (2011) // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 1. С. 321–340. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13483
6. Л е п а х и н В. В. Икона в русской художественной литературе: икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М.: Отчий дом, 2002. 735 с.
7. М а р к о в а Е. И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1997. 315 с.
8. М а р к о в а Е. И. Олонецкие храмы в поэзии Н. Клюева // Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. конф. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. С. 286–291.
9. М а р к о в а Е. И. Родословие Николая Клюева. Тексты. Интерпретации. Контексты. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 354 с.
10. М а р к о в а Е. И. Русское стихотворчество на украине между Корелою, Чудью и Суоми: от заката империи до послевоенных победных дней. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 140 с.
11. П е т р о в А. М. К проблеме освоения фольклорных нарративов литературной традицией: сказ Виктора Пулькина «Змей – серебряная спинка» // Традиционная культура. 2023. Т. 24, № 3. С. 47–59.

12. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов / Сост. О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2009. 781 с.
13. Федотов О. И. Гиперсонет Юрия Линника «Варфоломей» в составе его книги «Троица» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 1. С. 299–320. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13523
14. Шилова Н. Л. Остров Кижи и русская литература. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 143 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elibrary.karelia.ru/docs/shilova/ostov_Kizhi_i_russk_literat/total.pdf (дата обращения 01.05.2025).
15. Шилова Н. Л. «Северная Фиваида» Виктора Пулькина: локальный текст и авторское начало // Рябининские чтения-2011: Материалы VI науч. конф. по изучению и актуализации культур. наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 473–475.
16. Юхименко Е. М. Народные основы творчества Н. А. Клюева // Николай Клюев: Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997. С. 5–15.
17. 100 лет литературе Карелии. Время. Поиски. Портреты / Е. И. Маркова, Н. В. Чикина, О. А. Колоколова, М. В. Казакова. Петрозаводск: Periodika, 2020. 432 с.

Поступила в редакцию 27.06.2025; принята к публикации 31.10.2025

Review article

Olga A. Kolokolova, Cand. Sc. (Philology), Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-1625-5791; kolokolowa.olg@yandex.ru

ORTHODOX FOUNDATIONS OF RUSSIAN LITERATURE IN KARELIA DURING THE XX–XXI CENTURIES

A b s t r a c t. Russian literature of Karelia genetically goes back to the traditions of the Russian North, the largest center of ancient Russian book culture, Old Believer culture, and hagiography. Investigating the influence of the Orthodox tradition on Russian literature in Karelia during the XX and XXI centuries is a pressing issue, reflecting the growing interest of modern philology in regional literary developments. This study offers a novel perspective, as it addresses a gap in existing research by providing a dedicated analysis of the overall trends of Orthodox influence in Karelia's Russian literature throughout these periods. Throughout the history of Karelian literature, Christian imagery and motifs have been woven into regional traditions and stable *topoi* of local texts. Early twentieth-century poetry inherited the spiritual poetic traditions of eighteenth- and nineteenth-century Russia. The creative work of N. Klyuev, which became central to the new peasant poetry, is closely linked to the Olonets region. In the literature of the late 1910s and 1920s, biblical symbols were employed to depict emerging realities; the revolution was often equated with the Coming of Christ, and the Christmas chronotope was revitalized (see S. Sherdyukov, D. Moshinsky, A. Kunyaev, among others). Analyzing texts from the Soviet era reveals that Christian images often functioned implicitly – either as archetypes embedded in the text or within specific contexts – or were desacralized altogether. In the second half of the 1960s, scholars revisited concepts of historical prose genres, with D. Balashov and V. Pulkov exploring themes of historical memory and the role of the Orthodox Church in Russian history. Ekphrastic depictions of temples and Christian motifs re-emerged in the poetry of the 1970s and 1980s (as seen in the works of I. Kostin, A. Avdyshev, and Yu. Linnik). During the period of the “spiritual renaissance”, literature shifted from primarily historical themes and eschatological images toward a focus on the human spiritual experience and the idea of Orthodox conciliarity. Special attention is given to the transformation of the northern Russian hagiographic tradition (V. Pulkov, N. Vasilyeva, D. Novikov, etc.), as well as to the genres of psalm (D. Veresov, S. Zakharchenko) and prayer (A. Vasilyev).

Key words: Russian literature of Karelia, Christianity, Orthodox traditions, poetics, Christmas chronotope, Easter motif, conciliarity, hagiography

Acknowledgments. This study was conducted as part of a state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kolokolova, O. A. Orthodox foundations of Russian literature in Karelia during the XX–XXI centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):48–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1265

REFERENCES

1. Dmitry Balashov and Karelia: celebrating his 95th anniversary. Bibliographic list of references. (I. V. Shustrova, Ed.). Petrozavodsk, 2022. 14 p. Available at: https://library.karelia.ru/catalog/nlibr?GET_FULL_TXT+tx70f7701.pdf+l+1+003177+70F77%200 (accessed 12.06.2025). (In Russ.)
2. Дузhev, Ю. И. Memory of the war: the Great Patriotic War in Soviet Russian Literature of the Russian North. Petrozavodsk, 1977. 168 p. (In Russ.)

3. Esaulov, I. A. The Easter motif in Russian literature. Moscow, 2004. 560 p. (In Russ.)
4. History of Karelian literature: In 3 vols. Vol. 3. Petrozavodsk, 2000. 456 p. (In Russ.)
5. Kolokolova, O. A. Christian traditions in Alexander Vasilyev's book of poems "To Your Name..." (2011). *The Problems of Historical Poetics*. 2024;22(1):321–340. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13483 (In Russ.)
6. Lepakhin, V. V. Icon in Russian fiction: icon and icon reverence, icon painting and icon painters. Moscow, 2002. 735 p. (In Russ.)
7. Markova, E. I. The works of Nikolai Klyuev in the context of northern Russian verbal art. Petrozavodsk, 1997. 315 p. (In Russ.)
8. Markova, E. I. Olonets temples in Nikolai Klyuev's poetry. *Orthodox Christianity in Karelia: Proceedings of the Second international conference*. Petrozavodsk, 2003. P. 286–291. (In Russ.)
9. Markova, E. I. Genealogy of Nikolai Klyuev. Texts. Interpretations. Contexts. Petrozavodsk, 2009. 354 p. (In Russ.)
10. Markova, E. I. Russian poetry on the border between Korela, Chud and Suomi: from the decline of the Empire to the post-war victorious days. Petrozavodsk, 2011. 140 p. (In Russ.)
11. Petrov, A. M. A study on the assimilation of folklore narratives by literary tradition: Viktor Pulkin's tale "The Serpent with the Silver Back". *Traditsionnaya kul'tura*. 2023;3(24):47–59. (In Russ.)
12. Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War, 1941–1945: Collection of documents. (O. Yu. Vasilyeva, I. I. Kudryavtsev, L. A. Lykov, Eds.). Moscow, 2009. 781 p. (In Russ.)
13. Fedotov, O. I. Hypersonet by Yuri Linnik "Bartholomew" as part of his book "Trinity". *The Problems of Historical Poetics*. 2024;22(1):299–320. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13523 (In Russ.)
14. Shilova, N. L. Kizhi Island and Russian literature. Petrozavodsk, 2018. Available at: http://elibrary.karelia.ru/docs/shilova/ostov_Kizhi_i_russk_literat/total.pdf (accessed 01.05.2025). (In Russ.)
15. Shilova, N. L. "Northern Thebaid" by Viktor Pulkin: local text and the author's element. *The 2011 Ryabinin Readings: Proceedings of the VI Research Conference on the Study and Actualization of the Cultural Heritage of the Russian North*. Petrozavodsk, 2011. P. 473–475. (In Russ.)
16. Yukhimenko, E. M. Folk foundations of Nikolai Klyuev's works. *Nikolai Klyuev: Research and materials*. Moscow, 1997. P. 5–15. (In Russ.)
17. 100 years of literature in Karelia. Time. Search. Portraits. (E. I. Markova, N. V. Chikina, O. A. Kolokolova, M. V. Kazakova). Petrozavodsk, 2020. 432 p. (In Russ.)

Received: 27 June 2025; accepted: 31 October 2025

аспирант филологического факультета
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0009-0000-2797-1390; jyx-1@yandex.ru

ОБРАЗ КИТАЙЦЕВ В ПРОЗЕ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА: ОТ «ПОГЛОЩЕННОГО ИСТОРИЕЙ» К «ТВОРЯЩЕМУ ИСТОРИЮ»

А н н о т а ц и я . Анализируется образ китайцев в произведениях Всеволода Иванова 1920-х годов «История Чжень-Люня, искателя корня шень-жень» и повесть «Бронепоезд 14-69». Оба текста локализованы на российском Дальнем Востоке и завершаются смертью китайских персонажей. В работе применяются сравнительный и текстологический методы, которые позволяют сопоставить образы китайцев у Вс. Иванова с образами у его современников И. Бабеля и М. Булгакова. Исследование показывает, что хотя Вс. Иванов отчасти сохраняет стереотипные черты внешности и речи, традиционные для русской литературы при изображении китайцев, углубленное раскрытие многомерной психологии и поведенческих мотивов персонажей демонстрирует трансформацию образа от «поглощенного историей» к «творящему историю». Эта метаморфоза укоренена в точном воспроизведении историко-культурного контекста и жизненной реальности. Подобное художественное решение не только отражает глубинное влияние революционной эпохи на национальное сознание и менталитет, но и знаменует собой прорыв в принципах создания китайского персонажа в русской литературе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : образ китайцев, Всеволод Иванов, «Бронепоезд 14-69», «История Чжень-Люня, искателя корня шень-жень», китайская философия, национальное самосознание

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена при поддержке Государственного комитета по стипендиям КНР по гранту № 202108230282. Благодарю моего научного руководителя, доктора филологических наук, профессора М. А. Черняк за неоценимую помощь в выполнении данной работы.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Цзян Ю. Образ китайцев в прозе Всеволода Иванова: от «поглощенного историей» к «творящему историю» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 58–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1266

ВВЕДЕНИЕ

В произведениях 1920-х годов Всеволод Иванов неоднократно обращается к восточной культуре через образ китайца. Во-первых, это было связано с непреходящим личным интересом писателя к Дальнему Востоку, о чём также писал его сын Вяч. Вс. Иванов: «К Востоку его тянуло. Ему с юности был близок буддизм» [2: 506]. Во-вторых, схожесть путей национального развития России и Китая способствовала культурному взаимодействию двух народов. Со строительством Сибирской железной дороги и освоением Дальнего Востока в конце XIX – начале XX века увеличилось число непосредственных контактов между двумя народами, что сократило существовавшую культурную дистанцию.

Эта геополитическая реальность дала импульс для возникновения новой темы в литературе того времени. Так, принцип изображения

китайцев в текстах Вс. Иванова не только продолжает ориенталистскую традицию в русской литературе, но и освещает глубокие социальные и идеологические изменения в новом историческом контексте.

«Для русской культуры образ Китая представляет собой в целом трансляцию азиатского типа миропонимания. Китай в русском художественном тексте обычно выступает «символом экзотики, необычного, замысловатого, таинственного и потому манящего»» [4: 234], – пишет М. Н. Крылова.

Проведя систематическое исследование русской прозы 1920-х годов, Цао Сюэмэй справедливо отмечает:

«В произведениях этого периода изображение Китая и китайцев давало писателям возможность высказать личные взгляды и предпочтения по всему спектру проблем, связанных с настоящим и будущим. Начался новый этап образной мифологизации Китая и китайских ми-

грантов, где далекий восточный сосед и неприметные «ходи» превращались во внушительную мифическую силу, от которой зависело будущее России» [14: 4].

* * *

Вс. Иванов не мог не учитывать социокультурные тенденции и контекст времени. Очевидно, что в своих текстах писатель сознательно формировал образ китайцев, живущих на Дальнем Востоке, в новой идеологической и исторической ситуации.

Творческий путь Вс. Иванова в полной мере свидетельствует об этой культурной трансформации. Е. А. Папкова отмечает:

«Свообразие постановки проблемы Восток – Запад в художественном творчестве Вс. Иванова заключается в том, что идеи и образы появлялись в его произведениях в те исторические периоды, когда представители научной, философской, политической и эстетической мысли активно обсуждали эти вопросы» [8: 22].

Это изменение художественного осмысления места и роли Дальнего Востока (и его жителей) в историческом процессе отражается не только в выборе темы, но и в новаторстве повествовательной стратегии – образ китайского народа превращается из культурного символа в непосредственного участника истории. Радикальные исторические преобразования служили реальной основой для этой трансформации. Как подчеркивает Е. А. Папкова:

«Интересно, что если в произведениях конца 1910 – начала 1920-х гг., например в рассказах Е. И. Замятине «Мамай» и «Пещера» (1920), разрушенным автору представляется Петербург, воплощающий собой цивилизацию Запада, в романе Б. А. Пильняка «Голый год» (1921) – средняя Россия (Москва, Нижний Новгород и город Ордынин), то Иванов распространяет эту мысль на Восток» [6: 18].

Для Вс. Иванова образ Китая, его мифология, философия и культурная память стали интеллектуальным пространством многомерного напряжения, уникальным выбором для исследования целого ряда ключевых оппозиций: революции и традиции, личности и коллектива, прошлого и будущего, Востока и Запада.

Образ китайского народа в текстах Вс. Иванова носит тройственный характер, заключая в себе восприятие его и как носителя другой культуры, и как свидетеля революции, и как символа грядущих перемен. В этом контексте показателен рассказ Вс. Иванова «История Чжень-Люня, искателя корня шень-жень» (1922) о судьбе китайского переселенца Чжень-Люня, который, спасаясь от войны, прибывает на российский Дальний Восток в поисках дикого корня шень-жень. Действие разворачивается в горах Сихотэ-Алинь:

«Теплые горы – Сихотэ-Алинь, как перстень на руке моря. А море за тайгой, а тайга между горами и морем. В тайге тигр и барс и красный волк. А в душных и темных падях – сердце земли – корень шень-жень»¹.

Именно здесь, в «душных и темных падях», скрыто «сердце земли» – целебный корень, ставший для героя символом надежды на счастливую жизнь.

Чжень-Люнь приехал на Дальний Восток с целью найти дикий шень-жень, вернуться в Шанхай, купить дом и землю, жениться и завести детей, что, согласно конфуцианству, соответствует традиционному в китайской культуре представлению об идеальном образе жизни в мире и довольстве: «В Шанхае в фанзе можно пить сулео – рисовую водку. Можно курить опиум и рассказывать, как жил в тайге, искал шень-жень» (280).

Образ Чжень-Люня – собирательный, в нем находит отражение культурная и историческая ситуация второй половины XIX века, когда началось активное переселение китайцев в Сибирь и на Дальний Восток. Как отмечал Н. М. Пржевальский, большинство китайцев приезжали лишь на временные заработки, стремясь впоследствии вернуться на родину:

«Эти беглецы находили убежище на территории современного Приморского края. <...> Основная масса китайцев появилась в Приморье в 70–80-х гг. XIX в. Это были китайские отходники, которые шли в пределы России в поисках заработка. Это население не было постоянным. Значительная часть его регулярно мигрировала за границу, как только зарабатывала средства, необходимые для приобретения на родине участка земли» [10: 106].

В рассказе шень-жень наделяется множеством символических значений: это и ценное лекарственное растение, и воплощение колониальной экономики, и, наконец, символ спасения Чжень-Люня. Перед лицом войны, метафорой которой служит священный тигр, образ идеального мира разрушается:

«...Весь город был уголь и травы»; «Кирпичные толстые трубы, где были раньше железные клетки, свалились. От железных клеток уцелела затянутая травами печь» (281).

Самоубийство Чжень-Люня в finale рассказа – это не столько выбор между двумя философскими учениями – конфуцианством и даосизмом, сколько их трагический синтез. Конфуцианская вертикаль (социальный долг) сталкивается с даосской горизонталью (бегство от общества). Смерть героя – одновременно и отказ от «испорченного мира», и попытка сохранить добродетель. Даже способ ухода персонажа из жиз-

ни – выстрел в шею – парадоксально сочетает конфуцианский акцент на телесной целостности (где тело – дар предков) и даосский жест освобождения от «оков плоти».

Л. Н. Толстой в 1906 году в «Письме к китайцу» рассуждал о значении русской революции и подчеркивал необходимость для России и Китая противостоять агрессии западных держав с помощью древней восточной мудрости, а не бороться с этим натиском путем насилия:

«Только держитесь свободы, состоящей в следовании разумному пути жизни, то есть *Tao* <...> Только бы продолжали китайские люди жить так, как они жили прежде, мирной, трудолюбивой, земледельческой жизнью, следуя в поведении основам своих трех религий: конфуцианству, даосизму, буддизму <...> и сами собой исчезнут все те бедствия, от которых они страдают теперь, и никакие силы не одолеют их»².

Образ Чжень-Люня в рассказе Вс. Иванова отражает настроения части населения России и Китая в условиях реформ и радикальных изменений. Эти люди живут в соответствии с принципами древнекитайской философии, а когда суровая реальность разрушает их традиционный уклад, то неизбежно наступает разочарование. Смерть Чжень-Люня доводит эту двойственность до предела: его самоубийство было одновременно и конфуцианским («Будет ли претворен [мой] Дао-Путь [в стране] – зависит от судьбы³, потерпит ли крах [мой] Дао-Путь [в стране] – зависит от судьбы» [9: 408]), и даосским «слиянием с Дао» (возвращением к природе). Трагедия Чжень-Люня заключается в том, что границы между конфуцианством и даосизмом были стерты войной, что и привело героя к внутреннему душевному расколу. Так, образ Чжень-Люня в итоге стал образом «поглощенного историей».

В рассказе «Ходя» (1923) И. Бабеля, современника Вс. Иванова, также создан образ китайца, который, подобно Чжень-Люню, предстает пассивным объектом исторического процесса. Поздней ночью на Невском проспекте в Петербурге китаец торгуется с проституткой и исчезает во тьме после ночи, проведенной с ней: «Китаец в кожаном проходит мимо. Он поднимает буханку хлеба над головой. Он отмечает голубым ногтем линию на корке. Фунт. Глафира поднимает два пальца. Два фунта»⁴. Как отмечает А. А. Красноярова: «В рассказе И. Бабеля “Ходя” появлялся апокалиптический персонаж – “китаец в кожаном”, – который представлял частичку картины разрушающегося быта» [3: 147]. Однако ключевое различие между ними заключается в том, что Чжень-Люнь сохраняет приверженность традиционным культурным ценностям

своего народа, используя их в качестве философского ориентира для своих поступков, тогда как образ «китайца в кожаном» отражает процесс маргинализации личности во время революции: это и физическое перемещение с родины на чужую землю, и непрерывное смещение по социальной вертикали.

В 1922 году Вс. Иванов снова обращается к образу китайского крестьянина. На этот раз это красноармеец Син Бин-У в повести «Бронепоезд 14-69». В борьбе за захват бронепоезда китайский партизан Син Бин-У совершил героический поступок: он лег на рельсы, чтобы ценой собственной жизни остановить бронепоезд. Образ китайца Син Бин-У, являющийся одним из важнейших в произведении, приобретает особое звучание при сравнении с образом Чжень-Люня: пассивное самоуничтожение Чжень-Люня и активное самоожертвование Син Бин-У выявляют дискурсивную трансформацию образа китайца как литературного героя от «поглощенного историей» к «творящему историю».

Син Бин-У – мирный крестьянин, у него спокойная и счастливая семья:

«У Син Бин-У была жена из фамилии Е, крепкая манза⁵, в манзе крашеный теплый кан⁶ и за манзой желтые поля гаоляна и чумизы⁷. А в один день, когда гуси улетели на юг, все исчезло. Только щека оказалась проколота штыком. Син Бин-У читал Ши-цзинь⁸, плел циновки в город, но бросил Ши-цзинь в колодец, забыл циновки и ушел с русскими по дороге Кун-ци-цзе⁹» (34–35).

В этом описании и авторских комментариях Вс. Иванов объясняет причины, побудившие героя встать на путь революции, и включает в текст детали, которые дают возможность читателю познакомиться с китайской культурой. Прежняя жизнь, в хаосе настоящего вспоминаемая как идиллия, была разрушена острыми штыками японских солдат. Так, Син Бин-У потерял дом, жену, землю. Глазами Син Бин-У читатель видит разрушение гармонии в сельском Китае с приходом войны и революции. Судьбоносный выбор Син Бин-У – это выбор, с которым сталкиваются героями той эпохи.

С одной стороны, автор демонстрирует классовое родство китайских и русских партизан – союз рабочих и крестьян: «Во время революции многие бедные китайские рабочие (около 30–40 тыс.) вступили в Красную армию и сражались со старым режимом» [5: 190]; с другой стороны, Син Бин-У – носитель философских идей. Он имеет собственное мнение о революции в России, основанное на принципах китайской философии: умеренность и доброта – это явления культуры, а сопротивление – это сила человека.

«А в это время китаец Син Бин-У лежал в траве в тени пробкового дерева и, закрыв раскосые глаза, пел о том, как красный Дракон напал на девушку Чен Хуа. Лицо у девушки было цвета корня женьшеня и пища ее была у-вей-цзы – петушины гребешки; ма-жу – грибы величиною со зрачок; чжен-цзай-цай. <...> Но красный Дракон взял у девушки Чен Хуа ворота жизни, и тогда родился бунтующий русский» (12).

Песня Син Бин-У также глубоко отражает китайскую культуру, в которой красный дракон занимает важное место, символизируя силу, мужество, трансформацию и боевой дух. Пища девушки приготовлена из ценных трав, используемых в китайской медицине, поэтому сочетание красного дракона и девушки олицетворяет мощную силу сопротивления. Здесь Вс. Иванов использует красного дракона как метафору революции, а судьба Чен Хуа символизирует выбор Син Бин-У. Именно поэтому герой присоединился к партизанам:

«Китаец Син Бин-У, прижимаясь к скале, пропускал мимо себя отряд и каждому мужику со злостью говорил:

– Японца била надо... у-у-ух, как била!

И, широко разводя руками, показывал, как надо бить японца.

Вершинин остановился и сказал Ваське Окороку:

– Японец для нас хуже барсу¹⁰. Барс-от, допрежь чем манзу¹¹ жрать, лопатину¹² с него сдерет. Дескать, пусть проветрится, а японец-то разбираться не будет – вместе с усями¹³ слопает.

Китаец обрадовался разговору о себе и пошел с ними рядом» (14).

Син Бин-У играет ключевую роль в победе партизанского отряда. Он успешно добывал важные разведданные о бронепоезде. Справедливо замечание А. А. Забияко и Е. В. Сениной: «Син-Бин-У воюет не раздумывая, он бесстрашный разведчик, который совершенно хладнокровно обманывает допрашивающих его белогвардейцев, прикидываясь торговцем семечками» [1: 71]. И самое главное – Син Бин-У совершил героический поступок, жертвуя жизнью ради общего дела. Когда подходит бронепоезд, Син Бин-У выбирается из-за насыпи, где укрываются партизаны, ложится на рельсы:

«Син Бин-У вынул револьвер, не поднимая головы, махнул рукой, будто желая кинуть в кусты, и вдруг выстрелил себе в затылок. Тело китайца тесно прижалось к рельсам. <...> И труп китайца Син Бин-У, плотно прижавшийся к земле, слушал гулкий перевоз рельс...» (66).

Примечательно, что к образу китайца также обращался М. Булгаков. Образ Сен-Зин-По, героя рассказа «Китайская история» (1923), вступившего в ряды Красной армии, противопоставлен

образу Син Бин-У. И. С. Урюпин, анализируя китайские тексты в русской литературе 1920-х годов, отмечает, что Вс. Иванов и М. Булгаков создали архетипические образы китайских революционеров:

«Революционный радикализм китайских бойцов Красной Армии, принимавший своеобразную форму жертвенного протеста, в точности воспроизвели и Булгаков, и Иванов, отразив особое мироощущение народов Китая» [12: 134].

При создании китайских персонажей М. Булгаков и Вс. Иванов демонстрируют общность в описании внешности героев: раскосые глаза, желтая кожа и плохое знание русского языка в обоих текстах создают образ китайца – представителя другой культуры. Одновременно писатели подчеркивают выдающиеся качества, проявленные персонажами в бою (Син Бин-У удалось получить информацию о бронепоезде; Сен-Зин-По продемонстрировал чрезвычайно точную стрельбу), и трагически завершают судьбы героев. Однако при анализе текстов становится ясно, что за этими поверхностными сходствами скрывается принципиально различный подход к изображению самосознания героев.

Син Бин-У, движимый ненавистью к врагам, добровольно вступил в партизанский отряд, имея четкое понимание революционных идеалов. Он успешно уничтожил нескольких японцев и в итоге героически погиб, обеспечивая стратегическую победу партизан. Ходя же, из-за наличия слова «красный» в его ограниченном словарном запасе, случайно присоединился к Красной армии. Его имя было ошибочно зарегистрировано как Сен-Зин-По. Благодаря выдающимся снайперским способностям он был отобран в боевой отряд, где храбро сражался, мотивированный статусом стрелка и возможностью получить денежное вознаграждение. Но он так и не смог понять принципиальной разницы между Красной и Белой армиями, различая врагов и своих лишь по цвету формы, и погиб от вражеского штыка в первом же бою.

«И гигантский медно-красный юнкер ударил его, тяжко размахнувшись штыком, в горло, так, что перебил ему позвоночный столб. <...> И ходя, безбольный и спокойный, с примерзшей к лицу улыбкой, не слышал, как юнкера кололи его штыками»¹⁴.

Судьба и выбор Сен-Зин-По полны случайностей и неосознанности. И. С. Урюпин замечает:

«Бессознательная (неосознанная) революционность китайских иммигрантов после октябрьских событий 1917 г. в России обернулась революционностью “без сознательной” (бездумно-жестокой и бессмысленной). Это очень хорошо почувствовал М. А. Булгаков, показавший

в рассказе “Китайская история” (1923) трагедию “настоящего шафранного представителя Небесной империи”, ставшего в большевистской Москве орудием Революции и ее жертвой» [12: 133–134].

Подход Вс. Иванова к описанию «другого» сохраняет эстетическую дистанцию в изображении представителя иной культуры, одновременно находя точки соприкосновения благодаря вечным человеческим ценностям. По мнению Р. М. Ханиновой, «интерес к Востоку, особенно к буддийской философии и культуре, Всеволод Иванов сохранил с юности до конца своей жизни» [13: 78]. Взаимосвязь русской и китайской культур 1920-х годов и схожие судьбы порождают новый образ героя, сочетающий историческую правду с художественной достоверностью. Образ Син Бин-У воплощает духовную сущность китайского народа, соединяя в себе как следование традициям в повседневной жизни, так и постижение высшей истины. Цао Сюэмэй отмечает:

«“Красный” китаец Син Бин-У, в прошлом крестьянин, не утрачивает своей мудрости. Она лишь находит себе иное проявление. <...> Показ мировоззрения китайца, воспитанного традиционной философской мыслью, позволяет перенести размыщение о войне из общеидеологической сферы в сферу духовную» [15: 56–57].

Добровольное вступление Син Бин-У в партизанский отряд после уничтожения родного дома представляет собой осмысленное решение, а образ китайца у М. Булгакова воплощает неосознанный выбор личности в эпоху революций.

Как справедливо отмечает И. С. Урюпин:

«Ходя – тип героя-скитальца – беженца, отправляющегося на чужбину в поисках лучшей доли (к этому типу в полной мере относится и ходя Сен-Зин-По из булгаковской “Китайской истории”)» [12: 135].

Таким образом, Син Бин-У становится героем, «творящим историю», тогда как Сен-Зин-По превращается в инструмент революции.

Китайский переводчик Дай Ваньшу высоко оценивает сцену самопожертвования Син Бин-У в повести:

«Этот эпизод имеет большую роль как в развитии действия, так и в композиции повести. Син Бин-У был иностранцем, но стал родным братом русских. Он пожертвовал своей жизнью ради общего дела – настолько велика была сила интернационального движения (перевод наш. – Ю. Ц.)» [16: 3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Актуализация образа китайцев в русской литературе 1920-х годов и поиск новых философ-

ско-художественных решений обладают глубоким историко-культурным значением. Данный процесс был обусловлен сходством исторических траекторий России и Китая после Октябрьской революции. Обе страны столкнулись не только с общими вызовами революционной трансформации, но и переживали сходную дилемму между сохранением традиций и необходимостью обновления. Это ощущение экзистенциальной общности судеб побудило российских писателей обратиться к китайской теме в попытке увидеть в восточном соседе отражение собственной ситуации и перспектив. Как отмечает К. Ф. Пчелинцева:

«Китай все более втягивается в глобальную проблему Россия – Восток – Запад. Это уже не далекая экзотическая страна с непонятными традициями, а вполне реальное государство на Дальнем Востоке, судьбы которого переплетаются с судьбами России» [11: 162].

В отличие от И. Бабеля и М. Булгакова, чьи образы китайцев нередко предстают в качестве обобщенных революционных символов («Ходя»), Вс. Иванов, опираясь на традиционную китайскую философию и исторические реалии Дальнего Востока начала XX века, создал многомерные образы Чжень-Люня и Син Бин-У, наделенные психологической глубиной и сложностью поведенческих мотивов. Поместив китайского персонажа в центр философско-исторической рефлексии, Вс. Иванов осуществил художественную реконструкцию и новое осмысление культуры «Другого» в период исторической трансформации. По точному замечанию Е. А. Папковой, Вс. Иванов «склонен искать в древних культурах Востока те духовные ценности, которые сохранят человечество на его гибельном пути» [7: 88]. Судьба героев в текстах Вс. Иванова, с одной стороны, детерминирована окружающей действительностью, а с другой – демонстрирует пробуждение личностного сознания. Духовный кризис Чжень-Люня, вызванный распадом традиционного уклада, предстает не только как личная трагедия, но и как отражение поиска ценностных ориентиров обычным человеком в эпоху социокультурного перелома. Кажущееся идеалистическим самопожертвование Син Бин-У в действительности заключает в себе попытку экзистенциального постижения смысла жизни. Подобная рефлексия о жизни и смерти выходит за рамки революционной риторики, разворачивая на экзистенциальном уровне диалог между личным выбором и историческим процессом.

Таким образом, проза Вс. Иванова не только расширяет «китайский текст» в русской литературе, но и предлагает в лице Чжень-Люня

и Син Бин-У уникальный историко-художественный материал для исследования культурных образов «Другого» в новом историческом контексте.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Иванов В. В. Бронепоезд 14-69. М.: Вече, 2012. С. 272. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ² Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 90 т. Т. 36: Произведения 1904–1906 гг. М.; Л.: ГИХЛ, 1936. С. 297–299.
- ³ В тексте – 𠂇 мин, трактуется как «судьба» [Ян Боцзюнь, 1984: с. 157; Мао Цзышуй, 1991, с. 231].
- ⁴ Бабель И. Э. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Время, 2006. С. 270.
- ⁵ Манза – хижина (здесь и далее из примечаний повести «Бронепоезд 14-69»).
- ⁶ Кан – деревянные нары, заменяющие кровать.
- ⁷ Чумиза – род китайского проса, употребляемого в пищу.
- ⁸ Ши-цзинь – книга стихов, чтение которой указывает на хорошую грамотность.
- ⁹ Кун-ци-цзе – дорога Красного Знамени, восстаний.
- ¹⁰ Барс – тигр.
- ¹¹ Манзу – китаец (обл.).
- ¹² Лопотина – одежда.
- ¹³ Усями – род китайской обуви.
- ¹⁴ Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Записки юного врача. Белая гвардия. Рассказы. Записки на манжетах. М.: Худож. лит., 1989. С. 458.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Забияко А. А., Сенина Е. В. Образ восприятия Китая и китайцев в советской литературе и публицистике 1920–1940 гг. // Olomouc: Rossica Olomucensis, Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. 2019. Т. 18 (1). С. 67–86.
2. Иванов Вяч. Вс. «И мир опять предстанет странным...» (К 100-летию со дня рождения Всеволода Иванова, 24 февраля 1895 г.) // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2: Статьи о русской литературе. С. 504–512.
3. Краснова А. А. «Китайский текст» в русской литературе 1920–1930-х гг.: «советский поток» // Филология в XXI веке. 2020. № 1 (5). С. 144–150.
4. Крылова М. Н. Символика Китая в современной русской литературе // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 227–235.
5. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. 608 с.
6. Папкова Е. А. Дальневосточные рассказы Всеволода Иванова начала 1920-х гг. // Наука и школа. 2022. № 4. С. 11–20.
7. Папкова Е. А. Проблемы культуры в творчестве Всеволода Иванова // Сибирский филологический форум. 2021. № 2 (14). С. 80–91.
8. Папкова Е. А. Сибирские источники прозы Вс. Иванова начала 1920-х годов // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 17–26.
9. Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь юй». Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 588 с.
10. Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1990. 333 с.
11. Пчелинцева К. Ф. Китай и китайцы в русской прозе 20-х–30-х годов как символ всеобщего культурного непонимания // Материалы VIII Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. СПб.: Санкт-Петербург. филос. об-во, 2005. Вып. 34. С. 162–173.
12. Урюпин И. С. «Китайская» тема в творчестве М. А. Булгакова: к вопросу об инокультурной стихии в русской литературе 1920-х гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 5 (59). С. 132–135.
13. Ханинова Р. М. Концепт «статуи» в одноименных произведениях Вс. Иванова и Г. Газданова «Возвращение Будды» // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы Междунар. науч. конф. Вып. 2. М., 2003. С. 76–84.
14. Цао Сюэмэй. Мифологизация образов Китая и китайцев в русской прозе 1920-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 163 с.
15. Цао Сюэмэй. Образ китайца в повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69»: новаторство и преемственность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 13 (7). С. 54–57.
16. 伊万诺夫. 铁甲车. 戴望舒译, 人民文学出版社, 1958. 共135页. (Иванов Вс. Бронепоезд 14-69 / Китайский перевод Дай Ваньшу. Пекин: Народная литература, 1958. 135 с.).

Original article

Yunxue Jiang, Postgraduate Student, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)
 ORCID 0009-0000-2797-1390; jyx-1@yandex.ru

THE IMAGE OF THE CHINESE IN VSEVOLOD IVANOV'S PROSE: FROM "ABSORBED BY HISTORY" TO "MAKING HISTORY"

Abstract. This study aims to analyze the portrayal of Chinese characters in Vsevolod Ivanov's works of the 1920s, focusing on the short story "The Story of Zhen-Lung, the Seeker of the Shen-Jen Root" and the short novel *Armored Train 14-69*. Both narratives are set in the Russian Far East and conclude with the death of their Chinese protagonists. Employing comparative and textual analysis, the research contrasts the images of Chinese characters in Ivanov's works with those created by his contemporaries, such as Isaac Babel and Mikhail Bulgakov. The investigation demonstrates that, although Ivanov's texts partially retain the stereotypical physical and linguistic traits traditional to Russian literary depictions of Chinese people, his in-depth revelation of the characters' multidimensional psychology and behavioral motives signifies a transformation of the image from "absorbed by history" to "making history". This metamorphosis is rooted in an accurate representation of the historical-cultural context and lifelike reality. Such an artistic approach not only reflects the profound influence of the revolutionary era on national consciousness and mentality but also marks a breakthrough in the principles of creating Chinese characters in Russian literature.

Keywords: image of the Chinese, Vsevolod Ivanov, *Armored Train 14-69*, "The Story of Zhen-Lung, the Seeker of the Shen-Jen Root", Chinese philosophy, national consciousness

Acknowledgments. The work was supported by the China Scholarship Council (grant No 202108230282). The author expresses her deep gratitude to her research supervisor, Professor M. A. Chernyak, Doctor of Philological Sciences, for her invaluable guidance and support throughout this work.

For citation: Jiang, Yu. The image of the Chinese in Vsevolod Ivanov's prose: from "absorbed by history" to "making history". *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):58–64. DOI: [10.15393/uchz.art.2026.1266](https://doi.org/10.15393/uchz.art.2026.1266)

REFERENCES

1. Zabiyako, A. A., Senina, E. V. The image of perception of China and the Chinese in Soviet literature and journalism 1920–1940. *Olomouc: Rossica Olomucensia, Časopis pro ruskou a slovanskou filologii*. 2019;18(1):67–86. (In Russ.)
2. Ivanov, V. V. "And the world will again appear strange..." (Celebrating the 100th anniversary of Vsevolod Ivanov, 24 February 1895). *Ivanov, V. V. Selected works on semiotics and history of culture*. Moscow, 2000. Vol. 2: Articles on Russian literature. P. 504–512. (In Russ.)
3. Krasnaya rova, A. A. "Chinese text" in Russian literature 1920–1930s: Soviet direction. *Philology in the XXI Century*. 2020;1(5):144–150. (In Russ.)
4. Krylova, M. N. Symbols of China in contemporary Russian literature. *Critique and Semiotics*. 2016;1:227–235. (In Russ.)
5. Lukin, A. V. The Bear is watching the Dragon. The image of China in Russia in the XVII–XXI centuries. Moscow, 2007. 608 p. (In Russ.)
6. Papkova, E. A. The Far East stories of Vsevolod Ivanov of the early 1920s. *Science and School*. 2022;4:11–20. (In Russ.)
7. Papkova, E. A. Problems of culture in the work of Vsevolod Ivanov. *Siberian Philological Forum*, 2021;2:80–91. (In Russ.)
8. Papkova, E. A. The Siberian sources of V. Ivanov's prose of the early 1920s. *Siberian Journal of Philology*. 2015;3:17–26. (In Russ.)
9. Perelomov, L. S. Confucius: Lun yu. A study and translation from Chinese with Zhu Xi's commentary. Moscow, 1998. 588 p. (In Russ.)
10. Przhevalsky, N. M. A journey to the Ussuri Krai in 1867–1869. Vladivostok, 1990. 333 p. (In Russ.)
11. Pchelintseva, K. F. China and the Chinese in Russian prose of the 1920s and the 1930s as a symbol of universal cultural misunderstanding. *Proceedings of the VIII Youth Research Conference on Philosophy, Religion, and Culture of the East*. St. Petersburg, 2005. P. 162–173. (In Russ.)
12. Uryupin, I. S. Chinese theme in the creative work of M. A. Bulgakov: considering the issue of foreign culture elements in the Russian literature of 1920s. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2011;5(59):132–135. (In Russ.)
13. Khananova, R. M. The concept of "statue" in the *Return of Buddha*, eponymous works of Vsevolod Ivanov and Gaito Gazdanov. *Little-known pages and new concepts of the history of Russian literature of the XX century: Proceedings of the international research conference*. Issue 2. Moscow, 2003. P. 76–84. (In Russ.)
14. Cao, Xuemei. Mythologization of images of China and the Chinese in Russian prose of the 1920s.: Diss. Cand. Sc. (Philology). Moscow, 2019. 163 p. (In Russ.)
15. Cao, Xuemei. Image of the Chinese in the story by Vs. Ivanov "Armored Train 14-69": tradition and innovation. *Philology. Theory & Practice*. 2020;13(7):54–57. (In Russ.)
16. 伊万诺夫. 铁甲车. 戴望舒译, 人民文学出版社, 1958. 共135页.

ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА ПОПОВА

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
(Калининград, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8431-2962; *lestvic@mail.ru*

**ЦИКЛ «МОНАШЕСКИЕ ПОДВИГИ» ПО МОТИВАМ СЛОВА 5
«ЛЕСТВИЦЫ ИОАННА СИНАЙСКОГО»
НА ИКОНЕ КАРЕЛЬСКОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ, № 1452**

Аннотация. Объектом анализа является цикл «Монашеские подвиги», представленный на иконе конца XVII – начала XVIII века «Лествица преп. Иоанна Лествичника (с “пещерами”)» из собрания Карельского музея изобразительных искусств, № 1452. В работе указаны византийские источники 23 композиций этого цикла: 19 изображений генетически восходят к миниатюрам Покаянного канона по мотивам Лествицы, 4 – к тексту Лествицы. Названы иконографические приметы, сближающие петрозаводскую икону с памятниками московского происхождения, а именно со стенописью Благовещенского собора Московского Кремля и с гравюром «Лествица монастырского подвигничества», созданной Леонтием Буниным. В качестве главного проблемного вопроса в статье ставится вопрос происхождения петрозаводской иконы: она могла быть привезена из Москвы или выполнена выговским мастером, хорошо знакомым с московской традицией (наиболее вероятен второй вариант). Художник обогатил иконографическую традицию цикла множеством новых особенностей. Индивидуальными приметами петрозаводской иконы являются совмещения двух сюжетов в пределах одной композиции, изменения традиционных схем изображений (относительно позы и жестикуляции подвигников), увеличение количественного состава подвигников в двух композициях, введение в иконографию цикла новых образов (река, кабан, лиса), симметричность ряда изображений. Надписи на иконе уникальны, обширны, они подробно объясняют содержание этих изображений. Предположительно, они выверены художником по тексту Лествицы, но не по тексту старопечатного издания книги (М., 1647), а по тексту рукописи: в этом убеждает ошибка в надписи при сюжете 19 («вежда уязвена» вместо: «ланита уязвена»). Причиной этой ошибки является пропуск формы «ланита» в рукописи, которую использовал иконописец. Обнаружение рукописи с этой писцовой ошибкой в числе книг выговской библиотеки станет доказательством выговского происхождения петрозаводской иконы.

Ключевые слова: Покаянный канон по мотивам Лествицы, иконографический цикл «Монашеские подвиги», выговское старообрядчество, византийская литература, русское искусство конца XVII века

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке РНФ (проект № 22-18-00005-П «Иконография и агиография Лествицы Иоанна Синайского»).

Для цитирования: Попова Т. Г. Цикл «Монашеские подвиги» по мотивам Слова 5 «Лествицы Иоанна Синайского» на иконе Карельского музея изобразительных искусств, № 1452 // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 65–74. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1267

ВВЕДЕНИЕ

Ярким свидетельством переклички византийской и русской культур является существование иконографического цикла «Монашеские подвиги», получившего распространение в искусстве Руси с начала XVI века. Изображения этого цикла сохранились в десятках памятников, среди которых рукописи, иконы, стенописи храмов, книжные гравюры и рисованные рас-

кладные листы старообрядческой традиции. Генетически цикл восходит к иллюстрированию малоизвестного памятника византийской гимнографической литературы XI века – Покаянного канона (Κανὼν κατανυκτικὸς τὴν ἱστορίαν διαλαμβάνων τῶν ἐν τῇ κλίμακι ἀγίων καταδίκων), созданного анонимным автором по мотивам Слова 5 «Лествицы Иоанна Синайского» (Περὶ μετανοίας μεμεριψυημένης καὶ

ἐναργοῦς, ἐν ἣ καὶ βίος τῶν καταδίκων, καὶ περὶ τῆς φυλακῆς). Канон иллюстрирован 32 миниатюрами, каждое изображение сопровождено комментирующей надписью; публикацию надписей см. в работе [3]. Филологическое исследование Покаянного канона содержится в монографии [4]: проанализированы 23 памятника русского изобразительного искусства, сохранивших сюжеты на тему Лествицы (4 книжные миниатюры, 9 икон, 3 фрески, 3 гравюры, 4 рисованных листов-«раскладушек» старообрядческой традиции), выявлены взаимоотношения этих произведений искусства в виде стеммы. В частности, рассмотрена икона «Лествица преп. Иоанна Лествичника (с “пещерами”)» из собрания Карельского музея изобразительных искусств (№№ КМИИ КП-5559, И-1452, далее – КМИИ 1452); подробное описание этой

иконы с аннотированной библиографией, а также публикация иконы представлены в иллюстрированном Каталоге «Лествица Иоанна Синайского в изобразительном искусстве» [5: 76–80 (кат. № 63), 239 (илл. 109)].

Задачи настоящей работы – систематизировать и уточнить содержащуюся в названных книгах информацию, а именно: указать источники композиций, назвать генетически близкие памятники, привести доказательства в пользу выговского происхождения иконы; сверхзадача публикации – привлечь внимание искусствоведов, филологов и всех интересующихся христианским искусством, святоотеческой литературой и культурой старообрядцев к замечательному памятнику русского изобразительного искусства, хранящемуся в г. Петрозаводске Республики Карелия (см. рисунок).

Икона «Лествица преп. Иоанна Лествичника (с “пещерами”)». Карельский музей изобразительных искусств. Фото Т. Г. Поповой
Icon *The Ladder of St. John Climacus (with “Caves”)*. The Museum of Fine Arts of the Republic of Karelia. Photo by T. G. Popova

ОПИСАНИЕ ИКОНЫ

Икона размером $86,5 \times 77,3 \times 2,8$ см написана в конце XVII – начале XVIII века неизвестным мастером. Имеет повреждения (левый верхний угол отломился, верхняя часть обрублена). Возможно, на верхнем, обрублном, поле иконы было название, часть которого сохранилась на правом поле: «Препод[обного] отц[а] <...> Иван[а] списка[те]ля святыя Лествицы от слова пята о покаянии по-печенемъ и истиннем, в немже о темнице благоугодней святыхъ отецъ осуженикъ». Икона привезена экспедицией Карельского музея изобразительных искусств в 1969 году из часовни пророка Ильи в д. Шелтопорог (бывший старообрядческий скит, ныне – район д. Данилово) Медвежьегорского района Республики Карелия. Икона происходит из местного ряда этой часовни. Очевидно, она бытowała в среде выговских старообрядцев.

Описание памятника и анализ иконографии выполнили В. Г. Платонов [2: 223–224] и В. Г. Пуцко [6]. В. Г. Пуцко первым из исследователей обозначил «генетическую связь с переработкой византийского наследия» [6: 294]. Важные замечания по иконографии КМИИ 1452 содержатся в работах искусствоведов И. Л. Хохловой [9: 246] и О. А. Туминской [7: 402 (№ 102)], [8: 102–103]. В вышеупомянутой монографии о Покаянном каноне [4] КМИИ 1452 рассматривается как звено в развитии традиции изображений кающихся грешников, восходящей к иллюстрированию памятника византийской литературы.

Композиционно икона разделена на три регистра, изображения сюжетов на ней читаются, как обычно, сверху вниз, слева направо. В роли введения к циклу «Монашеские подвиги», как обычно в русском искусстве, выступает композиция «Видение Лествицы» (современный иконографический анализ этой композиции в византийской и русско-славянской культурах содержится в [1: 46–62]). На иконе КМИИ 1452 Лествица наклонена слева направо. В нижней части композиции на фоне многокупольного храма с иконой «Знамение» и колокольни преп. Иоанн Лествичник поучает братию, в его левой руке – развернутая хартия, правая рука указывает на Лествицу; лицо святого обращено к слушающим его монахам. В восхождении показаны три подвижника (все они в нимбах), им помогают пять Ангелов, у одного из них в руках – венец (ср.: *Pс 20, 4*), на небесах – поясное изображение Спасителя, правая Его рука в благословляющем жесте, левой рукой Он принимает достигшего вершины Лествицы добродетелей праведника. Рядом с Лествицей показан крылатый демон с крюком,

стаскивающий с нее монахов. Два грешника лежат головой вниз в преисподнюю, изображенную в виде широко разинутой зубастой пасти. Все элементы композиции «Видение Лествицы» на иконе КМИИ 1452 хорошо известны и повторяются в других памятниках названной иконографической схемы. Новым явлением для традиции изображения сюжета является надпись, расположенная рядом с крестом на куполе одного из монастырских храмов: «Царь славы, Иисус Христос, Сын Божий», которая, по нашим данным, не встречается ни в одном другом памятнике, сохранившем эту схему.

Количество «пещерок», в которые заключены кающиеся грешники, КМИИ 1452 равно 23, в каждой из «пещерок» представлен отдельный сюжет; в верхнем регистре размещены сюжеты 1–6, в среднем – 7–16, в нижнем – 17–23.

Общее количество известных нам входящих в цикл подвигов равно 42 (в разных памятниках оно варьируется от 4 до 34). Из этих 42 сюжетов 22 генетически восходят к миниатюрам Покаянного канона, 10 – к тексту Лествицы (4: 40–42; 5: 3–25¹) и 10 – к творческой фантазии русских художников. Предложенный ниже анализ изображений кающихся грешников строится по следующей схеме: название подвига; описание изображения; воспроизведение надписи при изображении и указание источника (источников) сюжета. Репродукции всех сюжетов монашеских подвигов (в византийском и русском искусстве) опубликованы в электронном каталоге изображений на тему Лествицы². При именовании подвигов в настоящей работе используется терминология, предложенная в монографическом исследовании Покаянного канона [4]. Стиль и художественные особенности изображений не рассматриваются, поскольку они должны стать объектом специального исследования искусствоведов.

СЮЖЕТЫ ЦИКЛА «МОНАШЕСКИЕ ПОДВИГИ»

Сюжет 1: В одном изображении совмещены два вида монашеских подвигов: «Всенощные бдения в неподвижном стоянии» и «Самоистязания по причине неимения слез». Стоящий в повороте направо босой средовек в длинной рубашке, с аналавом; правая рука сжата в кулак и находится на уровне груди, в левой, поднятой, руке – розги. Надпись (начало утрачено):

«<...> [до у]тра стоить на ясне, нозе неподвижне имуща и сномъ умиленне прекланяюща ся нуждею сего естества и ниединого упокоения себе дающа, но сама ранами и бесчестием возбужаеть».

Источники изображения: 1) миниатюра 2 Покаянного канона, надпись к миниатюре: Оўто

павнучи мέχρι πρωΐας ιστάμενοι αἴθριοι, τοὺς πόδας ἔχοντες ἀκινήτους καὶ τῷ ὑπνῷ κατακλώμενοι, καὶ μὴ δὲ μίαν ἄνεσιν ἔαυτοῖς, χαριζόμενοι μᾶλλον μὲν οὐν καὶ ἔαυτοὺς ἐπιπλήττοντες ἀτιμαῖς; 2) миниатюра 8 Покаянного канона, надпись к миниатюре: Οὗτοι δακρύων ἀποροῦντες, ἔαυτοὺς κατακόπτουσιν οὓς ἡ Θεοτόκος παρεγγυᾶται μὴ ἀπογνῶναι ἀλλ᾽ ἐλπίδι τῇ πρὸς Θεὸν τὸν ἔλεον ἐφελκύσασθαι. Ср.: сюжет 7.

Сюжет 2: «Умиленные взирания на небо, вопли и рыдания в ожидании Божией помощи». Стоящий в повороте направо босой старец в длинной рубашке, с аналавом; взор устремлен ввысь, руки подняты на уровне груди. Надпись: «Сей на небо у[миле]нне взираетъ, оттуду помощи просить с рыданиемъ и воплем многимъ». Источник изображения: миниатюра 3 Покаянного канона, надпись к миниатюре: Οὗτοι εἰς οὐρανὸν ἐλεεινῶς ἀτενίζουσι καὶ τὴν ἐκεῖθεν βοήθειαν, μετὰ θρήνων ἐπικαλοῦνται.

Сюжет 3: «Предстояния на молитве со связанными сзади руками». Стоящий в повороте направо босой юноша в длинной рубашке, со связанными сзади руками, с опущенной головой. Надпись: «Сей на молитве предстоить и на опако руце той яко осуженикъ связа». Источник изображения: миниатюра 4 Покаянного канона, надпись к миниатюре:

Οὗτοι ὅπισθεν ἔαυτῶν τὰς χεῖρας ὡς κατάδικοι δήσαντες, ἐν προσευχῇ ἵστανται, κλίνοντες τὰς ἔαυτῶν ὄψεις εἰς γῆν καὶ ἀναξίους ἔαυτοὺς λογιζόμενοι τῆς πρὸς τὰ ἄνω νεύσεως καὶ οὐδὲ εἰπεῖν τὶ χάριν εὐχῆς τολμῶντες ὑπὲρ ὅν ἡ Θεοτόκος ποιεῖται δέστιν.

Сюжет 4: «Сидения на земле во вретище и пепле, пряча лицо между коленями». Согну́тый в дугу сидящий на земле в повороте налево юноша в короткой рубашке, обхватывающий руками голову. Надпись: «Сей на земли во вретищи и пепеле седя, коленома лице свое закрыва и чломъ в землю бьетъ». Источник изображения: миниатюра 5 Покаянного канона, надпись к миниатюре: Οὗτοι ἐπ' ἐδάφους σάκκον καὶ σποδὸν ἔαυτοῖς ὑποστρώσαντες, κάθηνται κλαίοντες καὶ τοῦ Θεοῦ περιπαθῶς δεόμενοι (ср.: *Иов 42, 6; Мф II, 21; Лк 10, 13*).

Сюжет 5: «Непрестанное биение себя в грудь». Два босых монаха в коротких рубашках стоят на полусогнутых ногах, в повороте друг к другу; руки обоих согнуты в локтях на уровне груди, сжаты в кулаки. Изображение симметрично. Надпись: «С[ии без престани] ся въ перси биюще и своя душа и живот ко Господу взывающе». Источник изображения: миниатюра 6 Покаянного канона, надпись к миниатюре: Οὗτοι τὰ ἔαυτῶν στήθη διηνεκῶς τύπτοντες, τὴν ἔαυτῶν ψυχὴν καὶ ζωὴν ἀνακαλοῦνται.

Сюжет 6: «Омочение земли слезами». Стоящий на земле на коленях, в повороте направо, согну́тый в дугу босой старец в короткой рубашке; голова наклонена близко к земле, рука опущена. Надпись: «Сей слезами тои (Так! – Т. П.) землю омачаетъ». Источник изображения: миниатюра 7 Покаянного канона, надпись к миниатюре: Οὗτοι τὸ ἐδαφός τοῖς ἔαυτῶν δάκρυσι βρέχοντες, ἀπαράκλητοι μένουσιν.

Сюжет 7: «Самоистязания по причине неимения слез». Стоящий в повороте налево босой монах в разодранной на груди короткой рубашке; руки согнуты в локтях на уровне груди, левая рука ската в кулак. Надпись: «Сей слезъ не имея сам ся бьеть». Источник изображения: миниатюра 8 Покаянного канона, надпись к миниатюре: Οὗτοι δακρύων ἀποροῦντες, ἔαυτοὺς κατακόπτουσιν οὓς ἡ Θεοτόκος παρεγγυᾶται μὴ ἀπογνῶναι ἀλλ᾽ ἐλπίδι τῇ πρὸς Θεὸν τὸν ἔλεον ἐφελκύσασθαι. Ср.: сюжет 1.

Сюжет 8: «Оплакивание смерти своей души» и «Рыдание сердцем и сдерживание криков голосом». Два стоящих лицом друг к другу сгорбившихся босых подвижника в коротких рубашках; одна рука закрывает рот, вторая рука согнута в локте на уровне груди, ладонь раскрыта. Изображения симметричны. Надпись:

«Сии яко над мертвлеци над своими душами рыдаху, содрогания сердечнаго терпети не могуше. Ови же сердцемъ рыкаху и усты кричания глас возбраняху, есть же егда к тому держатися не могуше внезапу восклицаху».

Источники изображения: 1) миниатюра 9 Покаянного канона, надпись к миниатюре: Οὗτοι τὰς ἔαυτῶν ψυχὰς ὥσανεὶ νεκροὺς προτιθέντες ὄλολύζουσι κοπτόμενοι, τὴν συνοχὴν τῆς ἔαυτῶν καρδίας μὴ φέροντες; 2) миниатюра 10 Покаянного канона, надпись к миниатюре: Οὗτοι τῷ στόματι τὸν οὐδυρμοῦ ψόφον κωλύοντες, τῇ καρδίᾳ μόνῃ βρύχουσιν ἔστι δὲ ὅτε τὴν βίαν τῆς ὁδύνης μὴ φέροντες, αἰφνιδίως κράζουσιν.

Сюжет 9: «Юродство во Христе». Стоящий в повороте налево босой полуобнаженный старец, с оголенным плечом; руки согнуты в локтях и прижаты к груди; ноги в движении; голова высоко поднята. Надпись:

«Сии изступивъ обычаем и умомъ объюродевъ от многаго сетования весь омраченъ и яко нечювьствуенъ ко всемъ житейским бывъ, умом прочее во глубину смирения погрузився и огнем печали очныя слезы иссушивша».

Источник изображения: миниатюра 12 Покаянного канона, надпись к миниатюре: Οὗτοι ὑπὸ τῆς ἄγαν ἀθυμίας ἔαυτῶν ἐκστάντες, ἀναίσθητοι πρὸς πάντα τὰ τοῦ βίον γεγόνασιν οἵς ἡ Θεοτόκος βοηθὸς πάρεστι τὰ σωτήρια συμβουλεύοντα.

Сюжет 10: «Качания головой, сопровождаемые львиными рычаниями». Слева: юный бо-

сой монах в короткой рубашке, стоящий на ногах, согнулся в дугу и обхватил голову обеими руками; справа: юный босой монах сидит на земле в скорбной позе, голова лежит на голых коленях, опущенные руки скрещены. Надпись: «Сии седяще дряхлы на землю поникша и своя главы непрестанно зыблиющ[а], и яко лвы из среды сердца и костей рыкающа и стенюща». Источник изображения: миниатюра 11 Покаянного канона, надпись к миниатюре: *Οὗτοι σύννονυς ἐπ' ἐδάφους καθήμενοι καὶ τὰς ἑαυτῶν διηνεκῶς κεφαλὰς κινοῦντες, ἐκ μέσης καρδίας βρύχουσιν.*

Сюжет 11: «Терпение множества гниющих ран на теле». Стоящий в повороте направо босой старец в набедренной повязке, с согнутой спиной; правая рука у лица, около подбородка; левая рука согнута в локте на уровне груди, ладонь открыта. Надпись «Сей весь день сетуя хождаху (ср.: *Пс 37, 7*) и возсмердевшася и согнилы телесныя язвы имуща и небрегомы суще и забывающа убо еже ясти хлеб свой (ср.: *Пс 101, 5* <...>)». Источник изображения: миниатюра 15 Покаянного канона, надпись к миниатюре: *Οὗτοι μωλώπων πεπλησμένοι, ἑαυτοὺς ἀνεπιμελήτους ἔωσι μή δὲ μίαν τῆς σαρκὸς ποιούμενοι πρόνοιαν* (ср.: *Пс 37, 6*).

Сюжет 12: «Растворение водного пития слезами». Стоящий в повороте налево босой монах, в рубашке ниже колена, с аналавом; правая рука согнута в локте и поднята на уровне груди, в левой руке – чаша, которую подвижник подносит к левому глазу. Надпись: «<...> питие же водное с плачом растворя[ю]ща <...>». Источник изображения: миниатюра 17 Покаянного канона, надпись к миниатюре: *Οὗτοι σπόδὸν μὲν ἀντὶ ἄρτου ἐσθίουσι τὸ δὲ πόμα τοῦ ὕδατος, κλαυθμῷ κιρνῶσι καὶ δάκρυσιν* (ср.: *Пс 101, 10*).

Сюжет 13: «Ядение пепла и золы вместо хлеба». Стоящий в повороте направо босой монах, в рубашке ниже колена, с аналавом; правая рука согнута в локте и поднесена ко рту, в левой руке – чаша, внутри которой красный свет. Надпись:

«<...> и пепель и жератокъ вместо хлеба ядуща (ср.: *Пс 101, 10*), прилепша имуща кости к плоти (ср.: *Пс 101, 6*) и той яко сено исхьша (ср.: *Пс 101, 12*), и ничтоже бе ино от нихъ слышати разве глаголы сия: Горе, горе, увы мне, увы мне, вправду, вправду, пощади, пощади, владыко; овии глаголахъ: Помилуй, помилуй, ови паки умиленнейше: Прости, владыко, прости, аще можно есть».

Источники изображения: 1) миниатюра 17 Покаянного канона, надпись к миниатюре: *Οὗτοι σπόδὸν μὲν ἀντὶ ἄρτου ἐσθίουσι τὸ δὲ πόμα τοῦ ὕδατος, κλαυθμῷ κιρνῶσι καὶ δάκρυσιν* (ср.: *Пс 101, 10*); 2) миниатюра 18 Покаянного канона,

надпись к миниатюре: *Οὗτοι κεκολλημένα ἔχοντες τὰ ὄστᾶ τῇ σαρκὶ καὶ ὥσει χόρτος ἐξηραμένοι ἐπὶ συννοίας ἑστήκασιν ὡς τῷ ἀδιαλείπτῳ πένθει ἐξαπονήσαντες* (ср.: *Пс 36, 2; Пс 101, 6; Пс 101, 12*); 3) текст Лествицы (5: 13):

Οὐδὲν ἦν ἔτερον παρ' αὐτοῖς ἀκούειν, εἰ μὴ ταῦτα τὰ ρήματα Ὁὐαί, οὐαί οἴμοι, οἴμοι δικαίως, δικαίως φεῖσαι, φεῖσαι, Δέσποτα. Οἱ μὲν ἐλεγον Ἐλέησον, ἐλέησον οἱ δὲ πάλιν ἔτι ἐλεεινότερον Συγχώρησον, Δέσποτα, συγχώρησον, εἳαν ἐνδέχεται (цит. по: PG. T. 88. Col. 768C).

Сюжет 14: «Стояние с воспаленным языком, выпущенным изо рта, как у пса». Стоящий фронтально босой монах, в рубашке по колено; руки скрещены на груди, язык высунут. Надпись: «У сего же языкъ опалевша и подобно псомъ изо усть испущаемъ». Источник изображения: миниатюра 19 Покаянного канона, надпись к миниатюре: *Οὗτοι ἐν τῷ καύσωνι ἑαυτοὺς τιμωροῦσιν οἵς αἱ γλῶσσαι φλεγόμενοι, τοῦ στόματος ἔξω προβέβληται*. Ср.: сюжет 15.

Сюжет 15: «Стояние под палящим солнцем». Стоящий в повороте налево босой монах, в рубашке ниже колена, левая рука у левой щеки, около рта; правая рука согнута в локте и немного поднята раскрытым ладонью вверх; в черноте пещеры изображено ярко-красное солнце. Надпись: «Сей на зной от вара солнечного самъ себе томить». Источник изображения: миниатюра 19 Покаянного канона, надпись к миниатюре: *Οὗτοι ἐν τῷ καύσωνι ἑαυτοὺς τιμωροῦσιν οἵς αἱ γλῶσσαι φλεγόμενοι, τοῦ στόματος ἔξω προβέβληται*. Ср.: сюжет 14.

Сюжет 16: «Стояние на холоде». Стоящий в повороте направо сгорбившийся босой монах, в рубашке ниже колена; руки согнуты на уровне пояса; ноги скрещены. Надпись: «Сей на студени сам ся мучить». Источник изображения: миниатюра 21 Покаянного канона, надпись к миниатюре: *Οὗτοι ἐν τῷ ψύχει ἑαυτοὺς βασανίζουσι καὶ τῷ παγετῷ πηγγύμενοι, τρέμουσιν*.

Сюжет 17: «Изнурение себя малопитием». Стоящий в повороте направо босой монах, в рубашке ниже колена; левая рука согнута и находится на уровне пояса ладонью вверх, в правой, поднятой руке, держит чашу, от которой он отворачивается. Надпись: «Сей мало воды пия престаще елико токмо от нужда (Так! – Т. П.) не умрети». Источник изображения: миниатюра 22 Покаянного канона, надпись к миниатюре: *Οὗτοι τῷ δίψῃ φλεγόμενοι, μικρὸν τοῦ ὕδατος ἀπογεύονται ὅσον μὴ ἐκ δίψης ἀποθανεῖν καὶ εὐθὺς παύονται*.

Сюжет 18: «Изнурение себя малоядением». Сидящий в повороте налево босой монах, в короткой рубашке; правой рукой подпирает голову, в левой, поднятой руке, держит предмет (чашу

или кусок хлеба), от которого он отворачивается; ноги монаха скрещены. Надпись: «Сей мало хлеба приемлетъ и сего далече рукою отметаетъ, недостойна себе наречеть словесныхъ брашна, яко безсловесныхъ дела сотворша». Источник изображения: миниатюра 23 Покаянного канона, надпись к миниатюре: Οὗτοι μικρὸν τοῦ ἄρτου μεταλαμβάνοντες, τοῦτον μακρὰν ἔαυτῶν ἀπορριπτοῦσιν ἀναξίους ἔαυτοὺς λογικῆς ἡγούμενοι βρώσεως, ὡς τὰ ἄλογα ἔργα πράξαντες.

Сюжет 19: «Земные поклоны до оцепенения коленей» и «Удары в грудь до кровавых плеваний». Два босых разновозрастных монаха (средовек и старец), в коротких рубашках, лицом друг к другу, стоят на полусогнутых ногах; руки и головы опущены. Изображения симметричны. Надпись:

«У сихъ колени оцепеневша от множества кланяния, очи истекли и внутрь негде во глубину внишли, рясновъ не имуще, вежда уязвена и опалена имуще разгорениемъ теплыхъ слез, лица увядша и бледа, ничимже в подобии мертвыхъ разньствующа, перси биениемъ боляща и исплевания кровава от персныхъ биений».

Источник изображения: текст Лествицы (5: 19):

Ἐν ἡ ἐκείνοις ἐώρατο γόνατα ἐπεσκληκότα, τὸ πλήθει τῶν μετανοιῶν, οἱ ὄφθαλμοὶ ἐκτακέντες καὶ ἕσω πονεῖς βάθος δεδυκότες τριχῶν ἀπεστερημένοι, παρειὰς κεκτημένοι πεπληγμένας καὶ περιπεφλεγμένας τῇ ζέσει τῶν θερμῶν δακρύων πρόσωπα καταμεμαρασμένα καὶ ώχρᾳ μηδὲν ἐν συγκρίσει νεκρῶν διαφέροντα στήθη ταῖς πληγαῖς ἀλγοῦντα καὶ αἰμάτων πτύελοι, ἐκ τῶν ἐν τῷ στήθει πυγμῶν (цит. по: PG. T. 88. Col. 769D – 772A).

Сюжет 20: «Предстояния на молитве как перед небесными вратами». Два фронтально стоящих босых средовека, в рубашках ниже колена; руки обоих согнуты в локтях на уровне груди. Изображения симметричны. Надпись:

«Сии в перси сами ся биюще, и яко в небесныхъ вратехъ стояще (ср.: *Быт 28, 17; Пс 23, 7*) к Богу глаголаху: Отверзи намъ, судии, отверзи, елма грехъ ради нашихъ затворихомъ себе, отверзи намъ (ср.: *Мф 25, 11; Лк 13, 25*)».

Источник изображения – текст Лествицы (5: 16):

Οἱ μὲν τὸ στῆθος ἰσχυρῶς κρούοντες, ὕσπερ ἐν τῇ τοῦ οὐρανοῦ πύλῃ ἰστάμενοι, πρὸς Θεὸν ἔλεγον Ἀνοιξὸν ἡμῖν, Δικαστὰ ἀνοιξὸν ἡμῖν, ἐπειδὴ δὶς ἀμαρτίας ἐκλείσαμεν ἔαυτοῖς (цит. по: PG. T. 88. Col. 769A).

Сюжет 21: «Заковывание себя в кандалы до смерти». Два сидящих вполоборота лицом друг к другу на одной скамье босых монаха в коротких рубашках; ноги закованы в общие для обоих кандалы; руки сложены спереди крестообразно,

на них оковы; на шеях у обоих – цепи. Изображения симметричны. Надпись:

«Сии железны оковы на рукахъ и на выяхъ имаху и ноги во стражущихъ утвердиша древехъ, и седаще в темне месте сами себе мучять, и не прежде оттуду испущеномъ быти даже прочее техъ гробъ приеметъ».

Источник изображения – текст Лествицы (5: 20):

Ἐδυσώπουν ἐκεῖνοι πολλάκις τὸν κριτὴν τὸν μέγαν ἐκεῖνον, τὸν ποιμένα λέγω, τὸν Ἀγγελὸν ἐν ἀνθρώποις καὶ παρεκάλουν σίδηρα καὶ κλοιὰ ἐν χερσὶ καὶ τραχῆλῳ περιθέσθαι καὶ τοὺς πόδας ἐν τῷ τῶν πασχόντων κατασφαλισθῆναι ἔγκλωφ, καὶ μὴ πρότερον ἐκεῖθεν λυθῆναι, ἔχρι λοιπὸν τὸ μνῆμα διαδέξεται πλήν, οὐδὲ τὸ μνῆμα (цит. по: PG. T. 88. Col. 772B).

Сюжет 22: «Просьба оставить себя без похребения». Босой средовек в короткой рубашке, на полусогнутых ногах, изображен в движении направо; он несет на руках умершего монаха. На черном фоне имеется изображение пейзажа (река, растения); изображены животные, ожидающие пищи (сидящий кабан с раскрытым пастью, лиса с высоко поднятой мордой). Надпись:

«Сей молить з заклинаниемъ не сподобити того человеческому погребению, но безсловесному, или в реку ввержену быти, или на лядине зверемъ вдану быти, еже множищею и послуша иже разсуждения светилникъ, пения же и чести лишеномъ и износитися повелевая».

Источник изображения – текст Лествицы (5: 21):

μέλλοντες τοίνυν πρὸς Θεὸν πορεύεσθαι, καὶ τῷ ἀδεκάστῳ βήματι παρίστασθαι, οἱ καλοὶ ἐκεῖνοι τῆς χώρας τῆς μετανοίας πολλῖται, ὀπήνικα τις αὐτῶν ἐν τῷ παντὶ θέωρει || ἔαυτόν, τοῦτο διὰ τοῦ προεστῶτος αὐτῶν ἐδυσώπει μεθ' ὄρκων τὸν μέγαν τοῦ μὴ καταξιωθῆναι αὐτὸν ἀνθρωπίνης ταφῆς, ἀλλὰ ἀλόγου, ἢ ἐν τῷ ρεῖθρῳ τοῦ ποταμοῦ, ἢ ἐν τῷ ἄγρῳ τοῖς θηρίοις παραδοθῆναι, ὅπερ πολλάκις καὶ ὑπήκουσεν ὁ τῆς διακρίσεως λύχνος, ψαλμῳδίας τε πάσσης καὶ τιμῆς ἐστερημένους ἐξοδιάζεσθαι κελεύων (цит. по: PG. T. 88. 772B-C).

Сюжет 23: «Вопрошания умирающего собрата о его видениях». Лежащий в гробу монах; над ним с обеих сторон склонились подвижники, с левой стороны – три, с правой стороны – два, они протягивают к умирающему руки; у троих из них ладони приставлены к уху. Надпись (часть надписи расположена на поле иконы):

«Внегда бо съосуженицы отходящаго скончатися хотяща ощущаху и еще уму его утвержену сущу обступаху его и желеючи и плачуще умиление обычаемъ и сетованном словом покивающе главою своею вопрошаху умирающаго и горяще милованиемъ к нему глаголаху: Что есть, брате и соосужениче, како, что глаголеши, что уповаеш, что мниши, получи ли от труда искомое или ни, отверзе или повинень и еще еси, достиже ли или не возможе, приять ли некое из-

вещение или безвестну имаши надежду, прияль ли еси
свобожение или клонится и сомнится еще помысль».

Источники изображения: 1) миниатюра 26 Покаянного канона, надпись к миниатюре: Οὗτοι ψυχοράγοῦντα τινὰ ἔξ αὐτῶν περιστανταὶ ἐπ' ἐδάφους ὑπτιον κείμενον καὶ τῇ συμπάθειᾳ καίμενοι, ἐρωτῶσιν περιπαθῶς τὸν ἐκλείποντα; 2) миниатюра 27 Покаянного канона, надпись к миниатюре: Οὗτοι ὁμοίως τὸν ψυχοράγοῦντα περιστάμενοι ὑπέχουσιν αὐτῷ τὰ ὅτα καὶ τῶν παρ' αὐτῷ λεγομένων ἀκροῶνται σὺν προσοχῇ; 3) текст Лествицы (5: 22):

Ὀπόταν γὰρ οἱ συγκατάδικοι τὸν προπορευόμενον τελειοῦσθαι μέλλοντα ἥσθοντο, ἵτι τοῦ νοὸς ἐρρωμένου, περιεκύλουν, καὶ διψῶντες, καὶ πενθοῦντες ἐλεεινοτάτῳ ἥθει καὶ σκυθρωπῷ λόγῳ τὴν κεφαλὴν σείοντες τὴν ἑαυτῶν, ἡρώτων τὸν ἐκλείποντα καὶ καίμενοι τῇ συμπάθειᾳ τῇ πρὸς αὐτὸν ἐλέγοντι Τί ἐστιν, ἀδελφὲ καὶ συγκατάδικε, πῶς; τί λέγεις; τί ἐλπίζεις; τί ὑπολαμβάνεις; Ἡνυσας ἐκ τοῦ κόπου τὸ ζητούμενον, ἢ οὐ ἵσχυσας; Ἡνοιξας, ἢ ὑπεύθυνος ἔτι ὑπάρχεις; ἔφθασας, ἢ οὐκ ἐπέτυχες; Ἐλαβές τινα πληροφορίαν, ἢ ἀδηλον ἔχεις τὴν ἐλπίδα; Εἴληφας ἐλευθερίαν, ἢ κλονεῖται καὶ ἀμφιβάλλει ἔτι ὁ λογισμός; (цит. по: PG. T. 88. Col. 772C-D).

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ИКОНЫ С ДРУГИМИ ПАМЯТНИКАМИ

Взаимоотношения КМИИ 1452 с другими памятниками графически представлены в виде стеммы [4: 200]. Предположительно, между петрозаводской иконой и протографом цикла, отстоящими друг от друга на два столетия, имеется не менее трех несохранившихся звеньев. Место иконы в общей системе памятников находится на периферии: нам неизвестны другие памятники, воспринявшие художественные находки мастера КМИИ 1452 и продолжившие традицию с учетом этих находок.

Сравнение петрозаводской иконы с предшествующими памятниками, сохранившими цикл «Монашеские подвиги», делает возможным предполагать происхождение этой иконы: КМИИ 1452 обнаруживает несомненную близость к памятникам московской локализации.

Из 17 известных нам произведений искусства, созданных в XVI–XVII веках, только два сохранили такой вид монашеского подвига, как «Рыданье сердцем и сдерживание криков голосом». Кроме КМИИ 1452 (сюжет 8), этот подвиг встречается во фресках Благовещенского собора Московского Кремля, выполненных в 1547–1551 годах (сюжет 21), см. о стенописи: [5: 63–67 (кат. № 60), 202 (илл. 72)]. В обоих названных памятниках одинаково художественное решение изображения этого подвига: монах закрывает рот рукой, а его поза свидетельствует о глубоком страдании.

Петрозаводская икона обнаруживает несомненные генетические связи еще с одним памятником московского происхождения, а именно с гравюкой «Лествица монастырского подвижничества», созданной в конце XVII века Леонтием Буниным, см. о памятнике: [5: 73–76 (кат. № 62), 238 (илл. 108)]. Наиболее очевидно связи между двумя названными произведениями искусства проявляются при изображении следующих видов подвигов: «Растворение водного пития слезами» (ср.: сюжет 10 на гравюре и сюжет 12 на иконе), «Стояние с воспаленным языком, выпущенным изо рта, как у пса» (ср.: сюжет 12 на гравюре и сюжет 14 на иконе), «Предстояния на молитве как перед небесными вратами» (ср.: сюжет 15 на гравюре и сюжет 20 на иконе), «Просьба оставить себя без погребения» (ср.: сюжет 17 на гравюре и сюжет 22 на иконе).

Таким образом, наблюдения над иконографией цикла «Монашеские подвиги» показывают, что эта икона могла быть привезена в скит из Москвы. С другой стороны, икона сохранила большое количество таких иконографических примет, которые ранее не встречались в художественной традиции. Это обстоятельство позволяет предполагать, что КМИИ 1452 была написана местным мастером, хорошо знакомым с московской традицией бытования анализируемого цикла. При этом художник, писавший КМИИ 1452, обогатил иконографическую традицию цикла множеством новых особенностей.

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕТЫ

Ниже представлены приметы, характеризующие цикл «Монашеские подвиги» только на петрозаводской иконе. Как представляется, все эти приметы являются результатом творческих находок мастера КМИИ 1452.

В области изображений таковыми особенностями являются следующие:

1. Совмещение двух сюжетов в пределах одной композиции.

1.1. В руке монаха, несущего подвиг «Всенощные бдения в неподвижном стоянии» (сюжет 1), художник изобразил розги. Таким образом, в одной композиции оказались совмещены два сюжета: «Всенощные бдения в неподвижном стоянии» и «Самоистязания по причине неимения слез».

1.2. Рука одного из монахов, несущих подвиг «Оплакивание смерти своей души» (сюжет 8), поднесена ко рту; кроме того, изображение сопровождено комментирующей надписью, показывающей, что в композиции представлен

сюжет «Рыдание сердцем и сдерживание криков голосом».

2. Изменение традиционных схем изображений (относительно позы и жестикуляции подвижников).

2.1. Подвиг «Качания головой, сопровождаемые львиными рычаниями» (сюжет 10) обычно представлен двумя сидящими подвижниками, один из которых средовек или старец (или оба немолодого возраста). На петрозаводской иконе показаны два юных монаха, при этом один из них не сидит, а стоит, согнувшись в дугу.

2.2. Монахи, несущие подвиги «Растворение водного пития слезами» (сюжет 12) и «Ядение пепла и золы вместо хлеба» (сюжет 13), в КМИИ 1452 показаны не сидящими на скамье, как во всех других известных нам памятниках, а стоящими (в рост, в полупоклонах).

2.3. Монах, несущий подвиг «Стояние под пляющим солнцем» (сюжет 15), держит руку около рта (обычно руки этого монаха или скрещены на груди, или воздеты в молитвенном жесте, или развернуты к солнцу ладонями вверх).

2.4. Руки подвижника в сюжете 14 («Стояние с воспаленным языком, выпущенным изо рта, как у пса») скрещены на груди (обычно они или подняты на уровне груди, или прижаты к груди; в поздней традиции встречается изображение руки, держащей далеко высунутый язык).

2.5. Монах, несущий подвиг «Стояние на холоде» (сюжет 16), показан со скрещенными ногами (возможно, в движении?); обычно у этого подвижника скрещены не ноги, а руки.

2.6. Необычна поза монаха, несущего подвиг «Изнурение себя малопитием» (сюжет 17): подвижник стоит в повороте направо, но его голова повернута в обратном направлении. Похожее изображение встречается в памятниках русского искусства, но при передаче другого вида подвига.

3. Увеличение количественного состава подвижников.

3.1. В подвиге «Непрестанное биение себя в грудь» (сюжет 5) традиционно изображается один монах; на иконе КМИИ 1452 этот подвиг несут два монаха.

3.2. В сюжете 23 («Вопрошания умирающего собрата о его видениях») в КМИИ 1452 впервые в истории цикла над смертным одром склонились пять монахов, собравшихся около умирающего собрата (обычно их число два, три или четыре).

4. Введение в иконографию цикла новых образов. Такими образами являются река, на фоне

которой изображен подвиг «Просьба оставить себя без погребения» (сюжет 22), а также животные (кабан и лиса), ожидающие добычи. Эти образы навеяны текстом Лествицы (5: 21); они нашли отражение и в надписи при этом сюжете: «<...> в реку ввержену быти, или на лядине зверемъ вдану быти <...>».

5. Внимание к пространственной организации изображаемых предметов. Мастер, писавший икону КМИИ 1452, придавал большое значение расположению образов в пределах одной композиции. Симметричными являются изображения в сюжетах 5, 8, 19. Возможно, желанием усилить выразительность изображений за счет этой «зеркальности» в сюжет 5 («Непрестанное биение себя в грудь») впервые и единожды в истории развития цикла в КМИИ 1452 введен второй подвижник, в точности повторяющий позу и жестикуляцию первого.

В области *надписей* к особенностям, отличающим петрозаводскую икону, относятся следующие:

1. Все надписи на иконе уникальны: они не повторяются ни в одном другом памятнике русского искусства с циклом монашеских подвигов (надписи при изображениях монашеских подвигов в памятниках русского искусства опубликованы в работе: [4: 249–267]).

2. Надписи над изображениями подробно объясняют содержание этих изображений: они намного значительнее по объему, нежели надписи на других памятниках с этим циклом.

3. Только на петрозаводской иконе одна надпись объединяет три сюжета (11, 12, 13).

4. Во фрагменте надписи при сюжете 19 («вежда уязвена») содержится ошибка против текста Лествицы (5: 19) читается не *вежда* ‘глазные веки’, а *ланиты* ‘щеки’, греч.: *παρειάς*. Эта ошибка может восходить к рукописи, с которой художник переписывал тексты для надписей: писец книги пропустил слово **ланита*. Этот пропуск является следом, который может доказать, что икону писал местный мастер, выговский старообрядец.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно из предложенного выше анализа, количество оригинальных примет, отличающих рассматриваемую икону от других памятников с циклом подвигов, достаточно велико для того, чтобы предполагать не московское, а выговское происхождение иконы. Иконописец включил в цикл только те сюжеты, которые имеют опору в тексте Лествицы (сюжеты,

встречающиеся в других русских памятниках с циклом подвигов типа «Ношение тяжестей» или «Ношение колючей одежды», у которых нет параллелей в Лествице, на петрозаводской иконе отсутствуют). Наблюдения над текстами надписей к изображениям цикла показывают, что художник работал и с текстом Слова 5 Лествицы, но не по старопечатному изданию (М., 1647), в котором читается *ланиты уязвены* (л. 93), а по ненайденной рукописи, в которой, предположительно, читается **вежда уязвена*. Обнаружение книги с этим чтением в выговской библиотеке станет ответом на вопрос происхождения петрозаводской иконы.

В библиотеке выговских старообрядцев имелось не менее трех рукописей Лествицы Иоанна Синайского [10: 212–213 (кат. № 242), 331

(кат. № 547), 332 (кат. № 552)], судьба двух книг (кат. №№ 547 и 552) остается неизвестной. В Лествице, входящей в настоящее время в Основное собрание Библиотеки Академии наук под номером 33.1.2 (кат. № 242), на л. 109 отчетливо видны слова: *лица уязвена*, то есть в этом чтении рукописи также содержится ошибка против текста Лествицы, в котором функционирует другая лексема (*παρειάς, ланиты*). Таким образом, вопрос происхождения КМИИ 1452 продолжает оставаться загадкой.

Петрозаводская икона значительно обогащает картину взаимодействия византийской и русской культур; без нее представления о бытованиях Лествицы как памятника литературы в старообрядческой среде и о бытованиях цикла «Монашеские подвиги» в русском искусстве были бы неполными.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее нумерация Слов и стихов Лествицы приводится по изданию: Лествица, возводящая на небо, преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы. М.: Лествица, 1997. 671 с. Репр.: Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе, с алфавитным указателем. 7-е изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1908. Греческий текст Лествицы цитируется по изданию: *Climaci Joannis Scala paradisi. Patrologiae cursus completus. Series graeca*, ed. J. P. Migne. T. 88. Col. 631–1210. Parisiis, 1860 (сокращение: PG. T. 88). Тексты надписей к миниатюрам Покаянного канона цитируются по: [3].
- ² Каталог изображений // Иконография и агиография Лествицы Иоанна Синайского [Электронный ресурс]. Режим доступа: art-of-scala.ru/images (дата обращения 09.10.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Губарева О. В. «Лествица» преп. Иоанна Лествичника: очерки иконографии Византии и Древней Руси // Губарева О. В., Дорофеева Л. Г., Попова Т. Г. Лествица в слове и образе. Иконография и агиография «Лествицы» Иоанна Синайского: Монография. Калининград: Полиграфычъ, 2024. С. 7–104.
- Платонов В. Г. Иконопись Выгореции в собраниях музеев Карелии // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сб. науч. ст. и материалов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 220–230.
- Попова Т. Г. Надписи к миниатюрам Покаянного канона и их источники в тексте Лествицы Иоанна Синайского // Имагология и компаративистика. 2024. № 21. С. 31–51. DOI: 10.17223/24099554/21/2
- Попова Т. Г. Покаянный канон по мотивам Лествицы Иоанна Синайского в византийской и славяно-русской культурах. СПб.: Нестор-История, 2024. 304 с.
- Попова Т. Г., Лапшова Т. Е. Лествица Иоанна Синайского в изобразительном искусстве: Иллюстрированный каталог. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. 280 с.
- Пуцко В. Г. Лествица райская Иоанна Лествичника в ранней старообрядческой иконописи // Кижский вестник: Сб. статей. Вып. 7 / Отв. ред. И. В. Мельников. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2002. С. 148–152.
- Туминская О. А. Икона юродивого (образ юродивого во Христе в русском изобразительном искусстве позднего Средневековья и Нового времени). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 448 с.
- Туминская О. А. Мотив уничижения плоти аскетов Средневековья в русском изобразительном искусстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2017. Т. 7. Вып. 1. С. 98–114.
- Хохлова И. Л. «Лествица» преподобного Иоанна в живописи Древней Руси. Обзор основных произведений // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2007. № 3. С. 242–247.
- Ропова Т. Г. Die Leiter zum Paradies des Johannes Klimakos. Katalog der slavischen Handschriften. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Publishing, 2012. 1073 S. DOI: 10.7788/boehlau.9783412215163

Original article

Tatiana G. Popova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-8431-2962; lestvic@mail.ru

**“MONASTIC FEATS” CYCLE BASED ON STEP 5 OF THE LADDER OF DIVINE ASCENT
 BY ST. JOHN CLIMACUS ON ICON NO 1452 FROM THE MUSEUM OF FINE ARTS
 OF THE REPUBLIC OF KARELIA**

A b s t r a c t. This article examines the “Monastic Feats” cycle depicted on an icon from the late XVII – early XVIII century, titled *The Ladder of St. John Climacus (with “Caves”)* (No 1452), housed in the collection of the Museum of Fine Arts of the Republic of Karelia in the city of Petrozavodsk. The study identifies the Byzantine origins of 23 compositions within this cycle: 19 images are derived from miniatures in *The Penitential Canon* based on *The Ladder of Divine Ascent* by St. John Climacus, while 4 are directly inspired by the text of *The Ladder* itself. The article highlights iconographic features that link the Petrozavodsk icon to monuments of Moscow origin, notably similarities to the murals in the Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin and to Leonty Bunin’s engraving *The Ladder of Monastic Asceticism*. A central issue explored in the article is the icon’s provenance: whether it was imported from Moscow or created by an icon painter from the Vyg Monastery familiar with Moscow traditions. The latter scenario appears more plausible. The iconographer significantly expanded the cycle’s iconographic tradition, introducing numerous new elements. Notable features of the Petrozavodsk icon include the combination of two scenes within a single composition, modifications to traditional poses and gestures of the ascetics, an increased number of ascetics depicted across two compositions, the inclusion of new images such as a river, a boar, and a fox in the cycle iconography, and the symmetrical arrangement of images. The unique inscriptions on the icon are extensive and detailed, providing explanations of the depicted scenes. It is likely that the iconographer based these inscriptions on the textual content of *The Ladder*, but not on the 1647 early printed Moscow edition of the text; rather, they seem to derive from a manuscript version. This is evidenced by an error in the inscription at scene 19 (“vezhda uyazvena” (eyelids ulcerated) instead of “lanita uyazvena” (cheeks ulcerated)). This mistake results from the omission of the word “lanita” in the manuscript used by the icon painter. The discovery of a manuscript containing this scribal error within the Vyg Monastery’s library would serve as strong evidence for the Vyg origin of the Petrozavodsk icon.

Key words: *Penitential Canon* based on *The Ladder of Divine Ascent*, iconographic cycle “Monastic Feats”, Vyg Old Believers, Byzantine literature, Russian art of the late XVII century

A c k n o w l e d g e m e n t s. The study was supported by the Russian Science Foundation (project No 22-18-00005-P “Iconography and hagiography of *The Ladder of Divine Ascent* by St. John Climacus”).

F o r c i t a t i o n: Popova, T. G. “Monastic Feats” cycle based on Step 5 of *The Ladder of Divine Ascent* by St. John Climacus on icon No 1452 from the Museum of Fine Arts of the Republic of Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):65–74. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1267

REFERENCES

1. Gubareva, O. V. *The Ladder of Divine Ascent* by St. John Climacus: essays on the iconography of Byzantium and Ancient Rus’. *Gubareva, O. V., Dorofeeva, L. G., Popova, T. G. The Ladder in texts and images. Iconography and hagiography of The Ladder of Divine Ascent: Monograph*. Kaliningrad, 2024. P. 7–104. (In Russ.)
2. Platonov, V. G. Icons from the Vyg Monastery in the museums of the Republic of Karelia. *The Vyg Pomor Hermitage and its significance in the history of Russia*. St. Petersburg, 2003. P. 220–230. (In Russ.)
3. Popova, T. G. Inscriptions to the miniatures of *The Penitential Canon* and their sources in *The Ladder of Divine Ascent* by John Climacus. *Imagology and Comparative Studies*. 2024;21:31–51. DOI: 10.17223/24099554/21/2 (In Russ.)
4. Popova, T. G. *The Penitential Canon* based on *The Ladder of Divine Ascent* by St. John Climacus in Byzantine and Slavic-Russian cultures. St. Petersburg, 2024. 304 p. (In Russ.)
5. Popova, T. G., Lapshova, T. E. *The Ladder of Divine Ascent* by St. John Climacus in fine arts: Illustrated catalogue. Kaliningrad, 2024. 280 p. (In Russ.)
6. Putsko, B. G. The Heavenly Ladder of St. John Climacus in early Old Believers’ icon painting. *Kizhi Bulletin. Collection of articles*. Issue 7. Petrozavodsk, 2002. P. 148–152. (In Russ.)
7. Tuminskaya, O. A. Icons of holy fools (the image of the holy fool in Russian fine art of the late Middle Ages and modern period). St. Petersburg, 2016. 448 p. (In Russ.)
8. Tuminskaya, O. A. The motive of the humiliation of the body of the medieval ascetics in the visual arts. *Vestnik of Saint Petersburg State University. Arts*. 2017;7(1):98–114. (In Russ.)
9. Hollova, I. L. *The Ladder of Divine Ascent* by St. John Climacus in the painting of Ancient Rus’. Review of major works. *Vestnik of Kostroma State University*. 2007;3:242–247. (In Russ.)
10. Popova, T. G. Die Leiter zum Paradies des Johannes Klimakos. Katalog der slavischen Handschriften. Köln; Weimar, Wien, 2012. 1073 S. DOI: 10.7788/boehlau.9783412215163

Received: 9 October 2025; accepted: 8 December 2025

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ПРИХОДЬКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры древних языков исторического факультета
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0009-0005-4843-6967; aristonica@list.ru

«СВЕТОНОСНЫЙ БЕРЕГ» ИЛИ «СВЕТОНОСНЫЙ ЛУЧ»: КАК ЗАКАНЧИВАЛСЯ Н-СТИХ АЛФАВИТНОГО ОРАКУЛА ИЗ ГИЕРАПОЛЯ?

Аннотация. Надпись с алфавитным оракулом была обнаружена в 1963 году в Гиераполе во Фригии при раскопках храма А в святилище Аполлона. Прямоугольная мраморная колонна, на боковой стороне которой была вырезана эта надпись, была использована при реконструкции храма в качестве блока основания пола. Дж. Карреттони сфотографировал колонну и снял копию с надписи, после чего ради сохранности колонна была снова засыпана землей. По материалам Карреттони в 1965 году надпись опубликовал Дж. Пульезе Каррателли. Некоторые стихи этой надписи вызвали среди ученых бурное обсуждение. До настоящего времени остается открытым вопрос о последнем слове Н-стиха. Пульезе Каррателли дал его так: Νῦκτὸς ἀπὸ ζοφερῆς ἐφάνη ποτὲ φωσφόρος ἀκτή – «Из темной ночи показался наконец светящийся берег». Но И. Каццанига и М. Вест независимо друг от друга исправили последнее слово на ἀκτίς – «Из темной ночи показался наконец светящийся луч». Первое чтение поддержали М. Гвардуччи, Дж. Нэнчи, М. Джигантес, второе – Й. Нолле. Т. Ритти высказывалась то за одно чтение, то за другое. Для решения вопроса о правильном варианте чтения автор статьи проводит сравнение между Н-стихом оракула из Гиераполя и Н-стихом оракула из Тимбрид. Как уже было установлено, написанный ямбическим триметром оракул из Тимбрид послужил образцом для написанного гекзаметром оракула из Гиераполя. Н-стих оракула из Тимбрид обещал просителю: Νῦκτὸς κελατίνης ἐκ μέσης ἔσται φάος – «Из непроглядной полночи возникнет свет». В оракуле из Гиераполя выражение φωσφόρος ἀκτή / ἀκτίς заменило собой слово «свет», и для этой замены лучше подходит слово «луч». Кроме того, автор доказывает, что принцип употребления прилагательного φωσφόρος не позволил бы носителю языка сделать его эпитетом слова «берег». Фωσφόρος, как показывает анализ функционирования этого прилагательного, всегда определяло субъект или предмет, испускающий свой собственный свет, а берег к таким предметам никак не относится. Поэтому правильный вариант – φωσφόρος ἀκτίς.

Ключевые слова: древнегреческая надпись, алфавитный оракул из Гиераполя, алфавитный оракул из Тимбрид, гекзаметр, ямбический триметр, фωσφόρος

Для цитирования: Приходько Е. В. «Светоносный берег» или «светоносный луч»: как заканчивался Н-стих алфавитного оракула из Гиераполя? // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 75–83. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1268

ВВЕДЕНИЕ, ИЛИ ОБНАРУЖЕНИЕ В ГИЕРАПОЛЕ НАДПИСИ С АЛФАВИТНЫМ ОРАКУЛОМ

В сентябре 1962 года в городе Гиераполе во Фригии итальянская экспедиция во главе с Джан-Филиппо Карреттони приступила к раскопкам храма, который долгое время считался храмом Аполлона. Результаты начавшегося в 2001 году систематического исследования этого участка привели к пересмотру прежних представлений: на территории святилища были обнаружены еще две храмовые постройки В и С и даже мраморный театрон, настоящим храмом Аполло-

на была признана постройка В, а бывший «храм Аполлона» стали называть «постройкой А» или «храмом А» [20], [21]. Второй сезон работ проходил с 3 сентября по 6 октября 1963 года, и в это время с правой стороны целлы возле пронаоса была найдена прямоугольная колонна из белого мрамора ($1,60 \times 0,50 \times 0,43$ м)¹, использованная при реконструкции храма в качестве блока основания пола [3: 411–413, 432], [10: 40, 461]. На лицевой стороне колонны была вырезана надпись в честь Сабины, жены императора Адриана, а на боковой стороне где-то

на 0,9 м ниже верхнего края рукой явно другого резчика была вырезана надпись, содержавшая алфавитный оракул [9: 172–173], [19: 250–253].

Алфавитный оракул – это собрание из двадцати четырех однотишинных, чаще ямбических, реже гекзаметрических, прорицаний, расположенных друг за другом по принципу акrostиха: первое прорицание начинается с А, второе с В, третье с Г и так до Ω, – и именно буква определяла то изречение, которое было ответом божества на заданный ему вопрос. Правда, каким образом проситель получал искомую букву, мы точно не знаем. Есть несколько предположений, но самый доступный метод – это вытаскивание одного из двадцати четырех камешков или астрагалов с нанесенными на них буквами. Для создания маленьких прорицалищ люди обычно вырезали алфавитные оракулы на скалах или на фасадах гробниц, но в отдельных случаях надпись с оракулом могла быть размещена на плите, которая потом была установлена в крупном святилище, образуя прорицалище в святилище. По своему содержанию алфавитные оракулы, скорее, являются не предсказаниями, а советами и наставлениями по правильной линии поведения, ведущей к достижению поставленной цели. Упоминаний об этом виде мантии в античной литературе нет, и на данный момент были найдены и опубликованы лишь двенадцать таких надписей, причем очень разной степени сохранности. В 2007 году их собрал вместе в одном издании Й. Нолле [13: 223–279].

СПОРЫ ОТНОСИТЕЛЬНО РЕКОНСТРУКЦИИ ПОСЛЕДНЕГО СЛОВА N-СТИХА

После обнаружения колонны с алфавитным оракулом Карреттони сделал копию и фотографии надписи, после чего ради сохранности камень был вновь засыпан землей, и до 1977 года доступа к надписи ни у кого не было [16: 130–131]. По материалам Карреттони *editio princeps* этой надписи подготовил Джованни Пульезе Каррателли, и она была опубликована в 1965 году. Кроме самого текста надписи, Пульезе Каррателли представил ее перевод и снабдил ее небольшими комментариями [14: 351–357]. Некоторые стихи этого оракула сразу вызвали бурное обсуждение, и многие ученые предлагали свои исправления того или иного места; хотя основная часть этих споров уже давно закончилась, последнее слово N-стиха до сих пор имеет два варианта реконструкции, и именно их рассмотрению будет посвящена данная работа.

Пульезе Каррателли прочитал N-стих следующим образом: Νυκτὸς ἀπὸ ζοφερῆς ἐφάνη ποτὲ φωσφόρος ἀκτή – и соответственно его перевел: *Dalla notte tenebrosa apparve ormai una luminosa riva* – «Из темной ночи показался наконец светящийся берег»². В комментариях он предложил сравнить его со словами орфического гимна к Эос νυκτὸς ζοφερήν τε καὶ αἰολόχρωτα πορείην – «темный и усеянный звездами путь ночи» (LXXVIII. 4) и даже причислил этот стих к тем стихам, в стиле которых, по его мнению, отчетливо слышны отголоски сoteriологических учений.

Первое сомнение относительно φωσφόρος ἀκτή высказал в 1966 году Игнацио Каццанига. Он подчеркнул, что ἀκτή – это именно «скалистый берег» и что этот образ должен был быть порожден ночной бурей, после которой утром земля кажется «светлой», но это происходит по той причине, что она освещена солнцем, в то время как φωσφόρος – это «светящийся», а не «освещенный». Такое словосочетание можно объяснить, если вслед за Пульезе Каррателли трактовать его как мистический образ. Но если бы это было не так, то последнее слово следовало бы читать ἀκτί<ς>, и речь шла бы о солнце или даже о Фосфоре, Утренней звезде. При таком прочтении получилось бы традиционное противопоставление ζόφος (тьмы за-пада) и φωσφόρος = Эос (света востока), как, например, в известном стихе Сапфо: Ἔσπερε πάντα φέρων ὅσα φαίνολις ἐσκέδασ’ Αἴως – «О Геспер, приносящий все то, что рассеяла лучезарная Эос» (Fr. 104a Lobel–Page). Так был предложен второй вариант реконструкции последнего слова N-стиха, который сам Каццанига оценивал как «возможное чтение» [4: 69].

Параллельно с Каццаниой в том же 1966 году заменить ἀκτή на ἀκτίς предложил Мартин Вест. Он отметил, что на фотографии за АКТ видна только вертикальная гаstra, слабая горизонтальная линия, проходящая посередине буквы, выглядит как продолжение трещины в камне, которую можно проследить дальше через букву тау. Смысл этого изречения Вест сравнил со стихами из «Персов» Эсхила: ἐμοῖς μὲν εἴπας δῶμασιν φάος μέγα καὶ λευκὸν ἥμαρ νυκτὸς ἐκ μελαγχίμου – «Ты из черной ночи возвестил для моего дома великий свет и белый день» (300–301). Также он напомнил о поговорке ἥώς ὄρῶσα τὰ νυκτὸς ἔργα γελᾶ – «Заря смеется, видя дела ночи» (Apost. VIII. 77g) и о словах Аполлония у Флавия Филострата: ἔσται γάρ τι ἐκ τῆς νυκτὸς ταύτης φῶς – «Ведь будет из этой ночи

свет» (VA VIII. 23) [11: 263]. В следующем году Вест издал статью «Оракулы Аполлона Карейского. Исправленный текст», где он представил полный текст алфавитного оракула из Гиераполя с учетом предложенных исправлений. В конце N-стиха Вест дал свой вариант: φωσφόρος ἀκτί[ς] [22: 184].

В 1974 году в защиту чтения первого издателя выступила Маргарита Гвардуччи. Отмечая, что и Пульезе Карателли, и Каццанига недоумевали относительно «светящегося» берега и один пытался решить проблему, трактуя это высказывание как мистический образ, а другой сразу же прибег к исправлению ἀκτή на ἀκτή[ς], Гвардуччи сначала опровергает возможность словосочетания φωσφόρος ἀκτίς: было бы странно применять прилагательное φωσφόρος к ἀκτίς, поскольку луч уже сам по себе яркий, а если принять Фωσφόροс за существительное Фосфор, или Утренняя звезда, то тогда непонятно, как согласовать с ним с ἀκτίς. Затем Гвардуччи предлагает свое понимание смысла изречения: скалистый берег (ἀκτή) вполне может быть φωσφόροс, если на нем возвышается маяк – черной ночью маяк своим светом возвещает морякам, сражающимся с яростью волн, что гавань уже близка и есть надежда на спасение. Черная ночь, по мнению исследовательницы, может также быть образно понята как темное бурное море человеческой жизни, из которого спасает божественный свет [7: 201].

В следующем 1975 году вышла в свет небольшая статья Джузеппе Ненчи «ΦΩΣΦΟΡΟΣ ΑΚΤΗ», посвященная исключительно N-стиху гиерапольского оракула. Ненчи не счел достаточно аргументированным мнение Гвардуччи и не поддержал идею маяка. Напротив, он высказал уверенность в том, что этот стих основан на давнем морском опыте эллинов, для которых точным ориентиром во время плавания служили скалистые горы белого цвета, обладавшие как днем, так и ночью своей собственной яркостью, характерной для калькаренитов, которые и при солнечном, и при лунном свете действительно становились, согласно Горацию, *saxis late cadentibus – «широко сверкающими скалами»* (Serm. I. 5. 26). Ненчи предлагает вспомнить о функции Λευκαὶ ἀκταὶ и Λευκαὶ πέτραι, рассеянных по средиземноморским берегам, и понять, что мы имеем дело с мистической интерпретацией реальных данных, полученных благодаря опыту греческих моряков. Кроме того, Ненчи обращает внимание на то, что нет необходимости связывать этот образ исключительно

с ночным плаванием, когда белеющий скалистый берег в конце концов предстает как светлая точка ориентира и надежды; дневная буря тоже сопровождается темнотой, поэтому «буря = глубокая ночная темнота» – это литературная матрица, присутствующая уже в «Одиссее» (δὴ τότε κυανένη νεφέλην ἔστησε Κρονίων νηὸς ὑπερ γλαφυρῆς, ἥχλυσε δὲ πόντος ὑπ' αὐτῆς³, XII. 405–406) и взятая на вооружение Вергилием (tum mihi caeruleus supra caput astitit imber noctem hiememque ferens, et inhorruit unda tenebris⁴, Aen. III. 194–195, ср. Aen. V. 8–11). Наконец, Ненчи утверждает, что мистический характер образа отчасти берет верх благодаря тому, что ἐφάνη ποτέ оракула являются реминисценцией (или аллюзией) на слова хора из «Антигоны» Софокла: ἀκτὶς ἀελίου... ἐφάνθης ποτ' – «О луч солнца... ты наконец явился» (100–103). Именно этот контекст побудил, по его мнению, Каццанигу предложить чтение ἀκτίς [12].

На статью Ненчи кратко откликнулся Марчелло Джигантес. Он поддержал защиту чтения φωσφόροс ἀκτή, но при этом отклонил сопоставление с пародом «Антигоны». По его мнению, в сознании автора оракула должны были промелькнуть слова хора из «Эдипа в Колоне», поющего об освещенных светом факелов Элевсинских берегах (λαμπάσιν ἀκταῖς, 1049) [6].

В 1978 году Гвардуччи опубликовала в четвертом томе «Греческой эпиграфики» весь текст алфавитного оракула. В N-стихе последним словом она оставила ἀκτή и дала такой перевод этого стиха: Nella oscura note apparge già la costa luminosa – «В темной ночи уже показался светящийся берег». В кратком комментарии Гвардуччи вновь повторила, что этот стих вдохновлен образом моряка, который в черную бурную ночь видит на берегу сияющий маяк, возвещающий о гавани, где тот найдет спасение и покой [8: 100–105].

В 1985 году Туллия Ритти опубликовала надпись со вторым алфавитным оракулом из Гиераполя, найденным в Мартирии святого Филиппа. Камень с этой надписью при вторичном использовании был обрезан по кругу, в результате чего часть стихов была утрачена полностью, а стихи от Η до Φ имели большие лакуны. От N-стиха, который в этом собрании совпадал с N-стихом первого оракула, остались только слова]ς ἐφάνη ποτὲ φωσφόρος, то есть последнее слово вообще не сохранилось. Ритти также привела весь текст первого алфавитного оракула из Гиераполя, указывая сразу за каждым стихом предложенные варианты исправлений. Хотя камень с надпи-

сью был к тому времени уже извлечен из земли и Ритти имела возможность детально изучить эту надпись, основным она оставила вариант Пульезе Каррателли и привела его перевод [16: 132–133].

Однако через четыре года в статье, посвященной алфавитным оракулам из Гиераполя и их сравнению с алфавитными оракулами из Тимбрид и святилища Солы-Холадес на Кипре, Ритти уже не стала следовать *editio princeps* и заменила в N-стихе ḥaktí на ḥaktí[ζ]. В соответствии с этим чтением был дан и новый перевод: *Luce scaturirà in mezzo alla notte tenebrosa* – «Посреди темной ночи забрезжит свет». Комментируя свой выбор, Ритти написала, что изучение надписи заставило ее усомниться в существовании конечной буквы Н и согласиться с Вестом в том, что вертикальную гасти рядом с буквой Т пересекает поверхность царапины, идущая от буквы Т. Это, по ее мнению, оставляло возможность как для чтения АКТН, так и для чтения АКТ[Σ]. Однако она выбрала вариант, предложенный Вестом, на основании сопоставления с соответствующим стихом оракулов из Тимбрид и Сол-Холадес, где речь шла о появляющемся свете (φώος). Ритти также заметила, что если бы поэт из Гиераполя действительно использовал в конце стиха слово АКТН, то пришлось бы думать о намеренной замене более сложного понятия (белеющий берег приносит надежду в бурную ночь, в которой метафорически плавает вопрошающий) на более банальное утверждение, что свет может появиться даже из самой густой тьмы. Поэтому она остановила свой выбор на варианте АКТ[Σ], позволяющем сохранить соответствие между N-стихами из Гиераполя и Тимбрид. Из этого высказывания следует, что, с точки зрения Ритти, оракул из Гиераполя был создан раньше оракула из Тимбрид [17: 247–250, 264–265].

Казалось бы, вопрос о последнем слове N-стихия был уже решен, но в «Археологическом путеводителе по Гиераполю (Паммуккале») (2006) Ритти неожиданно изменила свою позицию и в очередной публикации текста оракула из святилища Аполлона без объяснений дала последним словом N-стиха ḥaktí, что также было отражено и в переводе: *From the tenebrous night appears the luminous coast* – «Из мрачной ночи появляется светящийся берег» [18: 167–171]. А незадолго до этого, в 2003 году Франческо Д'Андреа, тоже приводя полностью текст оракула, допустил странное смешение вариантов: в греческом тексте последним словом было поставлено

ἀκτή, но при этом в переводе значился «луч»: *From the tenebrous night once appeared a luminous ray* – «Из мрачной ночи однажды появился светящийся луч» [5: 228–231].

В 2007 году вышел в свет монументальный труд Йоганнеса Нолле, где были собраны вместе все известные на тот момент надписи с астрогальными и алфавитными оракулами. Нолле однозначно высказался за вариант ḥaktí[ζ], подчеркнув, что как фотография, сопровождавшая *editio princeps*, где в конце строки четко видна вертикальная гасти, так и сравнение по содержанию с N-стихом оракулов из Тимбрид и Сол-Холадес не оставляют места для чтения ḥaktí, и перевел N-стих следующим образом: *Aufschien aus finsterer Nacht einst ein Strahl, der das Licht dann gebracht hat* – «Однажды из темной ночи блеснул луч, который принес свет». Все же филологические усилия по объяснению образа светоносного острова Нолле расценил как малорезультативные [13: 256–257].

Авторитет издания Нолле также не смог поставить точку в обсуждаемой проблеме. В 2017 году в очередном томе из серии *Hierapolis di Frigia* Ритти вновь переиздала обе надписи с алфавитными оракулами, и в это издание, как и в издание Д'Андреа, явно закралась ошибка. Последним словом N-стиха Ритти ставит ḥaktí и снабжает его сноской, где объясняет, что «новый аутоптический анализ подтверждает это чтение, остававшееся долгое время одной из *cruces* этого текста». Что конкретно показал этот аутоптический (то есть основанный на непосредственном осмотре памятника) анализ, она не излагает, а лишь после греческого текста пишет о том, что у 13-го стиха последнее слово ḥaktí, а не ḥaktí[ζ]. Однако потом в переводе надписи N-стих выглядит так: *Dalla notte tenebrosa apparve una volta un raggio luminoso* – «Из темной ночи однажды появился луч света» [19: 250–251]. Перевод явно не соответствует греческому тексту, и вопрос о том, что реально хотела сказать Ритти: ḥaktí или «луч», – формально остается открытым. Правда, Томмазо Исмаззели, ссылаясь на эту работу Ритти, приводит как итоговый вариант обсуждения φωσφόρος ḥaktí [10: 472].

НОВЫЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ: СРАВНЕНИЕ С N-СТИХОМ АЛФАВИТНОГО ОРАКУЛА ИЗ ТИМБРИАД

В такой двойственной ситуации более надежным способом решения проблемы может оказаться лексический и синтаксический анализ

самого прорицания из Гиераполя, а также близкого по смыслу изречения алфавитного оракула из Тимбридад. Что касается алфавитного оракула из Сол-Холадес, то те немногочисленные фрагменты, которые от него остались, свидетельствуют о том, что его текст полностью совпадал с текстом оракула из Тимбридад [13: 269–272], и поскольку ни на Кипре, ни на материке в соседней Кипру Киликии нигде больше не было обнаружено надписей с алфавитными оракулами, то с большой долей уверенности можно утверждать, что надпись из Сол-Холадес является неизвестно каким образом занесенной на Кипр копией надписи из Тимбридад. Поэтому все, что будет сказано про N-стих оракула из Тимбридад, будет относиться и к оракулу из Сол-Холадес, и каждый раз дополнительно оговаривать это мы не будем.

Надпись, которую принято называть алфавитным оракулом из Тимбридад, происходит не из самого города, а из загородного святилища Матери богов Вегины и речного бога Эвримедонта в Зиндан Магарасы. Эту надпись нашел и скопировал в 1972 году Клод Бриш, а потом в 1988 году опубликовал ее в соавторстве с Рене Одо [2: 140–142]. В отличие от гекзаметрических стихов оракулов из Гиераполя, стихи оракула из Тимбридад написаны ямбическим триметром. На совпадение по содержанию целого ряда стихов сначала оракула из Сол-Холадес, а потом и оракула из Тимбридад со стихами оракулов из Гиераполя обращали внимание многие ученые, но при этом Пульезе Каррателли вообще не стал обсуждать вопрос о первичности того или другого варианта [15: 11–12]; Бриш и Одо сочли бессмысленным пытаться установить, какая версия, дактилическая или ямбическая, возникла первой [2: 161]. Ритти отдала первенство тексту из Гиераполя [17: 264–265]; в то время как Нолле привел несколько аргументов, доказывающих, что именно ямбический оракул был переработан в гекзаметрический, а не наоборот. Во-первых, основная часть алфавитных оракулов написана ямбом и только два оракула из Гиераполя – гекзаметром. Во-вторых, изречения Σ- и Ω-стихов из Тимбридад советуют вопрошающему обратиться за помощью к Серапису, и в Σ-стихе имя Сераписа стоит на первом месте, а значит, закреплено самим акrostихом. В изречениях этих же стихов из Гиераполя Серапис был заменен на местночтимого Аполлона Карейского – на его вторичность в этих стихах указывает то, что его имя не закреплено акrostихом. В-третьих, К- и М-стихи, а также вторая половина Λ-стиха не были пере-

деланы в гекзаметр и остались в ямбе, но заимствованы они были не из тимбридадского оракула, а из наиболее распространенного типа алфавитных оракулов [13: 226–227]. Действительно, при сравнении каждой пары совпадающих по смыслу изречений с точки зрения выбора лексики и синтаксической структуры фразы становится очевидным, что стихи гиерапольских оракулов являются переделкой стихов оракула из Тимбридад: изречения из Тимбридад составлены из общеупотребительных слов, не имеют бессмысленных добавлений и отличаются стройностью построения фразы, тогда как прорицания из Гиераполя, напротив, содержат редкие слова и ненужные вставки, необходимые автору для наполнения более длинного гекзаметрического стиха, а также демонстрируют необычные конструкции [1].

N-стих из Тимбридад обещал просителю следующее: Νυκτὸς κελαινῆς ἐκ μέσης ἔσται φάος – «Из непроглядной полночи возникнет свет». Все слова, образующие это изречение, функционировали уже в поэмах Гомера, и каждое его словосочетание к моменту появления в этом стихе оракула уже имело в языке свою историю. Выражение «будет свет» использует, например, Кассандра у Ликофона, когда предсказывает несчастье этолийцам, которые отправятся в Апулию и будут претендовать на земли Диомеда: «Будет однажды послан этолийцев там свет (ἔσται … φάος) скорбный и всевраждебнейший» (1056–1057). Словосочетание μέση νύξ / μέση νύκτες было устойчивым выражением, обозначавшим полночь: например, Ксенофонт рассказывает: «Когда это происходило, уже почти наступила полночь (μέσαι ἡσαν νύκτες)» (Anab. III. 1. 34). Эпитет κελαινή ‘черная’ стал определять слово «ночь» уже у Гомера, создавшего формулу κελαινὴ νύξ: ἀμφὶ δὲ ὅσσε κελαινὴ νύξ ἐκάλυψε – «а глаза окутала черная ночь» (Il. V. 310; XI. 356;ср. XIV. 438–439). Эту формулу до тимбридадского поэта использовали многие авторы: так, гонец у Эсхила описывает битву: «Стон с жалобными воплями носились над морской пучиной, пока очи черной ночи (κελαινῆς νυκτός) не положили конец битве» (Pers. 426–428); Аполлоний Родосский повествует: «Восходящая Эос рассеяла в воздухе черную ночь (κελαινὴν νύκτα) божественным светом» (IV. 1170–1171). Единственное нарушение принятого словоупотребления, которое допустил в этом стихе поэт из Тимбридад, состоит в том, что он наделил эпитетом κελαινή не просто «ночь», а « полночь» (μέση νύξ) – такое сочетание слов у других авторов зафиксировано не было.

В Н-стихе из Гиераполя автор не смог задействовать прилагательное *μέση*, и «полночь» тимбридского изречения превратилась просто в «ночь». Также ему не удалось сохранить гомеровский эпитет *κελαινή*, и он заменил его на *ζοφερή* ‘мрачная’, создав очень редкое на тот момент словосочетание *ζοφερή νύξ*, которое до гиерапольского оракула зафиксировано только в поэме «Алексифармака» Никандра Колофонтского (501), присутствовало в изречении оракула Руфину неизвестной датировки (AP XIV. 72, 2) и начало активно употребляться лишь у византийских авторов. Ожидаемое в любом прорицании будущее время тимбридского изречения *ἔσται* уступило в стихе из Гиераполя место аористу *ἔφαντ* с добавленным к нему наречием *ποτέ*, превратив предсказание в констатацию свершившегося факта. Объяснить такую неудачную замену можно только стоявшей перед гиерапольским поэтом задачей переложить в более длинный гекзаметрический стих короткое ямбическое изречение. Эта же задача побудила его заменить слово *φάος* на более длинное словосочетание. Но на какое словосочетание: на *φωσφόρος ἀκτή* или на *φωσφόρος ἀκτίς*? Ответ очевиден – «свет» можно заменить по смыслу на «светоносный луч», тогда как «светоносный берег» в синонимы к «свету» никак не подходит.

Однако если это рассуждение кажется недостаточно аргументированным, то его может усилить еще такое наблюдение. Выполняя весьма непростую задачу по превращению ямбического собрания прорицаний в гекзаметрическое – можно предположить, что это был официальный заказ святилища или какого-то знатного горожанина, – гиерапольский поэт не раз использовал редкие слова и словосочетания и даже прибегал к синтаксическим неологизмам. Даже если предположить, что этот человек происходил из местной анатолийской семьи, то во II в. он уже, скорее всего, был носителем древнегреческого языка и определенно получил классическое греческое образование, а значит, прекрасно знал правила словоупотребления этого языка. Оба обсуждаемых словосочетания, и *φωσφόρος ἀκτή*, и *φωσφόρος ἀκτίς*, являются синтаксическими гапаксами, но первое из них образовано с нарушением принципа функционирования прилагательного *φωσφόρος*, а второе этому принципу соответствует. Эпитетом *φωσφόρος* эллины обычно наделяли нескольких богинь: Артемиду (Eur. IT 21; Callim. Hymn III. 204; Paus. IV. 31. 10), Гекату (Eur. Hel. 569, Alex. Fr. 62h Kannicht; Aristoph. Thesm. 858,

Fr. 594 Kock), Селену, она же Мена (Orph. Hymn. IX. 1) и Персефону (Orph. Hymn. XXIX. 9), нередко отождествляя их друг с другом (PGM IV. 2544, 2721 Preisendanz). В орфических гимнах светоносными названы также День (Р. 24), Гелиос (VIII. 12), Пан (XI. 11), Аполлон (XXXIV. 5) и Гефест (LXVI. 3). Но вне этого культового употребления прилагательное *φωσφόρος* всегда связывалось с тем субъектом или предметом, который был носителем своего реального света и обязательно излучал этот свет в мир. Это была утренняя Заря-Эос (Eur. Ion 1157; Apoll. Rhod. IV. 885), братья Диоскуры Кастор и Полидевк, вознесенные в созвездие Близнецов (AP VII. 88, 1; Opp. Cyn. II. 14), Утренняя звезда, или планета Венера – ее даже называли Фосфором (Diog. Laert. VIII. 14; Plut. Mor. 430 A (Def. Or. 36); Heliod. Aeth. V. 22), звезды (*ἄστρη*, Aristoph. Ran. 342–343; *ἄστρα*, Philo Jud. Op. Mun. 29, 53; Eus. PE XI. 24. 8), небесные тела (*οὐράνια σώματα*, Joan. Lyd. De mens. I. 12), глаза и зрачки (*οὐμάτα*, Plat. Tim. 45 b; *κόρη*, Eur. Cycl. 611; Nausicrat. Fr. 1–2, 9 Kock), светильник (*λύχνος*, Epicrat. Fr. 7–8, 4 Kock), сигнальный огонь (*λαμπάς*, Aesch. Ag. 489), сосновый факел (*πεύκη*, Aristoph. Fr. 599 Kock), огонь (*πῦρ*, AP App. Orac. 192, 5), пламя (*φλόξ*, Eur. Hel. 629) и др. Переносное значение возникает у *φωσφόρος* только в византийское время, а в античном мире его «свет» всегда был настоящим светом, таким, каким обладали звезды и планеты, факелы и костры. Следуя этой традиции, вполне допустимо было поставить *φωσφόρος* эпитетом к слову «луч», в то время как слово «берег» в ее никоим образом не вписывалось. Можно много рассуждать о том, что на берегу стоял маяк или что ночью были хорошо видны белые скалы, но для человека, писавшего стихи на древнегреческом языке, «берег» просто не мог быть «светоносным».

На самом деле, я бы предложила снова обратить внимание на слова хора из «Антигоны» Софокла. Ненчи решил, как уже было сказано, что этот пассаж побудил Каццанигу предложить чтение *ἀκτίς*, но очень похоже на то, что смотреть надо глубже и что именно на этот пассаж опирался автор оракула в своей работе и позаимствовал из него как слово *ἀκτίς*, так и вызвавшее у нас недоумение *ἔφανθης ποτ'* – он лишь изменил слабый аорист пассивный на сильный и второе лицо на третье. Но самое интересное – это то, что в софокловском пассаже есть и слово *φάος*: будучи приложением к *ἀκτίς*, оно словно подсказывало гиерапольскому поэту, на что можно было заменить «свет» оракула из Тимбрид: *ἀκτίς*

ἀελίου, τὸ κάλλιστον ἐπταπύλῳ φανὲν Θήβᾳ τῶν πρότερον φάος, ἐφάνθης ποτ', ὃ χρυσέας ἀμέρας βλέφαρον – «О луч солнца, самый прекрасный свет из прошедших дней, явившийся для семивратных Фив, ты наконец явился, о око золотого дня...» (100–104). Ненчি не мог обратить на это внимание, поскольку оракул из Тимбридад тогда еще не был опубликован, и он не знал, что исходный смысл N-стихия надо искать в ямбическом собрании, а там ключевым является слово φάος.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ИЛИ «СВЕТОНОСНЫМ» МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО «ЛУЧ»

Таким образом, история написания N-стихия оракулов из Гиераполя становится вполне очевидной. Местный поэт перекладывал в гекзаметры ямбический образец, стараясь не от-

клоняться от содержания каждого изречения. Обдумывая, как передать «свет» N-стиха, он вспомнил слова хора из «Антигоны» и привлек в свой стих оттуда сразу три слова: ἀκτίς, ἐφάνη и ποτέ. Восстановление в конце N-стиха слова «берег» так и не было подтверждено аргументированным эпиграфическим материалом и при этом полностью опровергается словоупотреблением древнегреческого языка – проведенный анализ функционирования прилагательного φωσφόρος выявил ту языковую норму, которая обусловливала принцип сочетаемости этого прилагательного с определяемым им существительными. Поэтому вариант φωσφόρος ἀκτή должен остаться в истории изучения N-стиха, а правильной реконструкцией следует признать φωσφόρος ἀκτίς.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Т. Ритти дает размеры камня 1,58 x 0,475 x 0,42 м [17: 247].

² Все приводимые в статье переводы выполнены автором.

³ «Тогда иссиня-черную тучу поднял Кронион над крутобоким кораблем, и потемнело под ней море».

⁴ «Тогда над моей головой остановилась темная туча, несущая тьму и бурю, и вздыбились во мраке волны».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Приходько Е. В. Какой размер был первичным для алфавитных оракулов: ямбический триметр или гекзаметр? // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 170–181. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-13
- Brixhe C., Hodot R. L'Asie Mineure du Nord au Sud: inscriptions inédites. (Études d'Archéologie Classique 6). Nancy: Presses universitaires de Nancy, 1988. 256 p.
- Carettoni G. Scavo del Tempo di Apollo a Hierapolis // Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente. Vol. XLI–XLII. Nuova serie XXV–XXVI (1963–1964). Roma, 1965. P. 411–433.
- Cazzaniga I. Sui ΧΡΗΣΜΟΙ di Apollo da Hierapolis Frigia // La Parola del Passato. 1966. Vol. 21. P. 67–73.
- D'Andria F. Hierapolis of Phrygia (Pamukkale). An archaeological guide. İstanbul: Ege Yayınları, 2003. 240 p.
- Gigante M. Per la critica esegetica degli *oracoli* di Hierapolis // La Parola del Passato. 1976. Vol. 31. P. 323.
- Guarducci M. Nuove osservazioni sugli oracoli di Apollo Kareios a Ierapoli nella Frigia // Rivista di Filologia e di Istruzione Classica. 1974. Vol. 102. P. 197–202.
- Guarducci M. Epigrafia Greca. IV. Epigrafi Sacre Pagane e Christiane. Roma: Instituto Poligrafico dello Stato, 1978. 601 p.
- Ismaeli T. Il *monopteros* del Santuario di Apollo a Hierapolis di Frigia. Ricerche sull'oracolo alfabetico // Istanbuler Mitteilungen. 2009. Bd. 59. S. 131–192.
- Ismaeli T. Il Tempio A nel Santuario di Apollo. Architettura, Decorazione e Contesto. (Hierapolis di Frigia X). İstanbul: Ege Yayınları, 2017. 572 p.
- Lloyd-Jones H., West M. L. Oracles of Apollo Kareios // Maia. Rivista di letterature classiche. 1966. 18. P. 263–264.
- Nenci G. ΦΩΣΦΟΡΟΣ ΑΚΤΗ // Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia. 1975. Ser. III. Vol. 5.1. P. 99–101.
- Nollé J. Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance. München: Verlag C. H. Beck, 2007. 331 S.
- Pugliese Carratelli G. Χρῆσμοί di Apollo Kareios e Apollo Klarios a Hierapolis in Frigia // Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente. Vol. XLI–XLII. Nuova serie XXV–XXVI (1963–1964). Roma, 1965. P. 351–370.
- Pugliese Carratelli G. ΘΕΟΙ ΠΡΟΠΥΛΑΙΟΙ // Studi Classici e Orientali. 1965. Vol. 14. P. 5–12.
- Ritti T. Hierapolis. Scavi e Ricerche I. Fonti Letterarie ed Epigrafiche. Roma: Giorgio Bretschneider Editore, 1985. 152 p.
- Ritti T. Oracoli Alfabetici a Hierapolis di Frigia // Miscellanea Greca e Romana. 1989. XIV. P. 245–286.
- Ritti T. An epigraphic guide to Hierapolis (Pamukkale). İstanbul: Ege Yayınları, 2006. 211 p.

19. Ritti T. *Storia e istituzioni di Hierapolis. (Hierapolis di Frigia IX)*. İstanbul: Ege Yayınları, 2017. 726 p.
20. Semerano G. *The Sanctuary of Apollo in Hierapolis: building activities and ritual paths // Ancient quarries and building sites in Asia Minor. Research on Hierapolis in Phrygia and other cities in south-western Anatolia: archaeology, archaeometry, conservation.* (T. Ismaelli, G. Scardozzi, Eds.). Bari: Edipuglia, 2016. P. 777–785.
21. Semerano G. *Ricerche nel Sanctuario di Apollo (2007–2011) // La Attività delle Campagne di Scavo e Restauro 2007–2011.* (F. D'Andria, M. P. Caggia, T. Ismaelli, A cura di). (Hierapolis di Frigia VIII, 1). İstanbul, 2016. P. 191–222.
22. West M. L. *Oracles of Apollo Kareios. A revised text // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 1967. Bd. 1. S. 183–187.

Поступила в редакцию 24.11.2025; принята к публикации 24.12.2025

Original article

Elena V. Prikhodko, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0009-0005-4843-6967; aristonica@list.ru

“LIGHT-BEARING SHORE” OR “LIGHT-BEARING RAY”: WHAT WAS THE LAST WORD OF THE N-VERSE OF THE ALPHABETICAL ORACLE FROM HIERAPOLIS?

Abstract. In 1963, during excavations of Temple A in the Sanctuary of Apollo in Hierapolis, Phrygia, an inscription featuring an alphabetical oracle was discovered. The inscription had been carved onto the side of a rectangular marble column, which was used as a block in the floor's foundation during a reconstruction of the temple. G. Carettoni photographed the column and made a copy of the inscription before re-burying it for preservation. Based on Carettoni's documentation, the inscription was published in 1965 by G. Pugliese Carratelli. Some verses of this inscription sparked intense scholarly debate, particularly regarding the final word of the N-verse, which remains unresolved to this day. Pugliese Carratelli read it as: Νυκτὸς ἀπὸ ζοφερῆς ἐφάνη ποτὲ φωσφόρος ἀκτή, – “From the gloomy night at last a light-bearing shore appeared”. However, I. Cazzaniga and M. West independently emended the final word to ἀκτίς (ray), yielding: “From the gloomy night at last a light-bearing ray appeared”. The initial reading was supported by M. Guarducci, G. Nenci, and M. Gigante, while J. Nollé endorsed the second. T. Ritti remained undecided, oscillating between the two interpretations. To clarify the correct reading, the author of the article compares the N-verse from the Hierapolis oracle with the N-verse from the Timbriada oracle. It has been previously established that the oracle from Timbriada, composed in iambic trimeter, served as the model for the hexameter oracle from Hierapolis. The N-verse of the Timbriada oracle promised the supplicant: Νυκτὸς κελαινῆς ἐκ μέσης ἔσται φάος, – “From the midst of black night, there will be light”. In the Hierapolis oracle, the expression φωσφόρος ἀκτή/ἀκτίς replaced the word “light” (φάος), and for this substitution the word “ray” (ἀκτίς) is more appropriate. Furthermore, the author argues that the principles governing the use of the adjective φωσφόρος would not have permitted a native speaker to use it as an epithet for “shore” (ἀκτή). Analysis of this adjective's usage shows that φωσφόρος always qualifies a subject or object that emits its own light – a category to which a shore decidedly does not belong. Therefore, the most accurate reading of the inscription is φωσφόρος ἀκτίς (light-bearing ray).

Keywords: Ancient Greek inscription, alphabetical oracle from Hierapolis, alphabetical oracle from Timbriada, hexameter, iambic trimeter, φωσφόρος (phōsphoros)

For citation: Prikhodko, E. V. “Light-bearing shore” or “light-bearing ray”: what was the last word of the N-verse of the alphabetical oracle from Hierapolis? *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2026;48(1):75–83. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1268

REFERENCES

1. Prikhodko, E. V. What meter was primary for alphabetical oracles: iambic trimeter or hexameter? *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology.* 2024;5:170–181. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-05-13 (In Russ.)
2. Brixhe, Cl., Hodot, R. L'Asie Mineure du Nord au Sud: inscriptions inédites. *Études d'Archéologie Classique* 6. Nancy, 1988. 256 p.
3. Carettoni, G. Scavo del Tempo di Apollo a Hierapolis. *Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente. Vol. XLI–XLII. Nuova serie XXV–XXVI (1963–1964)*. Roma, 1965. P. 411–433.
4. Cazzaniga, I. Sui XΡΗΣΜΟΙ di Apollo da Hierapolis Frigia. *La Parola del Passato.* 1966;21:67–73.
5. D'Andria, F. Hierapolis of Phrygia (Pamukkale). An archaeological guide. İstanbul, 2003. 240 p.

6. Gigante, M. Per la critica esegetica degli *oracoli* di Hierapolis. *La Parola del Passato*. 1976;31:323.
7. Guarducci, M. Nuove osservazioni sugli oracoli di Apollo Kareios a Ierapoli nella Frigia. *Rivista di Filologia e di Istruzione Classica*. 1974;102:197–202.
8. Guarducci, M. Epigrafia Greca. IV. Epigrafi Sacre Pagane e Christiane. Roma, 1978. 601 p.
9. Ismaelli, T. Il *monopteros* del Santuario di Apollo a Hierapolis di Frigia. Ricerche sull'oracolo alfabetico. *Istanbuler Mitteilungen*. 2009;59:131–192.
10. Ismaelli, T. Il Tempio A nel Santuario di Apollo. Architettura, Decorazione e Contesto. *Hierapolis di Frigia X*. İstanbul, 2017. 372 p.
11. Lloyd-Jones, H., West, M. L. Oracles of Apollo Kareios. *Maia. Rivista di letterature classiche*. 1966;18:263–264.
12. Nenci, G. ΦΩΣΦΟΡΟΣ AKTH. *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia*. 1975;III;5.1:99–101.
13. Nollé, J. Kleinasiatische Losorakel. Astragal- und Alphabetchresmologien der hochkaiserzeitlichen Orakelrenaissance. München, 2007. 331 S.
14. Pugliese Carratelli, G. Χρησμοί di Apollo Kareios e Apollo Klarios a Hierapolis in Frigia. *Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente. Vol. XLI–XLII. Nuova serie XXV–XXVI (1963–1964)*. Roma, 1965. P. 351–370.
15. Pugliese Carratelli, G. ΘΕΟΙ ΠΡΟΠΥΛΑΙΟΙ. *Studi Classici e Orientali*. 1965;14:5–12.
16. Ritti, T. Hierapolis. Scavi e Ricerche I. Fonti Letterarie ed Epigrafiche. Roma, 1985. 152 p.
17. Ritti, T. Oracoli Alfabetici a Hierapolis di Frigia. *Miscellanea Greca e Romana*. 1989;XIV:245–286.
18. Ritti, T. An epigraphic guide to Hierapolis (Pamukkale). İstanbul, 2006. 211 p.
19. Ritti, T. Storia e istituzioni di Hierapolis. *Hierapolis di Frigia IX*. İstanbul, 2017. 726 p.
20. Semerano, G. The Sanctuary of Apollo in Hierapolis: building activities and ritual paths. *Ancient quarries and building sites in Asia Minor. Research on Hierapolis in Phrygia and other cities in south-western Anatolia: archaeology, archaeometry, conservation*. (T. Ismaelli, G. Scardozzi, Eds.). Bari, 2016. P. 777–785.
21. Semerano, G. Ricerche nel Santuario di Apollo (2007–2011). *La Attività delle Campagne di Scavo e Restauro 2007–2011*. (F. D'Andria, M. P. Caggia, T. Ismaelli, A cura di). *Hierapolis di Frigia VIII, I*. İstanbul, 2016. P. 191–222.
22. West, M. L. Oracles of Apollo Kareios. A revised text. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1967;1: 183–187.

Received: 24 November 2025; accepted: 24 December 2025

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА РАЗУМОВСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской
и зарубежной литературы
Саратовский национальный исследовательский государ-
ственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3115-9834; razumovskaja@mail.ru

ОБРАЗ ГОМЕРА В ПИСЬМАХ «DE REBUS FAMILIARIBUS» ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКИ

А н н о т а ц и я. Письма «De rebus familiaribus» Ф. Петрарки рисуют многоцветную картину внешней и внутренней жизни автора и очерчивают круг его корреспондентов, среди которых встречается и имя Гомера. Проблема рецепции гомеровского наследия в эпистолярии Петрарки изучена недостаточно, чем определяется актуальность исследования. Материалом являются письма, включающие прямое упоминание Гомера; цель работы – выявить и описать образ Гомера, определить его значение и функции в собрании писем. В работе используются структурный и сравнительно-сопоставительный методы. Проведенный анализ писем позволил сделать следующие выводы. Прямое упоминание имени Гомера встречается в 15 письмах собрания. Чаще Петрарка говорит о Гомере-человеке, используя сведения о его жизни в качестве примера для себя и своих адресатов. Образ Гомера-поэта символизирует величие древней поэзии и идею ученичества у первых и лучших; Гомер – это исток классической поэзии и риторики, а потому обязательная часть *cultus humanitatis*. Рядом с именем Гомера на страницах писем часто встречается имя Вергилия. Этот парный образ символизирует для Петрарки идею непрерывной связи между поколениями писателей и поэтов, звеном которой Петрарка видит и себя. Несмотря на языковой барьер, который не дает возможности непосредственного контакта с «первым из поэтов», Петрарка с радостью использует любую возможность общения. Свой ответ на письмо неизвестного корреспондента, написанное от имени гомеровской тени, автор помещает на предпоследнее место в группе писем, заключающих все собрание. Этим посланием Петрарка не только выражает свое глубокое уважение, но и четко очерчивает круг представителей новой гуманистической культуры, среди которых имя Гомера является знаковым, и ставит точку в одной из важнейших тем книги, теме дружеского общения в кругу гуманистов-единомышленников.

К л ю ч е в ы е с л о в а : ренессансный гуманизм, Возрождение в Италии, Гомер, Франческо Петрарка, «Epistolarum de rebus familiaribus», художественный образ

Д л я ц и т и р о в а н и я : Разумовская Е. А. Образ Гомера в письмах «De rebus familiaribus» Франческо Петрарки // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 84–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1269

ВВЕДЕНИЕ

24 книги «Epistolarum de rebus familiaribus» (350 писем; 1345–1366) – «самое раннее и, возможно, самое важное собрание прозаических писем Петрарки» [9: XVII (см. также: [8: 14]): зрелый поэт, мыслитель, ученый смотрит на себя самого и оценивает себя юного. Важность собрания состоит, прежде всего, в том, что входящие в него письма были тщательнейшим образом отобраны и отредактированы самим автором, а значит, представляют автопортрет важнейшей фигуры европейской культурной жизни XIV столетия. Собрание писем – это не столько события жизни и поступки [12], [15], сколько мысли автора, оно

позволяет судить о внутренней жизни Петрарки, а также о внутренней жизни человека его эпохи и круга.

Создавший себя буквально *de nihilo* [2: 12], Петрарка вместе с тем создает и собственный круг общения, объединяя в нем разных людей своим отношением к ним: письма адресованы более чем ста различным корреспондентам [8: 205]. Он ощущает себя человеком, родившимся не в свое время, и поэтому в круг его общения входят «немногие избранные, друзья и единомышленники, будь они живы или мертвы» [13: 87]. Одним из тех, чье имя возникает на страницах собрания, является Гомер. Вычленить и описать образ Гоме-

ра, обозначить его значение и функции в книге «*Epistolarum de rebus familiaribus*» Петрарки и является целью данной работы.

* * *

Образ Гомера, «истока и скрепы Европейской цивилизации» [7], у Петрарки не столь вездесущ, как образ Вергилия, однако очень важен. Отсылки к Гомеру пронизывают произведения Петрарки – его лирику, письма, трактаты (см., например, интересный анализ образа Гомера в трактате «О средствах против превратностей судьбы» [5]). Мысль о Гомере повлияла и на замысел Петрарки собрать и издать собственный эпистолярий. Идея возникла в Вероне в мае 1345 года, когда Петрарка обнаружил письма Цицерона: он задумал составить собрание писем из 12 книг в подражание «Энеиде» Вергилия или «Фиваиде» Стация. Но к 1359 году, изыскивая любую возможность насладиться «*confabulationum illecebris*¹ с Гомером, а затем и получив от Николая Сигероса, посла Византии в Авиньон, гомеровскую «Илиаду» в оригинале, он расширяет собрание до 24 книг, избрав в качестве образца уже гомеровские поэмы [10: XVIII]. В своих письмах Петрарка использует и отсылки к гомеровским поэмам, ссылается на гомеровских героев: так, например, в письме, открывающем собрание, он сравнивает себя с Одиссеем (Petrarca, 1859, I: 18). Однако материалом данной статьи будут лишь прямые упоминания Гомера в письмах «*De rebus familiaribus*».

Письмо (X, 4), написанное Петраркой брату, говорит, что образ Гомера был для него не только значимым, но и символическим. Это письмо-комментарий к первой эклоге «Буколик» (они были приложены), поскольку род этих стихотворений таков, что без авторского комментария смысл остается для читателя непонятным (Petrarca, 1862, II: 86). Под видом двух беседующих пастухов Петрарка изображает самого себя (Сильвий) и своего брата Герардо (Моник). Сильвий вспоминает, как в детстве и позднее он слушал «весёлая сладостное» пение двух пастухов и был так им поражен, что последовал за этими певцами через горы (ст. 12–30 эклоги). Как поясняет Петрарка, первый из этих двух пастухов, «*dulcissimus Parthenias*», – Вергилий, а второй, «*aliunde advectus pastor nobilis*», – это Гомер, «*nec oratio linguae particeps latinae*» и потому поющий по-гречески. В описании Гомера Петрарка использует известные факты: что родина его неизвестна («*de loco originis eius opiniones variae sunt*»), что «*de fonte homericō bibere Virgilium*» (Petrarca, 1862, II: 89).

Петрарка делает особый акцент на иноземном происхождении Гомера: он называет Гоме-

ра «*peregrinis generosus pastor ab oris*», «*canens nec murture nostro*», «*advena pastor*» (ст. 20–21, 38)². Признаваясь в эклоге (ст. 22, 27), что Гомер тронул его душу, в письме к брату он замечает, что в народе под именем «Гомера» ходят «в лучшем случае... сокращенные извлечения из Гомеровой “Илиады”»³. К мысли, что Гомер нем для него, Петрарка в своих письмах еще не раз возвращается.

О Гомере Петрарка вспоминает по различным поводам в 15 письмах: говоря о собственном или о чужом творчестве, о поэзии и великих людях прошлого. Так, Гомер упоминается в рассуждениях о поэтической славе и зависти (I, 2; V, 12). Поэту Томмазо Калориа из Мессины, другу еще по годам учёбы в Болонье, утверждающему, что зависть не страшна великим талантам, Петрарка с горечью возражает:

«*Redeat in Graeciam Plato; renascatur Homerus; reviviscat Aristoteles; revertatur in Italiam Varro; resurgat Livius; reflorescat Cicero; non modo segnes laudatores invenient, sed mordaces etiam et lividos detractores: quod quisque suis temporibus expertus est*» (Petrarca, 1859, I: 30–31).

Та же мысль, что зависть не щадит ни великих поэтов, ни его самого, – в письме к Андреасу из Болоньи о клевете и критике завистника, «*qui nec ipsi pepercit Homero...*» (Petrarca, 1859, I: 287).

В своих письмах Петрарка часто приводит многочисленные примеры из жизни великих людей прошлого. И здесь рядом с именем Гомера у него чаще всего встречается имя Вергилия. Близкие по духу (*unanimis*), как Петрарка пишет в письме к Вергилию (XXIV, 11), Гомер и Вергилий в творчестве итальянца символизируют великую поэзию древности, основу для сопоставления с современной поэзией и современностью; надо сказать, что сопоставление это не в пользу современности. Например, в письме к Боккаччо «о профанации поэтического имени среди толпы и несведущих людей» (XIII, 6) Петрарка пишет:

«...*Nunquam Athenis aut Romae, nunquam Homeri Virgiliique temporibus tantus sermo de vatibus fuit, quantus est ad ripam Rhodani aetate hac; cum tamen ullo unquam loco aut tempore tam nullam rei huius notitiam fuisse arbitr...*» (Petrarca, 1862, II: 234).

Рассуждая в следующем письме собрания, обращенном к аббату Петру из Оверни (XIII, 7), о болезни писательства, охватившей весь мир, Петрарка, подхватив мысль Ювенала и Горация, утверждает:

«...*vix iam in publicum exire audeo. Occurrunt enim omni ex parte phrenetici, percontantur, arripiunt, docent, disputant, altercantur, dicunt quae nunquam Mantuanus pastor, nunquam Maeonius senex novit...*» (Petrarca, 1862, II: 246–247).

Воспринимая древних писателей через их творения, Петрарка относится к ним как к живым собеседникам, он учится у них, используя и приведенную ими информацию, и пример их жизни. Ведь *exempla* великих мужей древности волнуют душу, дают возможность узнать что-то новое, научиться добродетели. Так, в письме (XV, 4) к Андреа Дандоло, венецианскому дожу, Петрарка пишет, что в юности, следя гомеровским словам об Одиссее, много путешествовал и посетил «*mores hominum multorum urbesque...*» (Petrarca, 1862, II: 320), стремясь приобрести опыт и ученье.

Рассуждая в письме (VI, 3) о старости и следя за Цицероном, Петрарка упоминает и Нестора, и Гомера. Он подчеркивает, что Гомер, несмотря на слепоту, является собой один из примеров *senectutis iucundae*, приятной, обильной трудом старости. Даже малые крохи его трудов и через тысячи лет доставляют удовольствие читателю и трогают душу так, что частенько над страницами Гомера забываешь о собственных заботах и тяготах⁴. Автор письма будто бы примеривает стариковство, подобное этому, на себя самого.

Говоря о Гомере, «Петрарка подходит к решающему моменту литературного и шире – общекультурного – самосознания Возрождения – к проблеме подражания» [1: 129]. Мысль о необходимости подражания хорошим образцам Петрарка развивает в примерах из любимой им древней литературы:

«*Imitatio unum insigne par siderum linguae latinae Ciceronem ac Virgilium dedit, effecitque ne iam amplius Graecis ulla in parte eloquentiae cederemus. Dum hic Homerum sequitur, ille Demosthenem, alter ducem suum attigit, alter a tergo liquit*» (VI, 4) (Petrarca, 1859, I: 339–340).

Подражание, согласно мысли Петрарки, это один из первых шагов на пути к совершенству, но путь этот нужно пройти самостоятельно. А потому Петрарка сравнивает себя с древними поэтами, измеряет свой талант меркой их творчества, сравнивает он себя и с Гомером. Это и понятно: с древности у Гомера сложилась репутация первого среди поэтов и, с легкой руки Александра Македонского, слава «глашатая доблести». (Кстати говоря, образ Гомера как великого певца великих подвигов Петрарка использует в своих «Письмах о делах повседневных» лишь единожды: в письме (XXIII, 18) к меценату Никколо Аччайоли он восхищается талантами адресата, говоря, что главные из них – талант полководца и юриста – достойны пера самого Гомера (Petrarca, 1863, III: 235)). И пусть «мемонийский старец» первенствует во времени (недаром гекзаметры итальянский поэт называет

«*frena Homerica*», «гомеровой уздой» (Petrarca, 1859, I: 14)), но уж, по крайней мере, в двух вещах уверен Петрарка, он сумел вырваться вперед. Во-первых, в стремлении писать, – все время и о чем угодно. Как отмечает, комментируя письмо (XIII, 7), Л. М. Баткин,

«он объявляет эту жгучую потребность существом своей натуры, особенностью, выделяющей именно его, Петрарку. И далее превращает раздумья и рассказы о том... как он не может не сочинять, – в предмет сочинительства» [2: 116].

Во-вторых, Петрарка постоянно подчеркивает, что эпидемия сочинительства, достигшая небывалых масштабов среди его современников, родилась из-за него самого и он находится в эпицентре этого сумасшествия (Petrarca, 1862, II: 244, 245).

В одном из писем, обращенном к кардиналу Джованни Колонна (V, 5), Петрарка прямо включает себя в цепочку поэтов прошлого. Он рассказывает об ужасном штурме, произошедшем близ Неаполя в ноябре 1343 года, и замечает: пускай каждый из великих поэтов прошлого (Гомер, Вергилий, Лукан) оставил описание страшной бури, – «*Mihi si unquam vacuum tempus erit, Neapolitana tempestas carminis materiam abunde tribuet...*» (Petrarca, 1859, I: 265).

Рассуждая о собственной страсти к чтению и собирательству книг (III, 18), Петрарка проводит интересную мысль: хорошо знакомые авторы беседуют друг с другом и с ним на страницах, рекомендуют ему те или иные книги. Именно Цицерон познакомил его с Эннием, привил любовь к Варрону и к комедиям Теренция. Даже о существовании писем Цицерона он узнал от Сенеки прежде, чем увидел собственными глазами. Давно ушедшие из мира живых писатели и поэты оценивают друг друга, а чем ближе знаком тебе «оценщик», тем глубже в душу западают его суждения. И все в один голос утверждают первенство Гомера среди поэтов: «...*imo vero ab omnibus concorditer delatum Homerum poetarum principi...*» (Petrarca, 1859, I: 179), – с чем, по мнению Петрарки, нельзя спорить. В другом месте Петрарка, ссылаясь на рассказ Цицерона, рассуждает о том, что Платона сравнивали с Гомером, поскольку среди философов он занимает то же место, какое Гомер занимает среди поэтов (IV, 15) (Petrarca, 1859, I: 239). Более того, имя Гомера среди поэтов и любителей поэзии вошло, со слов Горация, в поговорку, и Петрарка использует ее в письме к флорентийцу Заноби да Странда (XII, 18). Восторгаясь стихотворением своего адресата, Петрарка, однако, замечает:

«*illa carmen eximum... in primis admoneo ut, prius quam ad alienas veniat manus, intendas ubi uni versiculo,*

quem longiusculum offendit... Neque tibi forsan idcirco dispiceas: scis in arte poetica scriptum esse, quod quandoque bonus dormitat Homerus» (Petrarca, 1862, II: 207–208).

Poetarum princeps: эту формулировку Петрарка повторяет и в других рассуждениях (IV, 15; XXIV, 12). Она свидетельствует о высокой оценке гомеровского творчества: для итальянца XIV века, как и для его римских предшественников, Гомер становится одним из синонимических образов-примеров, означающих «великий поэт / писатель».

С точки зрения отношения Петрарки к Гомеру наиболее важны письма XVIII, 2 и XXIV, 12. Первое из них – благодарственное письмо к Николаю Сигеросу, посланцу Византийской империи к папскому двору, приславшему в дар Петрарке «Илиаду» Гомера, «agrum tunus et jucundum». Самому Гомеру поэт дает высочайшую похвалу, называя его «ipsum ingenii et eloquentiae fontem» и, со ссылкой на Амвросия Макробия, «divinae omnis inventionis fontem et originem» (Petrarca, 1862, II: 473). Для Петрарки разговор о подарке – еще один повод сказать о себе: он, сетуя, что не может насладиться великими поэмами в оригинале (Petrarca, 1862, II: 473), подробно рассказывает о своих занятиях греческим с наставником Варлаамом, которые прервались с отъездом того к новой должности, выхлопотанной ему Петраркой, а затем и со смертью Варлаама. Он просит Сигероса о наставничестве, без которого «Homerus tuus apud me mutus, imo vero ego apud illum surdus sum...» (Petrarca, 1862, II: 474–475).

Второе – это письмо к самому Гомеру. Некий неизвестный корреспондент (имя его остается загадкой) написал Петрарке словно бы от имени гомеровской тени из царства мертвых; Петрарка вызов принял (свой ответ он датирует 9 октября 1360 года). И здесь проявляется глубокое уважение и восхищение Петрарки: он титуляет Гомера «Graiae Musae princeps», «summus», «caeleste ingenium», «dux paterque», «sapiens»; сравнивает его с солнцем (Petrarca, 1863, III: 300).

Само расположение этого письма говорит о его значении в составе собрания. Об «уверенной руке литератора» (the sure hand of the man of letters) и особом внимании Петрарки к расположению писем в последней книге собрания пишет Альдо С. Бернардо, придя к выводу, что завершение XXIV книги «De rebus familiaribus» тремя письмами о превосходстве античности в поэзии отражает «тосклиwy взгляд в далекое прошлое» (a wistful look toward the distant past) [11: XVII, XVIII]. Но мысль Петрарки была устремлена «не в прошлое, а в будущее» [6: 66], а потому, на наш взгляд, расположение письма к Гомеру

в собрании имеет иной смысл. Это письмо, являясь по существу последним в книге (за ним следует лишь письмо-заключение), ставит точку в одной из важнейших тем собрания – теме дружеского общения в кругу единомышленников. Отвечая на многочисленные жалобы тени, суть которых сводится к забвению, Петрарка замечает, что в этом мире, где гибнет все, Гомеру повезло. Работа грека Леонтия Пилата над латинским подстрочником гомеровских поэм возвращает его в мир живых и позволяет включить «желанного друга» в число родственных душ, в складывающийся в Италии кружок гуманистов. Как заключает Петрарка, пусть в Италии

«у тебя... мало друзей и поклонников, но, безусловно, больше, чем в любой другой (стране)... Пусть радуют тебя наш Арно и наши холмы, где бьют ключом благородные источники таланта и вьют гнезда восхитительные соловьи... (перевод наш. – E. P.)» (Petrarca, 1863, III: 302–303).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение двадцати лет (1345–1366) «Письма о делах повседневных» отбирались, дописывались и редактировались Петраркой, и потому они отражают яркую внешнюю и внутреннюю жизнь автора. Собрание четко очерчивает круг корреспондентов-единомышленников Петрарки. Единство этого круга общения задается в первую очередь отношением к ним самого Петрарки. В этот близкий круг входят не только современники, но и предшественники. Обязательное включение гомеровских поэм в круг чтения и размышлений, а самого Гомера как художественного образа в собственное творчество многое говорит об индивидуальности автора, о его взглядах на культуру и литературу прошлого и его времени.

К 1359 году Петрарка расширил собрание до 24 книг, избрав в качестве образца гомеровские поэмы. Упоминая Гомера в 15 письмах, Петрарка чаще говорит о Гомере-человеке, а не о Гомере-певце. Гомер-певец, как Петрарка с сожалением подчеркивает в разных письмах, нем и глух для него. Из-за этого о Гомере-певце итальянский поэт говорит лишь общими фразами, всячески подчеркивая его первенство, величие, непревзойденность.

Образ Гомера символизирует для Петрарки величие древней поэзии и идею ученичества у первых и лучших. Поэтому часто рядом с именем Гомера встречается на страницах писем имя Вергилия: сама эта пара поэтов символизирует теснейшую связь между учителем и учеником, сравнявшимся с учителем или даже превзошедшим его. Вслед за Макробием Петрарка ощущает отношения между поэтами и писателями про-

шлого и современности как неразрывную связь поколений, как гомеровскую «золотую цепь» [4: 80], видит Гомера и себя самого крайними звеньями этой цепи. Гомер уникален, ведь, будучи первым в числе поэтов, именно он открыл путь искусству словесности. «Divinae omnis inventionis fons et origo», фундамент классической поэзии и риторики, «подлинной Грамматики», триумфальное возвращение которой предсказывал Анри д'Андели еще во второй четверти XIII века [3: 29], Гомер является обязательной частью *cultus humanitatis* Петрарки, ведь без обращения к нему подлинная поэзия невозможна.

Гомеровской меркой меряется Петрарка и себя, и свое творчество, радуясь, если ему удается пре-взойти «меонийского старца» хотя бы в малости. Так, с гордостью Петрарка подчеркивает, что для него, в отличие от поэтов прошлого, писательство стало самой сущностью, – так что за «набором риторических самохвальных формул», «за

их неявной смысловой вязью» «впервые простили легкий абрис «живого человека» в позднейшем культурном значении этого понятия» [2: 161]. И, кроме того, именно с него, Петрарки, началась в его время эпидемия сочинительства, распространившаяся далеко за пределы Италии.

Чувство неразрывной связи между поколениями писателей и поэтов побудило Петрарку с радостью ухватиться за возможность написать Гомеру письмо (XXIV, 12). Это третье из писем к великим поэтам-предшественникам (первые два обращены к Горацию и Вергилию). Закрывая собрание вместе с письмом-заключением к другу «Сократу» (Л. ван Кемпену), письмо к Гомеру четко очерчивает круг представителей новой гуманистической культуры, среди которых имя Гомера является знаковым и ставит точку в одной из важнейших тем писем – теме дружеского общения в кругу, общения, для которого ни время, ни расстояния не являются помехой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Petrarca F. *Epistolae de rebus familiaribus et variae* / Studio et cura I. Francassetti. Vol. I–III. Florentia: Typis Felicis Le Monnier, 1859–1863. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- 2 Petrarca F. *Il Bucolicum Carmen e i suoi commenti inediti* / A cura di A. Avena. Padova, 1906. P. 96.
- 3 Петрарка Ф. Эстетические фрагменты / Пер., вступ. ст. и примеч. В. В. Бибихина. М.: Искусство, 1982. С. 112.
- 4 «Qualem autem, et quam iucundam credimus Homericam senectutem, omnibus suis accumulatam et instructam curis, quarum parvae reliquia, post annorum millia, tanta me dulcedine afficiunt atque perfundunt (puto idem aliis accidere), ut saepe mearum immemor curarum, oblitusque præsentium malorum, totus in illius caeci senis memoria conquiescam?» (VI, 3). Petrarca F. *Epistolae de rebus familiaribus et variae* / Studio et cura I. Francassetti. Vol. I. Florentia: Typis Felicis Le Monnier, 1859. P. 321.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев М. Л. Литература Италии: Темы и персонажи. М.: РГГУ, 2008. 415 с.
2. Баткин Л. М. Петрарка на острие собственного пера. Авторское самосознание в письмах поэта. М.: РГГУ, 1995. 184 с.
3. Бибихин В. В. Слово Петрарки // Петрарка Ф. Эстетические фрагменты / Перевод, вступ. ст. и примеч. В. В. Бибихина. М.: Искусство, 1982. С. 7–37.
4. Голенищев-Кутузов И. Н. Влияние латинской литературы IV–V вв. на литературу средневековья и Ренессанса // Вестник древней истории. 1964. № 1. С. 64–83.
5. Девятайкина Н. И. Гомер в трактате Петрарки «О средствах против превратностей судьбы»: характер адресаций // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2023. № 14. С. 67–81.
6. Хлодовский Р. И. Франческо Петрарка. Поэзия гуманизма. М.: Наука, 1974. 176 с.
7. Шиchalин Ю. А. Гомер – исток и скрепа Европейской цивилизации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2020. Вып. 64. С. 9–35. DOI: 10.15382/sturIII202064.9-35
8. Antognini R. *Familiarium rerum liber: Tradizione materiale e autobiografia* // Petrarch and the textual origins of interpretation. (T. Barolini, H. Wayne Storey, Eds.). Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 205–230.
9. Bernardo A. S. Introduction // Petrarca F. Letters on familiar matters. *Rerum familiarium libri I–VIII*. (Aldo S. Bernardo, Transl.). Albany; New York: State University of New York Press, 1975. P. XVII–XXXII.
10. Bernardo A. S. Introduction // Petrarca F. Letters on familiar matters. *Rerum familiarium libri IX–XVI*. (Aldo S. Bernardo, Transl.). Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1982. P. XVII–XXII.
11. Bernardo A. S. Introduction // Petrarca F. Letters on familiar matters. *Rerum familiarium libri XVII–XXIV*. (Aldo S. Bernardo, Transl.). Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1985. P. XVII–XX.
12. Enenkel K. A. E. Die Erfindung des Menschen. Die Autobiographik des frühneuzeitlichen Humanismus von Petrarcha bis Lipsius. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. 939 S.
13. Mazzotta G. F. The worlds of Petrarch. Durham; London: Duke University Press, 1993. 232 p.
14. Mazzotta G. F. Petrarch's epistolary epic: Letters on familiar matters (*Rerum familiarium libri*) // Petrarch. A critical guide to the complete works. Chicago; London: University of Chicago Press, 2009. P. 309–320.
15. Wilkins E. H. Life of Petrarch. Chicago; London: University of Chicago Press, 1961. 276 p.

Original article

Elena A. Razumovskaya, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-3115-9834, razumovskaya@mail.ru

THE IMAGE OF HOMER IN FRANCESCO PETRARCH'S *EPISTOLAE DE REBUS FAMILIARIBUS*

Abstract. The collection of letters, *Epistolae De Rebus Familiaribus* by Francesco Petrarch, offers a vivid portrayal of both his external circumstances and inner thoughts, while also outlining the circle of his correspondents, among whom the name of Homer appears. The reception of Homeric heritage within Petrarch's epistolary has not been sufficiently explored, highlighting the importance of this study. This research focuses on the letters that contain explicit references to Homer, aiming to identify and describe the representation of Homer, as well as to understand his significance and functions within the collection. The methodology employed includes structural and comparative analysis. The findings reveal several key points: Homer's name is directly mentioned in fifteen letters. More frequently, Petrarch speaks about Homer the person, drawing upon his life as a model for himself and his readers. The image of Homer the poet symbolizes the greatness of ancient poetry and the ideal of mentorship from the earliest and greatest masters; Homer is regarded as the source of classical poetry and rhetoric, and thus an obligatory part of *cultus humanitatis*. Alongside Homer's name, Virgil – who is spiritually close – often appears, symbolizing the enduring link between generations of writers and poets, with Petrarch seeing himself as a link within this continuum. Although linguistic barriers prevent direct engagement with the “first of poets”, Petrarch eagerly seeks any opportunity for communication. Notably, his reply to a letter from an anonymous correspondent, written in the name of Homer's shadow, comes next-to-last in the group of letters concluding the collection. Through this message, Petrarch not only expresses his profound respect for Homer but also delineates the circle of emerging humanist figures, among whom Homer's name holds particular significance. This closing gesture also marks the conclusion of a major theme in the collection: the friendly communication among like-minded humanists.

Keywords: Renaissance humanism, Italian Renaissance, Homer, Francesco Petrarch, *Epistolae De Rebus Familiaribus*, artistic image

For citation: Razumovskaya, E. A. The image of Homer in Francesco Petrarch's *Epistolae De Rebus Familiaribus*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):84–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1269

REFERENCES

1. Andreev, M. L. The literature of Italy: Themes and characters. Moscow, 2008. 415 p. (In Russ.)
2. Batkin, L. M. Petrarch on his own nib. The author's self-awareness in the poet's letters. Moscow, 1995. 184 p. (In Russ.)
3. Bibikhin, V. V. The word of Petrarch. *Petrarch, F. Aesthetic fragments*. (V. V. Bibikhin, Ed.). Moscow, 1982. P. 7–37. (In Russ.)
4. Golenishchev-Kutuzov, I. N. The influence of Latin literature of the IV–V centuries on the literature of the Middle Ages and Renaissance. *Journal of Ancient History*. 1964;1:64–83. (In Russ.)
5. Devyataykina, N. I. Homer in Petrarch's treatise “De remediis utriusque fortunae”: the nature of references. *Cursor Mundi: Man of Antiquity, the Middle Ages, and the Renaissance*. 2023;14:67–81. (In Russ.)
6. Khlodovsky, R. I. Francesco Petrarch. Poetry of humanism. Moscow, 1974. 176 p. (In Russ.)
7. Shichalin, Yu. A. Homer, the source and bond of European civilization. *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*. 2020;64:9–35. DOI: 10.15382/sturIII202064.9-35 (In Russ.)
8. Antognini, R. Familiarium rerum liber: Tradizione materiale e autobiografia. *Petrarch and the textual origins of interpretation*. (T. Barolini, H. Wayne, Eds.). Leiden; Boston, 2007. P. 205–230.
9. Bernardo, A. S. Introduction. *Petrarca, F. Letters on familiar matters. Rerum familiarium libri I–VIII*. (Aldo S. Bernardo, Transl.). Albany; New York, 1975. P. XVII–XXXII.
10. Bernardo, A. S. Introduction. *Petrarca, F. Letters on familiar matters. Rerum familiarium libri IX–XVI*. (Aldo S. Bernardo, Transl.). Baltimore; London, 1982. P. XVII–XXII.
11. Bernardo, A. S. Introduction. *Petrarca, F. Letters on familiar matters. Rerum familiarium libri XVII–XXIV*. (Aldo S. Bernardo, Transl.). Baltimore; London, 1985. P. XVII–XX.
12. Enenkel, K. A. E. Die Erfindung des Menschen. Die Autobiographik des frühneuzeitlichen Humanismus von Petrarcha bis Lipsius. Berlin; New York, 2008. 939 S.
13. Mazzotta, G. F. The worlds of Petrarch. Durham; London, 1993. 232 p.
14. Mazzotta, G. F. Petrarch's epistolary epic: Letters on familiar matters (Rerum familiarium libri). *Petrarch. A critical guide to the complete works*. Chicago; London, 2009. P. 309–320.
15. Wilkins, E. H. Life of Petrarch. Chicago; London, 1961. 276 p.

Received: 13 November 2025; accepted: 24 December 2025

ИРИНА ВИТАЛЬЕВНА ТРЕСОРУКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-8899-5716; itresir@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОБЖОРСТВО» В ГРЕЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. Представлено первое комплексное описание семантического поля «обжорство» в новогреческом языке в рамках лингвокультурологического и конструкционного подходов. Материалом послужили окказиональные лексемы и фразеологизмы, отобранные корпусным методом (применяется свод корпусов elTenTen) и проаннотированные по семантическим, образным и стилистическим параметрам. Анализируется радиально-зональная модель поля (ядерная зона, ближняя и дальняя периферии), показано, что ближняя и дальняя периферии представлены устойчивыми конструкциями и сравнительными оборотами. Продемонстрированы различные конструкции (в том числе конструкция *τρόῳ / κατεβάζῳ / ρίχνῳ + X*, где X функционирует как идиоматический квантификатор избыточности), проанализирована их семантика и прагматика. Показано, что в новогреческой языковой картине мира налицоует сопряжение телесной образности, культурных стереотипов и разговорной экспрессии, что подтверждается и результатами градуальной организации поля от ядра к периферии, продемонстрировано, что разговорная экспрессия и окказионализмы (типа *υτερλικάων*, *σαβουράων*, *χλαπακιάζω* и пр.) активно функционируют в современном узусе и влияют на норму, что требует систематизации их статуса, семантики и стилистической маркировки. Новизна исследования заключается в выявлении и формализованном анализе устойчивых конструкций, а также в создании аннотированного корпуса экспрессивных окказионализмов и фразеологических единиц на материале web-корпуса elTenTen. Сделан вывод о том, что разговорные выражения и окказионализмы оказывают влияние на формирование современного греческого дискурса, способствуя расширению и переосмыслинию пищевого кода культуры. В результатах исследования уточняется механизм функционирования количественной гиперболы и образной метонимии и подтверждается продуктивность конструкционного анализа при описании фразеологических единиц.

Ключевые слова: новогреческий язык, семантическое поле, пищевой код, экспрессивная лексика, грамматика конструкций

Для цитирования: Тресорукова И. В. Семантическое поле «обжорство» в греческой языковой картине мира // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 90–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1270

ВВЕДЕНИЕ

Одной из основных задач лингвокультурологии является изучение способов репрезентации культуры [2: 107]. На современном этапе особый интерес представляет изучение языковых единиц как средств выражения этнокультурного сознания личности, поскольку, как известно, набор кодов культуры конечен и универсален для всего человечества [5: 79]. Антропологический подход к языку предполагает его изучение в неразрывной связи с человеком и культурой (Н. Ф. Алефиренко, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Ару-

тюнова, В. Н. Телия и др.). В этой связи в языках возникает целый ряд различных образных средств, метафор, которые помогают человеку через призму своего восприятия передать картины окружающей действительности и формируют код культуры.

История еды неразрывно связана с историей человеческой цивилизации, так как продукты питания являются неотъемлемой частью и насущной потребностью жизни человека, и вопрос питания появляется на самом раннем этапе его развития. Прием пищи неотъемлемо

присутствует во всех областях межличностных и общественных отношений, с едой связаны важнейшие ритуалы и культуры в человеческой жизни. «Еда – это важный фактор национального самосознания <...> и основной элемент идентичности: этнической, религиозной, социальной» [4: 11]. В современном обществе еда и все связанные с ней процессы и явления складываются в единую сему, метафору освоения окружающего мира, и процесс современной коммуникации все больше приобретает характер глюттонический [7], то есть связанный с потреблением и поддержанием жизни.

Базовые метафоры образов еды и кухни присутствуют в менталитете всех народов мира и регулярно воспроизводятся в речи [8: 8]. Как пишут Н. П. Головницкая и А. В. Олянич:

«...питание неотъемлемо от сути и существования человека как вида. Прежде всего, это источник его жизни: именно поэтому весь окружающий человека материальный мир дихотомичен по признаку “съедобное – несъедобное”... Именно пища оказывается тем основанием, на котором выстраивается обширная парадигма человеческого мировосприятия и человеческой деятельности. Это означает, что данная область бытия не может не быть описана при помощи инструментов семиотики и, соответственно, языковыми знаками» [1: 9].

В свете антропоцентрического подхода к изучению языка такие образы и образные системы формируют так называемые коды культуры, которые представляют собой национально окрашенные «образные коды» [8: 83], выражающиеся при помощи совокупности языковых средств и регулярно воспроизводящиеся в речи. Образность в этом ключе понимается как

«лексико-семантическая категория, обобщающая свойство единиц лексико-фразеологического уровня, проявляющаяся в их способности обозначить определенное явление внеязыковой деятельности (предмет, свойство, процесс, ситуацию) в ассоциативной связи с другим, нетождественным обозначаемому, явлением на основе их реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы» [10: 40].

В этом свете для каждой культуры типовыми выступают образные представления, выражаемые через образы, формируемые из первичного значения слова и его вторичной интерпретации на основании сходства обозначаемых образов на основании реальных или мнимых характеристик этих образов: например, в греческих слово-сочетаниях *γλυκό τσάι* ‘сладкий чай’ – *γλυκό νερό* ‘пресная вода’ – *γλυκό χαμόγελο* ‘милая улыбка’ в первом случае прилагательное *γλυκός* употребляется в своем прямом значении ‘сладкий, содержащий сахар’, во втором случае обозначает

‘не содержащую соли’, то есть пресную воду, а в третьем употреблено в своем метафорическом значении ‘сладкий, то есть милый, приятный, вызывающий приятные ощущения’ (более подробно см. [6]).

Основой любого культурного кода является символ как «итог смыслового развития знака в культуре» [3: 211]. Символ, как пишет М. Л. Ковшова, – это знак «для устойчивого и регулярного воплощения ценностного содержания культуры, ее основных категорий и смыслов» [3: 211]. Фразеологические единицы (ФЕ) в лингвокультурологии играют важную роль, так как создают особую символизацию окружающего мира:

«Этот несколькословный языковой знак способен не только образно описывать происходящее, но и воплощать в себе устойчивые смыслы, которые являются частью семантики данного знака и извлекаются из него при употреблении фразеологизма в речи» [3: 197].

Действительно, именно ФЕ берут на себя функции по отображению и выражению материальной и духовной картины мира человека и нации в целом.

В данной статье мы рассматриваем семантическое поле «обжорство» на материале новогреческого языка. Объектом исследования является система языковых средств новогреческого языка, репрезентирующих сему «обжорство», предмет статьи – семантическая организация поля и конструкционные значения выявленных схем. Цели исследования: выявление и описание семантического поля в новогреческой языковой картине мира (ЯКМ), определение конструкционных моделей, посредством которых в новогреческом языке репрезентируется сему «обжорство», а также проведение лингвокультурологического анализа выражений и лексем, обозначающих обжорство. В этой связи особое внимание уделяется прагматике и стилистике компонентов поля, уточняются и переосмысливаются значения выявленных единиц и их механизмов, вводится аннотированный корпусный массив (по корпусам группы eLTenTen¹ и примерам живого дискурса) с соответствующей параметризацией, что обеспечивает воспроизводимость процедуры и базу для последующих количественных сопоставлений.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОБЖОРСТВО» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Исследование материала такого рода представляет собой часть более широкой проблематики анализа пищевого кода в ЯКМ. Обжорство в контексте пищевого кода выступает не просто как физиологический акт чрезмерного потребле-

ния пищи, но и как культурно маркированная категория, обладающая богатой образной и аксиологической окраской.

Материалом для данного исследования послужили отдельные лексемы и ФЕ, которые были собраны в результате корпусного анализа [11] и составляют 68 уникальных единиц (42 лексемы и 26 ФЕ). По итогам исследования было составлено семантическое поле, в полной мере отображающее сему «обжорство» в новогреческой ЯКМ, которое в количественном отношении можно представить в виде следующей таблицы.

Количественный состав
семантического поля
Quantitative composition
of the semantic field

Ядро	7 уникальных единиц
Околядерная зона	6 уникальных единиц
Ближняя периферия	43 уникальных единицы
Дальняя периферия	12 уникальных единиц

Ядро семантического поля

Ядро поля формируют лексемы, непосредственно обозначающие явление обжорства, такие как *η λαιμαργία* ‘обжорство’, *η γαστρίμαργία* ‘чревоугодие’, *η κοιλοδούλειά* ‘чревоугодие’ (с собственно определения обжорства), *ο λαιμάργος*, *ο γαστρίμαργος* ‘обжора, прожорливый человек’, *το φαγοπότι*, *το τσιμπούσι* ‘пиршество, пирушка’; эти лексемы служат основной номинацией исследуемого явления и обладают высокой степенью семантической устойчивости.

Околядерная зона

Околядерную зону формируют глаголы-окказионализмы, которые по большей части являются недостаточными и не формируют полную парадигму как по лицам, так и по временным формам: (*γ*)*κουμουλώνω* ‘сжирать кучу еды’², *γουρουνιάζω* ‘есть как свинья’, *καταβροχθίζω* ‘пожирать, заглатывать’, *υτερλικώνω* ‘жадно набивать пузо’³, *σαβουρώνω* букв. ‘закидывать балласт’, то есть закидывать в топку, *χλαπακίζω* ‘уплетать, наворачивать с чавканьем’⁴. Стоит отметить, что в данном случае речь идет о просторечных экспрессивных окказионализмах, ср., напр.:

«*Η τρόφα και γενικά τα μαστάρια δεν είναι κοιλοδούλειά.* Αν είμαι κοιλιόδουλος πλακώνω τις μπριτζόλες και τις πατάρες στην ντοματοσαλάτα και *υτερλικόνω*. Αυτές οι γεύσεις είναι μεγαλείο και εμείς που τις επιδιώκουμε, ευ ζωιστές». ‘Трюфель и вообще грибы – это не чревоугодие. Уж если я – чревоугодник, то налагаю на стейки и на «папару» (размоченный хлеб) в салате из помидоров, и **объеда-**

юсь до отвала. Эти вкусы великолепны, а мы, алчущие их, – бонвиваны’⁵ (здесь и далее перевод выполнен автором работы).

«*Δεν καπνίζω, δεν πίνω αλλά παράλληλα δεν αθλούμαι [περπατάω ωστόσο πάρα πολύ] και δε μπορώ να πω πως προσέχω ιδιάίτερα τη διατροφή μου [ότι βρω, σαβουρώνω]*». ‘Я не курю, не пью, но при этом и не занимаюсь спортом [зато очень много хожу пешком] и не могу сказать, что особенно слежу за питанием [жру что ни попадя]’.

«*Ο άντρας δεν ασχολείται καθόλου με το νοικοκυρίο. Το τρίπτυχό του είναι: δουλειά-καναπές-ποδόσφαιρο. Δεν δίνει καμία σημασία και δεν ρωτάει αν χρειάζομαι βοήθεια, αν κουράζομαι, αν τα παιδιά του ζητάνε. Με το που γυρνάει βγάζει παπούτσια, πλένει χέρια, χλαπακιάζει ό, τι βρει και στρογγυλοκάθεται στο σαλόνι για κανέναν αγώνα*». ‘Муж совсем не занимается домом. Его «святая троица»: работа – диван – футбол. Он не обращает никакого внимания и не спрашивает, нужна ли мне помощь, устаю ли я, зовут ли его дети. Стоит ему вернуться, тут же разувается, моет руки, **уплетает** все, что найдет, и усаживается в гостиной смотреть какой-нибудь матч’.

Ближняя периферия

В ближнюю периферию входят ФЕ типа *είμαι γερό πιρούνι / κουτάλι / ποτήρι* ‘быть сильной вилкой / ложкой / стаканом’, то есть есть или пить много; *κατεβάζω / ρίχνω γατοκέφαλα* букв. ‘спускать / бросать кошачьи головы (то есть большие куски пищи)’, то есть заглатывать не жуя; *τρώω ένα αρνί / ένα βόδι στην καθισιά* ‘съесть барана / быка в присест’, то есть уминать что-либо в один присест; ФЕ, сформированные по схеме *τρώω / κατεβάζω / ρίχνω X*, где актант X заполняется такими лексемами, как *τον αβλέμονα* ‘необозримое количество еды’⁶, *τον αγλέουρα* ‘эуфорбия, морозник’⁷, *τον άμπακο* ‘разделочная доска’⁸, *άντερο* ‘кишка’, *τ' αντερό μου* ‘моя кишкa’, *το καταλέτασμα* ‘занавесь алтаря, (метаф.) юбка скатерти’, *τον περίδρομο* ‘паронихия’, *τον σκασμό* ‘до лопанья’.

В данном случае мы отмечаем метонимию инструмента (емкость / умение есть): *είμαι γερό πιρούνι*, букв. ‘я – крепкая / сильная вилка’ → ‘обжора, человек с отменным аппетитом’, то есть происходит перенос и сдвиг от предмета-орудия (вилка) к свойству самого агента – умение и привычка много есть.

Кроме того, присутствует своего рода беспорядочное и недифференцированное потребление пищи: актантами при глаголах являются *γατοκέφαλα* ‘кошачьи головы’ → ‘большие куски пищи’ → ‘неразборчивость в потреблении пищи’ или же ядовитый морозник (*αγλέουρας*), доска (*άμπακος*) или паронихия (*περίδρομος*), что создает гиперболизированный образ, так как нарушаются так называемые селекционные ограничения на съедобность. Используемые глаголы (от

нейтрального *τρώω* ‘есть’ до *κατεβάζω* ‘спускать’, *ρίχνω* ‘бросать’, которые в данном случае приходят из других семантических полей) семантически добавляют компонент скорости / жадности в потреблении пищи (то есть «глотать не перевевывая», а не только «много»).

Выявляется количественная гипербола через «целых животных»: *τρώω* *ένα αρνί* / *ένα βόδι στην καθησιά* ‘съесть барана / быка в один присест’, что создает сему чрезмерного количества употребляемой пищи.

Все ФЕ в конструкции *τρώω* / *κατεβάζω* / *ρίχνω* *X* реализуют устойчивую схему [*τρώω* + Acc_{NP}], где *X* является идиоматическим квантификатором избыточности. Актанты *X* синтаксически обозначают объект, но семантически не референтны, так как по сути не обозначают еду, а лишь кодируют меру / степень (‘очень много’). При этом глагол *τρώω* дает базовую рамку «интенсивного потребления пищи», а объект *X* означает некую меру / количество, в результате формируется конструкционное значение: ‘есть очень много / до отвала’, причем зачастую такие ФЕ используются в речи с оттенком «перебора» и самоиронии / порицания, ср., напр.:

«*Τρώω τὸν ἀιπάκο, ρεόμαι με θόρυβο κι ἀμα είμαι χορτάος το ρίχνω στον ύπνο. Μ’ αρέσει η τεμπελιά και να τρομάζω τους ἄλλους με το βρυχηθμό μου. Θέλω όλοι να με υπηρετούν και να με θαυμάζουν!*» ‘Жру без меры, громко рыгаю, а как наемся – вались спать. Люблю лентяйничать и пугать других своим рыком. Хочу, чтобы все мне служили и мной восхищались!»

«*Μέχρι να γίνει η Δευτέρα Παρουσία εγώ θα είμαι Αμερική κι εσύ Ρωσία θα κάνω τρέλες και θα τρώω το καταπέτασμα κι εσύ θα λιώνεις και θα κλαίς στο παραπέτασμα.*» ‘Пока не наступит Второе пришествие, я буду Америкой, а ты – Россией: я буду чудить и **жрать без разбору**, а ты будешь изнывать и плакать за занавеской’.

Таким образом, в ближней периферии мы отмечаем, что дифференцируются характеристологическая метонимия (*γερό πτυρούνι*), метафора быстрого и неразборчивого потребления пищи (*κατεβάζω γατοκέφαλα*), гиперболы количества с делимитаторами (*ένα αρνί* / *βόδι στην καθησιά*), квантификаторы (*τὸν ἀιπάκο*, *τὸν αὐλέουρα*, *τὸν αβλέμονα*, *τὸν καταπέτασμα*, *τὸν περίδρομο*, *τὸν σκασμόν*); со стилистической точки зрения все компоненты ближней периферии включаются в просторечия с высокой экспрессивностью, при этом активно маркируется степень превышения определенной нормы.

Дальняя периферия

В дальнюю периферию мы включили ФЕ, которые обозначают последствия или дают оцен-

ку чрезмерному питанию: *τρώω μέχρι σκασμού* ‘наедаться до лопания’, *σκάω από το φαγητό* ‘лопаюсь от еды’, *φουσκώνω σαν μπαλόνι* ‘раздуваюсь как шар’, *τρώω σαν λύκος* / *σαν γουρούνι* ‘ем как волк / свинья’, *δεν έχει πάτο το στομάχι μου* ‘у моего желудка нет дна’, *μου φεύγει το σαγόνι στο φαῖ* ‘у меня челюсть отваливается от еды’.

Эти выражения носят образный характер, часто основаны на гиперbole и зооморфных сравнениях и укладываются в две базовые метафоры ТЕЛО-КОНТЕЙНЕР / ДАВЛЕНИЕ как переедание = переполнение, вздутие, разрыв (см. напр. *σκασμός* ‘лопание’, *σκάω* ‘лопаться’, *φουσκώνω* ‘надуваться’). При этом присутствует и зоосемия: «есть как [животное]», что обозначает несдержанность в еде или жадность (*σαν λύκος* ‘как волк’, *σαν γουρούνι* ‘как свинья’).

С точки зрения прагматики эти ФЕ имеют оценочный характер и представляют собой ироничную оценку, маркирующую выход за норму и/или способ еды.

Так, *τρώω μέχρι σκασμού* ‘наедаться до лопания’ создает значение достигнутого физиологического предела, при этом глагол чаще всего стоит в форме аориста (прошедшего времени совершенного вида), и такая результативность усиливает эффект «переполнения» и «избытка», ср., напр.: *Χτες έφαγα μέχρι σκασμού και δεν κοιμήθηκα καλά* ‘Вчера я обожрался и плохо спал’.

Такая же сема выявляется и в ФЕ *σκάω από το φαγητό* ‘лопаюсь от еды’ и *φουσκώνω σαν μπαλόνι* ‘раздуваюсь как шар’, где присутствуют динамика внутреннего давления и риск «лопнуть», что создает значение не только количества, но и испытываемого дискомфорта и мучений от переедания, ср. напр.:

«*Δεν ξέρω για σας, όμως εγώ αισθάνομαι φουσκωμένη σαν μπαλόνι μετά τις γιορτές. Επεσαν καπάκι και τα κρύα και βρήκα την τέλεια δικαιολογία για να συνεχίσω την αυτοκαταστροφή με λίαν θερμοδοφόρα γεύματα, αλκοόλ και σοκολάτες, όλα αυτά κουκουλωμένη στον καναπέ, σε μια κατάσταση σαν χειμερία νάρκη.*» ‘Не знаю, как вы, а я после праздников чувствую себя раздутьй, как шарик. К тому же ударили холода, и я нашла идеальное оправдание продолжать самоуничтожение высококалорийными блюдами, алкоголем и шоколадом, и все это – заскучавши на диване, в состоянии почти зимней спячки’.

Зоосравнения акцентируют внимание на быстром и жадном поглощении пищи (*τρώει σαν λύκος*) или на неопрятности и отсутствии манер (*τρώω σαν γουρούνι*).

Экспрессивная гипербола в ФЕ *δεν έχει πάτο το στομάχι μου* ‘мой желудок не имеет дна’, *μου φεύγει το σαγόνι στο φαῖ* ‘у меня челюсть отваливается от еды’ создает онтологическую беско-

нечность вместилища (отрицание + *πάτος* ‘дно’) и, как следствие, обозначает неисчерпаемую способность потреблять пищу или же утомление челюстей от длительного и интенсивного жевания.

Все вышеописанные ФЕ используются в разговорном стиле и обозначают количество потребляемой пищи (*μέχρι σκασμού*, *δεν ἔχει πάτο*), скорость или манеры (*σαν λύκος*, *σαν γουρούνι*), состояние после потребления пищи (*σκάει από...*, *φρουσκάνω...*).

Таким образом, ФЕ, включаемые в дальнюю периферию, расширяют семантическое поле «обжорство» за счет консеквентных (последствия) и оценочных значений, так как ядром их значения являются телесная метафорика переполнения и зооморфные сравнения, а с точки зрения синтаксиса мы выявляем адвербальные кванторы предела (*μέχρι σκασμού*), причинные конструкции (*σκάω από...*) либо сравнительные обороты (*σαν X*).

ВЫВОДЫ

Семантическое поле «обжорство» в новогреческом языке имеет радиально-зональную структуру, в ядро включаются лексемы прямой номинации (*λαιμαργία*, *γαστρίμαργία*, *λαιμάργος*, *γαστρίμαργος*, *φαυοπότι*, *ταμπούσι*), околяядерную зону составляют разговорные экспрессивные окказиональные глаголы (*υτερλικάνω*, *σαβουράνω*, *χλαπακίζω*, *καταβροχθίζω* и др.) и ФЕ.

В ближней периферии доминирует конструкция *τρώω* / *κατεβάζω* / *ρίχνω* + *X*, где *X* является идиоматическим квантификатором избыточности (*τον ἄπτακο*, *τον αγλέουρα*, *τον αβλέμονα*, *το καταπέτασμα*, *τον περίδρομο*, *τον σκασμό*). Синтаксически *X* представляет собой объект, но семан-

тически – это нереферентный измеритель меры, кодирующий «очень много / до отвала»; кроме того, здесь же отмечается конструкционное значение «эксцесс потребления».

ФЕ ближней периферии реализуют разные образные механики: метонимию инструмента (*είμαι γερό πιρούνι*), гиперболу скорости и жадности потребления пищи (*κατεβάζω / ρίχνω γατοκέφαλα*), а также количественную гиперболу (*τρώω ένα αρνί / βόδι στην καθησιά*). Стоит отметить, что именно в ближней периферии выявлено наибольшее количество лексем и ФЕ с семантикой «обжорство как процесс».

Дальняя периферия кодирует последствия и/или социальную оценку эксцесса, при этом семантика ФЕ опирается на две базовые метафоры: ТЕЛО-КОНТЕЙНЕР / ДАВЛЕНИЕ (переполнение, вздутие, «lopнуть») и ЗООСРАВНЕНИЕ (недержанность / неопрятность).

С pragматической точки зрения поле создает сему нарушения нормы питания и манер поведения во время принятия пищи: так, лексемы и ФЕ маркируют «перебор», «ненадлежащую быстроту», эффект «достигнутого предела» и пр.

При анализе был использован конструкционный подход, так как устойчивость конструкции *τρώω X* позволяет провести интеграцию разнородных квантификаторов в одно значение ‘есть чрезмерно’.

Полученная модель семантического поля демонстрирует, как языковой код еды в новогреческом сопрягает телесную образность, культурные стереотипы и разговорную экспрессию, формируя устойчивую метафорическую систему с прозрачной градацией от ядра к периферии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ elTenTen. Web соргога [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://app.sketchengine.eu> (дата обращения 01.10.2025).

² Этимологически этот окказиональный глагол возводится к латинскому *cumulus* ‘куча’.

³ Этимологически этот окказиональный глагол восходит к турецкому *dirlik* ‘богатство’.

⁴ Этимологически этот окказиональный глагол является звукоподражательным и восходит к междометию *χλαπ*, которое обозначает чавканье за едой.

⁵ Все цитаты приводятся по корпусу текстов elTenTen (elTenTen. Web соргога [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://app.sketchengine.eu> (дата обращения 01.10.2025)).

⁶ Этимологически *αβλέμονας* (*αβλέμονας*) происходит из *α privativum* + *βλέμα*, то есть обозначает ‘огромное количество, которое невозможно охватить взглядом’ [11].

⁷ Этимологически др.-гр. *έλλεβορος* > **ελέβουρος* ([ο > υ]) > **αλέβουρος* > **αλέονυρος* > *αγλέονυρας* [12]. По одной из версий, это растение морозник (*helleborus cyclophyllus*), которое вызывает головокружение, если его понюхать, на вкус оно горькое и приводит к спазмам [12]. По другой версии, *αγκλέονυρας* – это народное название растения *euforbius* (*euforbius*), а в древнегреческом языке *ευφορβία* обозначало переедание [ср. Lid. Sc.394/2 Sofokl. 727].

⁸ Этимологически *άπτακος* представляет собой обратное заимствование через итальянский *abbaco* древнегреческого *ἄβαξ* ‘абак, доска для арифметических действий’. Кроме того, *άπτακος* в народе назывался первый учебник арифметики, написанный на греческом языке Эммануилом Глинзони и изданный во времена

турецкого владычества в Венеции в 1568 году и переизданный в 1724 году в расширенной версии. Этот учебник, по мнению простых людей, был своеобразной кладезью мудрости, откуда и появилось выражение *ξέρει τον ἄπτακο*. Позднее, уже в конце XIX века, слово *ἄπτακος* стало обозначать ‘большое (и даже чрезмерное) количество’, откуда в 1920-х годах и возникло выражение *τρόω πίνω τον ἄπτακο* (Σαραντάκος Νίκος. Blog [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sarantakos.wordpress.com> (дата обращения 01.10.2025)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Головинская Н. П., Олянич А. В. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса. Волгоград: ИНК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2008. 295 с.
- Капелюшник Е. В. «Сладкое» в кулинарном коде культуры (на материале лексики образного семантического поля еда / пища) // Язык – текст – дискурс: традиции и новации. Ч. 1. Самара, 2009. С. 106–114.
- Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: URSS, 2012. 453 с.
- Павловская А. В. Нужна ли нам наука о еде? // Еда и культура. По материалам I Международного научно-практического симпозиума «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира». 30 октября – 1 ноября 2014 г. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2015. С. 7–14.
- Пименова М. В. Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Вып. 5. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. С. 79–86.
- Трекоркова И. В. Пищевой код греческой фразеологии: фитоним «огурец» // Вестник Томского университета. Филология. 2018. № 53. С. 98–110. DOI: 10.25970/2418-9236_2023_1_40
- Щербинина Ю. В. Дикта(н)т еды // Нева. 2012. № 7. С. 221–230.
- Юрина Е. А. Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках // Язык и культура. № 3. 2008. С. 83–93.
- Юрина Е. А. Образная лексика русского языка. Ч. II. Пищевой код культуры в образном строении языка: Учеб. пособие. Томск: Изд. дом Томского гос. ун-та, 2015. 132 с.
- Юрина Е. А. Образность в системе лексико-семантических категорий языка // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации. 2004. № 32. С. 25–58.
- Μπαμπινιώτης Γ. Δ. Ετυμολογικό Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Κέντρο Λεξικολογίας Ε.Π.Ε. Αθήνα, 2010. 1674 σ.
- Σαραντάκος Νίκος Τα λόγια του αέρα. Αθήνα: Εκδόσεις του Εικοστού Πρώτου, 2013. 312 σ.

Поступила в редакцию 09.10.2025; принята к публикации 08.12.2025

Original article

Irina V. Tresorukova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-8899-5716; itresir@mail.ru

THE “OVEREATING” SEMANTIC FIELD IN THE GREEK LINGUISTIC WORLDVIEW

Abstract. The article deals with the semantic field of “overeating” in Modern Greek within an integrated linguo-cultural and construction-grammatical framework. The dataset comprises occasional lexical formations and phraseological units extracted through corpus analysis (from the elTenTen web corpora) and subjected to annotation for semantic, imagistic, and stylistic parameters. In the radial-zonal model, where we distinguish core, near-peripheral, and far-peripheral strata, we show that the peripheral strata are predominantly instantiated by stable constructions and comparative patterns. Particular attention is paid to construction’s templates *τρόω / κατεβάζω / ρίχνω + X*, in which X functions as an idiomatic quantifier of excess; the template’s semantic and pragmatic profiles are analyzed. The findings indicate a systematic interlacing of bodily imagery, culturally entrenched stereotypes, and colloquial expressivity in the Modern Greek linguistic worldview, as reflected in the field’s graded organization from core to periphery. Furthermore, it is demonstrated that colloquial expressions and occasionalisms (e. g., *υτερλικώνω, σαβουρώνω, χλαπακιάζω*, etc.) exhibit robust productivity in contemporary usage and exert normative pressure, thereby motivating a refined description of their status, semantics, and stylistic marking. The novelty of this research is twofold: first, the identification and systematic analysis of stable constructions, and second, the development of an annotated corpus of expressive occasionalisms and phraseological units derived from the elTenTen web corpora. The findings suggest that colloquial and occasional expressions play a significant role in shaping modern Greek discourse, contributing to the expansion and reinterpretation of the cultural food code. The results elucidate the mechanisms behind the use of quantitative hyperbole and figurative metonymy, affirming the effectiveness of construction-based analysis in describing phraseological units.

Keywords: Modern Greek, semantic field, food code, expressive vocabulary, construction grammar

For citation: Tresorukova, I. V. The “overeating” semantic field in the Greek linguistic worldview. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):90–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1270

REFERENCES

1. Golovnitskaya, N. P., Olyanich, A. V. Linguocultural characteristics of German-language gastronomic discourse. Volgograd, 2008. 295 p. (In Russ.)
2. Kapelyushnik, E. V. The “sweet” in the culinary code of culture (an analysis of lexical units from the figurative semantic field of “food”). *Language – text – discourse: traditions and innovations*. Part 1. Samara, 2009. P. 106–114. (In Russ.)
3. Kovshova, M. L. The linguoculturological method in phraseology: Codes of culture. Moscow, 2012. 453 p. (In Russ.)
4. Pavlovskaya, A. V. Do we need food science? *Food and culture. Proceedings of the I International Academic and Practical Symposium “Traditional Culture in the Modern World. History of Food and Food Traditions of the Peoples of the World”* (30 October – 1 November 2014). Moscow, 2015. P. 7–14. (In Russ.)
5. Pimenova, M. V. Codes of culture and the problem of concepts classification. *Language. Text. Discourse: Scholarly almanac of the Stavropol Branch of RALK*. Issue 5. Stavropol, 2007. P. 79–86. (In Russ.)
6. Tresorukova, I. V. The food code of Greek phraseology: the phytonym “cucumber”. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2018;53:98–110. DOI: 10.25970/2418-9236_2023_1_40 (In Russ.)
7. Scherbina, Yu. V. The food dictation. *Neva*. 2012;7:221–230. (In Russ.)
8. Yurina, E. A. Lexico-phraseological field of culinary images in the Russian and Italian languages. *Language and Culture*. 2008;3:83–93. (In Russ.)
9. Yurina, E. A. Figurative vocabulary of the Russian Language. Part II: The food code of culture in the figurative system of the language. Tomsk, 2015. 132 p. (In Russ.)
10. Yurina, E. A. Figurativeness in the system of lexico-semantic categories of language. *The Vestnik of Tomsk State University: The Bulletin for Operating Scientific Information*. 2004;32:25–58. (In Russ.)
11. Μπαμπινιώτης, Γ. Δ. Ετυμολογικό Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Κέντρο Λεξικολογίας Ε.Π.Ε. Αθήνα, 2010. 1674 σ.
12. Σαραντάκος, Νίκος. Τα λόγια του αέρα. Αθήνα, 2013. 312 σ.

Received: 9 October 2025; accepted: 8 December 2025

ОТ ГРЕЧЕСКОГО СТИШНОГО СИНАКСАРЯ К ДРЕВНЕРУССКОМУ СТИШНОМУ ПРОЛОГУ: ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ

Аннотация. Цель статьи – показать, что греческий Стишной Синаксарь, лежащий в основе славянского Стишного Пролога, в процессе появления и бытования на Руси претерпел значительные текстологические изменения. Материалом для исследования послужили 40 списков Стишного Пролога весенней половины года. При копировании памятной части Стишного Пролога древнерусские писцы в целом старались придерживаться традиции, хотя инновации не исключались и в этих текстах. Текстологические изменения затронули прежде всего учительную часть Стишного Пролога, которая фактически была создана древнерусскими книжниками. Наши наблюдения показали, что древнерусские книжники были знакомы с огромным объемом византийской литературы и широко использовали ее для пополнения Стишного Пролога нравоучительными чтениями, повестями, Словами отцов Церкви. Кроме того, в Стишной Пролог они вносили и оригинальные древнерусские сочинения. Автор полагает, что именно репертуар назидательных чтений является главным критерием выделения редакций. Списки Стишного Пролога весенней половины года представлены пятью редакциями. Дальнейшее исследование источников назидательных чтений Стишного Пролога позволит сопоставить прологные назидательные чтения и их оригиналы и выявить динамические процессы не только в содержании, но и в языке исследуемых текстов.

Ключевые слова: Стишной Синаксарь, Стишной Пролог, редакции Стишного Пролога, текстологические изменения, назидательные чтения

Для цитирования: Щеглова О. Г. От греческого Стишного Синаксаря к древнерусскому Стишному Прологу: вопросы текстологии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 97–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1271

ВВЕДЕНИЕ

В X веке Древняя Русь стала частью христианского мира. Вместе с религией новое христианское государство получило тексты, необходимые для богослужения: на церковнославянский язык с греческого были переведены Евангелие, Апостол и другие богослужебные книги, а также богатейшая собственно повествовательная, учительная литература, различные сборники устойчивого состава. Наши предки смогли познакомиться с огромным святоотеческим наследием, с разными жанрами древнегреческой письменности.

Среди переведенных с греческого языка книг заметным явлением в книжной культуре Древней Руси стал Стишной Пролог (далее – СП). Такое название получил у славян греческий Стишной Синаксарь, переведенный южными славянами в XIV веке.

Об истории создания греческого Стишного Синаксаря писали многие исследователи начиная с работы архиепископа Сергия¹: Е. В. Петухов², М. Сперанский [6], В. Мошин [18], Л. П. Жуковская [2: 61], Е. А. Фет [9], Г. Петков [20], М. В. Чистякова [10]. К настоящему времени среди исследователей сложилось достаточно общее мнение: Стишной Синаксарь как новый тип памятника возникает в византийской литературе во второй половине XII века. Автором стихов был поэт XI века Христофор Митиленский, который создал два Стишных Синаксаря: один содержал ямбические двустишия, посвященные святым, а другой состоял из стихир на двенадцать месяцев года. При оформлении греческого Стишного Синаксаря был использован ямбический Стишной Синаксарь, созданный Христофором Митиленским [17], возникновение Стишного Си-

наксаря в византийской литературе связывают с именем Маврикия, дьякона константинопольской Великой церкви, и с начавшейся в XII веке заменой Студийского устава на Иерусалимский. Таким образом, в основу нового календарного четвертого сборника лег константинопольский Петров Синаксарь 2-й четверти XI века, дополненный стихами из ямбического календаря Христофора Митиленского.

При переводе на славянский язык Стишной Синаксарь получил название Пролог вслед за Прологом простым. Стишным Пролог назывался потому, что его жития предварялись краткими стихами в честь святых, написанными в греческом Стишном Синаксаре ямбическим стихом, обычно в стихословии содержалась характеристика святого, либо истолковывалось его имя, либо означался род смерти мученика³.

Одним из наиболее спорных вопросов истории СП долгое время был вопрос о времени и месте перевода этого памятника на славянский язык, а также о количестве переводов. Большинство исследователей в настоящее время склоняются к мнению о существовании трех независимых друг от друга переводов с греческого: болгарский перевод (Тырновская редакция СП) обычно связывают с деятельностью тырновского книжного центра; сербский перевод (Варлаамова редакция), местом его возникновения называют Сербию или Афон. Третий перевод СП (Минейная редакция) известен в составе некоторых служебных миней южнославянского происхождения. Все три перевода были сделаны в середине – 2-й половине XIV века. В Болгарии и Сербии СП получил более широкое распространение, чем Пролог простой.

По мнению исследователей, на Руси СП своим появлением уже в конце XIV века обязан митрополиту Киприану, который привез в Москву СП, переведенный с греческого в Сербии в XIV веке [8], [13], [19], [20]. Подтверждением этому мнению служит тот факт, что самый ранний пергаменный список СП на мартовское полугодие хранится в ГИМ в Чудовском собрании за номером 17 и датируется концом XIV – самым началом XV века [5: 12]. По мнению болгарского исследователя Г. Петкова, на Руси распространенной была только одна редакция перевода, а именно Тырновская. В течение XV–XVI веков СП активно переписывался в монастырях Руси, но все же не вытеснил из обихода Пролог простой, хотя стал одним из самых популярных памятников письменности средневековой Руси, об этом, в частности, свидетельствует количество сохранившихся списков. По результатам

лингвотекстологического исследования, проведенного Л. П. Жуковской в 1983 году, стало известно о 60 списках СП сентябрьской половины [3]. В результате наших разысканий было выявлено также не менее 60 списков мартовской половины XV–XVII веков. Именно СП лег в основу печатного Пролога, который выдержал несколько изданий в XVII–XVIII веках, СП полностью вошел в состав Великих Миней-Четырех. Также известно, что тексты СП стали одним из источников Русского хронографа, созданного в Иосифо-Волоколамском монастыре в начале XVI века [4: 133–177], [7].

В процессе бытования СП на славянской почве в него были добавлены памяти некоторым славянским святым. Утверждалось, что назидательных чтений в составе южнославянского СП не было. На Руси книжники при переписывании с южнославянских рукописей практически сразу стали добавлять в его состав нравоучительные сказания и повести, поучения, назидательные слова проповедников и отцов Церкви. Обычно эти статьи представляли собой отрывки из переводной житийно-повествовательной и святоотеческой литературы, имевшей уже к тому времени распространение на Руси. Иногда древнерусские книжники составляли и собственные произведения на морально-этические темы. В результате этого СП на Руси приобрел поистине энциклопедический и одновременно духовно-просветительский характер. Значение СП как памятника письменности состоит в том, что он сохранил и обеспечил трансляцию христианских ценностей, заложенных в византийской культуре, многим поколениям русских людей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нами было предпринято лингвотекстологическое исследование 40 списков Стишного Пролога⁴, содержащих чтения на март – август, то есть на весеннюю половину года. В результате мы пришли к выводу, что динамические процессы характерны не только для структуры и состава чтений исследуемых списков, но и для самих текстов как в части их содержания, так и в части языкового выражения этого содержания. Мы считаем, что среди списков весенней половины можно выделить не менее пяти редакций древнерусского СП: Южнославянскую, Троице-Сергиевскую, Синодскую, Устюжскую и Хутынскую [14].

Анализируя состав чтений СП, мы выявили, что основная масса памятей святым, событиям и важным датам в истории христианства (от 63

до 77 % чтений в зависимости от редакции) оставалась неизменной, то есть, создавая новые списки памятника, древнерусские книжники в житийной части в основном следовали традиции, хотя инновации не исключались.

В ходе лингвотекстологического исследования нами были выявлены особенности состава поучений в разных редакциях СП. Во-первых, редакции памятника различаются количеством нравоучительных слов и сказаний (таблица).

Количество назидательных чтений по редакциям Стишного Пролога
The number of edifying readings by Stishnoy Prologue version

Редакция	Южнославянская	Троице-Сергиевская	Синодская	Хутынская	Устюжская
Март	1/0	27/24	39/34	52/18	36/5
Апрель	2/0	26/25	44/39	48/16	38/6
Май	1/0	29/29	46/33	44/2	48/3
Июнь	2/0	27/26	52/49	39/36	нет
Июль	0	28/27	38/36	44/43	нет
Август	0	20/20	32/29	46/43	нет
Общее количество чтений	6	157	251	273	122 (на март – май)
Из них индивидуальных, характерных только для данной редакции, в абсолютном количестве и в процентах к общему числу	0 0 %	151 96,2 %	220 87,6 %	158 57,9 % июнь – август: 129/122 94,6 %	14 11,5 %

Примечание. В таблице приведено количество назидательных чтений в каждом месяце, через дробь – количество индивидуальных чтений, встречающихся только в данной редакции

Анализ таблицы показывает, что в Южнославянской редакции присутствуют не только памятни, но и небольшое количество, а именно шесть, поучений: 1) 26 марта во всех южнославянских списках читается «Повесть полезнаа ради Малха мниха плененаго». Нач.: «Тридесятим поприщем от Антиохие сирские бяше село нарицаемое Марония...»; 2) 23 апреля, в день памяти святого Георгия, во всех списках помещены три его чуда: «Чудо первое». Нач.: «В странах суринских бяше град нарицаемый Ор...», «Друго чудо». Нач.: «Бывше еже в Митилини всяк слух и помысл...», «Чудо третье». Нач.: «Во веси Пефлагоньцей церковь есть преславная святаго великомученика Георгия...»; 3) под 29 апреля находим «святаго священномученика Патрикия повесть о будущем суде и земленых муках». Нач.: «Святой священномученик Патрикие глаголет...»; 4) Под 22 мая только в один южнославянский список НБКМ-1041 включена «Повесть зело полезная о некоей отроковице»; 5) и в этом же списке встретилось 22 июня нравоучительное чтение – «Повесть зело полезна о отци Дуле». Нач.: «Глаголаше отец Даниил скытыотски...»; 6) 27 июня во всех южнославянских списках читается «Повесть Синесия епископа о Евагри некоем философе Притча о злате триста литр». Нач.: «В Александрии в дни Феофиловы...».

Данные факты противоречат общепринятым мнению об отсутствии нравоучительных чтений в южнославянских списках СП и свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что несмотря на то, что переписчики следовали традиции в создании новых списков СП, тем не менее иногда проявлялись их вкусы и предпочтения в выборе чтений. При этом все назидательные чтения, отмеченные в Южнославянской редакции, встречаются и в других редакциях СП; индивидуальных чтений, характерных только для южнославянских списков, нет.

В таблице представлено количество индивидуальных чтений в каждой редакции. Больше всего таких чтений в Троице-Сергиевской редакции – 96,2 % от общего числа. Данный факт можно объяснить тем, что среди списков этой редакции находятся одни из самых ранних, созданные на основе южнославянских списков в Троице-Сергиевой Лавре в первой трети XV века, – Трц-715, Трц-717. Далее по количеству индивидуальных чтений следует Синодская редакция – 220 (в процентном соотношении – 87,6 %). Где создавался архетип данной редакции, с достоверностью сказать сложно, но среди рукописей также есть список XV века – СНА-1264. Если посмотреть на процент всех индивидуальных чтений Хутынской редакции, он покажется незначи-

тельным, всего 57,9 % от общего числа назидательных текстов. Объясняется это тем, что Хутынская редакция очень близка с Устюжской. По нашему мнению, архетипом для последней послужил какой-то список Хутынской редакции. Поэтому в марте – мае у этих двух редакций небольшой процент индивидуальных назидательных чтений. Отметим, что и в житийной части списки Устюжской редакции очень незначительно отличаются от состава текстов Хутынской. Если же мы посмотрим отдельно на количество назидательных текстов в Хутынской редакции в июне – августе, то увидим, что процент индивидуальных чтений очень высок – 94,6 %. Это также объясняется наличием рукописи СнА-3935, созданной в Варлаамо-Хутынском монастыре в XV веке. По нашему мнению, переписчики, а вернее, редакторы южнославянских списков, попавших на Русь в конце XIV – начале XV века, пользовались для создания новых списков СП, пополняя его назидательную часть, текстами из различных источников, возможно, в соответствии со своими вкусами или наличием книг в библиотеке монастырей.

В процессе анализа нами были выявлены назидательные чтения, общие для нескольких редакций. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что Чудеса святого Георгия под 23 апреля встречаются во всех пяти выделенных нами редакциях. Для четырех редакций (Троице-Сергиевской, Синодской, Хутынской и Устюжской) общим чтением стало «Поучение на Благовещение святой Богородицы» под 25 марта. Нач.: «Ныне подобно есть братие к вам велегласное изрещи...», а также Слово от патерика «о Константине царе како сошед с небесе беседова с Паисием пустынником, си же слышав Иоан Колов въписа слышащим ползы ради» под 21 мая. Нахождение во всех списках СП «Поучения на Благовещение», принадлежащего древнеболгарскому писателю Клименту Охридскому, свидетельствует, на наш взгляд, о широкой известности его сочинений в Древней Руси.

Троице-Сергиевская редакция выделяется очень небольшим количеством совпадающих назидательных чтений с Хутынской редакцией. Это два чтения в марте: «Поучение на предпразднество Благовещения», принадлежащее Клименту Охридскому. Нач.: «Да есть ведуще братие яко в си день...» 24 марта и 30 марта «Слово Иоанна Лествичника о терпении Кира мниха». Нач.: «Слыщите братия и научитесь...». Одно общее чтение с Хутынской и Устюжской редакциями: 25 апреля, но если в двух последних оно назы-

вается «Поучение святаго Марка евангелиста», то в Троице-Сергиевской – «Поучение на память святаго Марка евангелиста», начала их совпадают: «Братия присно ожидает ны спасения нашего Господь Бог...».

Для Синодской, Устюжской и Хутынской редакций насчитывается 22 общих назидательных чтения. Наибольшее количество совпадающих назидательных чтений (79) встретилось у Хутынской и Устюжской редакций. Эти факты, по нашему мнению, свидетельствуют о взаимодействии списков данных редакций, протографы которых создавались в разных монастырях, но в процессе бытования рукописи могли попадать в другие монастыри, где использовались уже для создания новых списков. Выделяется отсутствием общих с другими редакциями назидательных чтений Троице-Сергиевская редакция, состав ее нравоучительных повестей и сказаний уникален.

Таким образом, наше исследование показало, что назидательные чтения в большей своей части для каждой редакции индивидуальны. Вследствие этого мы пришли к важному выводу о том, что именно назидательные чтения являются тем ключевым фактором, который различает выделенные нами редакции СП.

В свете истории СП на Руси представляется необходимой задача выявления источников его назидательных чтений. Ранее исследователи обращались в основном к изучению источников простого Пролога. Одним из первых в XIX веке был Н. И. Петров, он писал:

«Пролог был в древней России энциклопедическим, можно сказать, сборником религиозных сведений наших предков. Поэтому изучение его источников поставило бы нас в самый центр древнерусской литературы, образовавшейся под иноземными влияниями и особенно византийскими, и дало бы возможность определить истинный ход ее развития»⁵.

С. А. Давыдова определила тексты, источником которых были различные патерики, в составе 1-й и 2-й редакций простого Пролога [1]. В последнее время проблемой выявления состава прологовых текстов и их источников занимается литовская исследовательница М. В. Чистякова. В «Сводном каталоге церковнославянских прологовых текстов» на сентябрь – декабрь [11], [12], [15], [16] она указывает источники прологовых чтений как простого, так и СП, устанавливая соответствия в иных церковнославянских учебных сборниках. Таким образом, атрибуция назидательных чтений мартовских списков СП является актуальной задачей, поскольку до сих пор не было предпринято такого исследования.

В данной статье мы представляем лишь первые результаты нашего анализа источников по учитательных статей СП. Во-первых, нами создан инципитарий нравоучительных слов и сказаний, то есть выявлены заголовки и начальные фразы всех текстов. Во-вторых, проведена предварительная атрибуция назидательных чтений путем текстологического анализа заголовков и начал текстов. В ходе анализа мы отметили, что в разных редакциях СП отдается предпочтение разным источникам. Так, среди назидательных слов Троице-Сергиевской редакции встречаются Слова Иоанна Златоустого, Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина, Симеона Нового Богослова, святого Григория, святого Дорofея, Слова от бесед святого отца Зосимы, Слова от чудес святого Венедикта, Слова от патерика, Слова от житий разных святых, в том числе русских. Предпочтения, по нашему мнению, отдаются Словам отцов Церкви.

В Синодской редакции явно превалируют патериковые чтения, их большинство, но встречаются также и Слова отцов Церкви: святого Григория, Иоанна Златоустого, Федора Студийского, а также святого Нила, святого Ефрема, Макария, Симеона нового Богослова, Слова Анастасия Синайского, поучения Василия Великого, поучения старца Варлаама к Иоасафу, Слова от Лимониса, некоторые Слова атрибутируются Федору Студийскому, Маркиану, святому Кириллу, Антиоху мниху, Евагрию, Иллариону, также есть Слово от жития Андрея и Епифания, Слова от жития Федора Едесского, Афанасия Афонского, Варлама и Иоасафа.

В Хутынской и Устюжской редакциях число назидательных чтений велико и разнообразно. Тем не менее можно отметить, что преобладают Слова Иоанна Златоустого, Василия Великого, Григория Богослова. Достаточно много Слов в этих двух редакциях, в отличие от Троице-Сергиевской и Синодской, не имеют атрибуции, в основном это поучения, направленные на формирование облика благочестивого христианина. Характер многих поучений, на наш взгляд, свидетельствует о том, что создатели протографа Хутынской редакции уже в меньшей степени ориентировались на использование СП как назидательного чтения для монахов, а в большей степени рассматривали его как четий сборник для мирян. Об этом говорят сами названия: «Поучение к женам да будут молчаливы», «О блудницах», «Поучение ко всякому христианину», «О почитании книжном», «Слово о женитьбе и любодеястве» и т. п.

Различия в выборе назидательных слов, на наш взгляд, обусловлены традициями книжных центров, где создавались архетипы редакций древне-

русского СП, возможностями их библиотек, эрудированностью самих древнерусских писцов, их книжными предпочтениями. Общий репертуар назидательных чтений, пополнявших списки СП, был очень широк. В первую очередь, это различные патерики, что не случайно: рассказы о подвигах святых отцов читались в назидание монахам за монастырской трапезой. Представлены в назидательной части отрывки из пространных житий святых, сборников устойчивого состава типа Златоструя, Изборника, Торжественника, Златоуста, Измарагда, Паренесиса Ефрема Сирина, Лествицы Иоанна Синайского, а также отрывки из Повести Варлаама и Иоасафа. В весенних списках СП встретились сочинения Климента Охридского, ученика Кирилла и Мефодия, произведения раннехристианских писателей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого и многих других. Возможно, часть этих чтений была заимствована из Пролога простого, к тому времени уже значительно распространившегося на Руси.

Особо следует отметить включение в учитательную часть отрывков из житий русских святых: равноапостольных Владимира и Ольги, Бориса и Глеба, Антония и Феодосия Печерских, Леонтия Ростовского и др., статей из Киево-Печерского патерика, поучительного Слова Симеона епископа Тверского под 31 марта. Включение русских статей в назидательную часть СП свидетельствует, по нашему мнению, о вдумчивой работе переписчиков (в некоторых случаях мы можем говорить о редакторской работе), которые стремились показать русским людям примеры духовных подвигов и образцы добродетельной христианской жизни и русских святых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами текстологический анализ назидательных чтений 40 списков СП показывает, что именно дополнение на древнерусской почве южнославянских списков, в основе которых лежит греческий Стишной Синаксарь, назидательными чтениями, нравоучительными повестями, Словами отцов Церкви привело к образованию нового вида вначале богослужебного, а впоследствии четьюго сборника – Стишного Пролога, получившего достаточно широкое распространение на Руси. На древнерусской почве южнославянские списки, с которых переписывались новые рукописи СП, претерпели значительные изменения. Древнерусские книжники в памятной части в основном следовали традиции, но практически заново создали учительную часть СП, распределив чтения по дням года. При этом древнерусские книжники обращались к богатейшему наследию византийской литературы.

туры, переведенному к тому времени на славянский язык. Это была богослужебная, житийная, повествовательная, учительная литература, различные сборники устойчивого содержания, в том числе Пролог простой, появившийся на Руси дву-

мя веками ранее. Представляется важным и актуальным дальнейшее исследование назидательных чтений СП в плане сравнения с предполагаемыми источниками для определения объема заимствования и характера редактирования текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архиеп. Сергий. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. Восточная агиология. М., 1875. С. 216–289; 2-е изд. Владимир, 1901. Т. 1. С. 278–351.
- ² Петухов Е. В. Материалы и заметки по истории древнерусской письменности. К истории древнерусского Пролога. Т. 1. Киев, 1894.
- ³ Примеры стихословий: 1 марта. Зачало с Богом в очищении или соучинению в первый память святыя и преподобных мученици Евдокеи самарянини. Сх: *Не воду Евдокеа но кровь тебе Спасе от шия приносить марта в ѿ. Евдокии меч подъя.*
- 27 июня. Память святых мучеников Маркия и Маркии мечем скончавшихся: *Совокупившася имены Маркии и Маркия. Их же и мечное сечение соприобици.*
- ⁴ Список исследуемых рукописей.

Южнославянская редакция

1. Зогр-80 – СП, март–август, 1345–1360 г., болгарский, 1⁰: Зографский болгарский монастырь Святого Георгия.
2. БАН-76 – СП, январь–апрель, XVI в., сербский, 1⁰: Библиотека Болгарской академии наук.
3. НБКМ-1044 – СП, март–август, 1636 г., болгарский, 1⁰: Народная библиотека Кирилла и Мефодия (София).
4. НБКМ-166 – СП, март – 14 июля, XVII в., сербский, 256 л., 1⁰: Народная библиотека Кирилла и Мефодия (София).
5. НБКМ-552 – СП, март–август, XVII в., сербский, 281 л., 1⁰: Народная библиотека Кирилла и Мефодия (София).
6. НБКМ-143 – СП, март–июль, XVI в., сербский, 131 л., 1⁰: Народная библиотека Кирилла и Мефодия (София).
7. НБКМ-1041 – СП, март–август, 1554 г., смешанный болгарско-сербский, 343 л., 1⁰: Народная библиотека Кирилла и Мефодия (София).
8. НБКМ-1040 – СП, апрель – 9 августа, 1347–1356 гг., сербский, 189 л., 1⁰: Народная библиотека Кирилла и Мефодия (София).
9. А-13.7.13 – СП, 19 октября – март, XV в., болгарский, 450 л., 1⁰: ОР БАН. 13.7.13. Сырку.
10. СКП-31 – СП, март–август, первая пол. XV в., сербский, 1⁰, 292 л., ОР РГБ. Ф.789. Оп. 2, 31 (микрофильм). Подлинник находится в собрании Скопльской митрополии в Македонии.
11. А-24.3.90 – СП, отрывки, май–август, сер. XV в., болгарский, 17 л., 1⁰: ОР БАН. 24.3.90. Срезн.1.25.
12. А-34.7.7 – СП, март–май, 1607 г., сербский, 215 л., 1⁰: ОР БАН. 34.7.7.
13. Сырку-13.8.1 – СП, март–август, XV в., сербский, 1⁰, 295 л., ОР БАН, 13.8.1. Сырку.
14. Унд-82, Минея – СП на май, 1577 г., молдавский, 145 л., 1⁰: ОР РГБ. Собрание Ундельского. Ф. 310, 82.
15. Фол-753 – СП, 21 марта – 17 августа, XVI в., сербский, 150 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Основное. F.I.753.

Троице-Сергиевская редакция

16. С-704/812 – СП, март–август, 1631 г., русский, 714 л., 1⁰: ОР РНБ, Собрание Соловецкого монастыря. № 704/812.
17. Соф-1350 – СП, март–май, сер. XVI в., русский, 313 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Новгородского Софийского собора. № 1350.
18. Трц-715 – СП, март–май, первая треть XV в., русский, 366 л., 1⁰: ОР РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1. № 715.
19. Трц-716 – СП, март–июнь, XVI в., русский, 644 л., 1⁰: ОР РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1. № 716.
20. Трц-717 – СП, июнь–октябрь, 1429 г., русский, 438 л., 1⁰: ОР РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1. № 717.
21. Трц-718 – СП, июнь–октябрь, XVI в., русский, 675 л., 1⁰: ОР РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1. № 718.

Синодская редакция

22. СА-60/1426 – СП, март–август, 1630 г., русский, 524 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря (Анзерский скит). № 60/1426.
23. СА-1264 – СП, март–май, XV в., русский, 307 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1264.
24. СА-1281 – СП, март–май, XVI в., русский, 278 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1281.
25. СА-1297 – СП, май–август, нач. XVII в., русский, 360 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1297.

26. Соф-1349 – СП, март–май, 1 пол. / сер. XVI в., русский, 370 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Новгородского Софийского собора. 1349.
27. Фол-683 – СП, март–май, XV в., русский, 236 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Основное. F.I. 683.

Хутынская редакция

28. А-16.12.11 – СП, март–август, XVI в., русский, 555 л., 1⁰: ОР БАН. Собрание Основное. 16.12.11.
29. F.VI.9 – СП, 2 марта–август, 2 пол. XVI в., русский, 729 л., 1⁰: ОР ГПНТБ СО РАН (Новосибирск). F.VI. (Крсн.) 9.
30. ОЛДП F.212 – СП, март–май, XVI в., русский, 446 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Общества Любителей Древней Письменности (ОЛДП). F.536. F.212.
31. С-703/811 – СП, март–август, XVI в., русский, 489 л., 1⁰: Собрание Соловецкого монастыря. № 703/811.
32. СНА-1271 – СП, 6 марта – 27 мая, XV–XVI вв., русский, 310 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1271.
33. СНА-1613 – СП, май–август, нач. XVI в., русский, 341 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 4, 1613.
34. СНА-3935 – СП, март–май, XV в., русский, 348 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 3, 3935.
35. Тит-239 – СП, март–май, XVI в., русский, 430 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Титова. № 239.
36. Тит-1217 – СП, март–май, XVI в., русский, 394 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Титова. № 1217.
37. УЦ-147 – СП, 12 марта – август, русский, кон. XVI в., 528 л., 1⁰: ИРЛИ. Собрание Усть-Цилемское. № 147.
38. Фол-374 – СП, март–май, XVI в., русский, 548 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Основное. F.I.374.

Устюжская редакция

39. СНА-1282 – СП, март–май, кон. XVI в., русский, 254 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1282.
40. СНА-1294 – СП, февраль–май, XVII в. (1669?), русский, 334 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1294.

⁵ Петров Н. И. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога (иноземные источники) // Труды Киевской духовной академии. Т. 2–3. Киев, 1875. С. 49.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Давыдова С. А. Патериковые чтения в составе древнерусского Пролога // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 43. Л.: Наука, 1990. С. 263–281.
- Жуковская Л. П. Проложное житие Афанасия и Кирилла Александрийских (Наблюдение над текстом и языком списков) // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1991. С. 60–72.
- Жуковская Л. П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога: (избранные византийские, русские и инославянские статьи) // Славянское языкознание. IX Междунар. съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 110–120.
- Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.
- Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т. Н. Протасьева. Новосибирск: Наука, 1980. 233 с.
- Сперанский М. Н. К истории взаимоотношений русской и юго-славянских литератур // Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей / Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. М.: Учпедгиз, 1960. С. 7–55.
- Турилов А. А. К вопросу о болгарских источниках Русского хронографа // Летописи и хроники: [Сб. ст.] / Ин-т истории СССР АН СССР. М.: Наука, 1984. С. 20–24.
- Турилов А. А. Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV–XVI вв. // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978. С. 39–50.
- Фет Е. А. Новые факты к истории древнерусского Пролога // Источниковедение литературы Древней Руси: [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); [Редкол.: Д. С. Лихачев (отв. ред.) и др.]. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 53–70.
- Чистякова М. В. О редакциях церковнославянского Пролога // *Slavistica Vilnensis*. 2013. Kalbotyra 58 (2). Р. 35–58.
- Чистякова М. В. Предварительный сводный каталог церковнославянских проложных текстов = Preliminarius suvestinis bažnytinio slavų sinaksaro tekstu katalogas / Сост. Марина Чистякова; [Отв. ред. С. Темчинас]. Вильнюс: Lietuvių kalbos institutas, 2013. Т. 1: Сентябрь = Т. 1: Rugsėjis. 2013. 501 с.
- Чистякова М. В. Предварительный сводный каталог церковнославянских проложных текстов = Preliminarius suvestinis bažnytinio slavų sinaksaro tekstu katalogas / Сост. Марина Чистякова; [Отв. ред. С. Темчинас]. Вильнюс: Lietuvių kalbos institutas, 2013. Т. 2: Октябрь = Т. 2: Spalis. 2016. 618 с.
- Чистякова М. В. Текстология вильнюсских рукописных прологов: сентябрь – ноябрь. Вильнюс, 2008. 478 с.
- Щеглова О. Г. Славяно-русская рукописная традиция Стишного Пролога: Типологическая классификация списков // Источниковедение литературы и языка (археография, текстология, поэтика): Сб. науч. ст. / Гос. публичная науч.-техн. библиотека Сибирского отд-ния Рос. акад. наук, Новосибирский гос. ун-т; Сост. и отв. ред.: Е. И. Дергачева-Скоп, В. В. Подопригора. Новосибирск, 2022. С. 217–233.

15. Čistiakova M. Preliminarus suvestinis bažnytinio slavų Sinaksaro tekstu katalogas = Предварительный сводный каталог церковнославянских прологовых текстов. 3 tomas: lapkritis = ноябрь, Vilnius, 2019. 608 p.
16. Čistiakova M. Preliminary consolidated catalogue of Church Slavonic Prologue texts. Volume 4: December / Preliminarus suvestinis bažnytinio slavų Prologo tekstu katalogas. 4 tomas: Gruodis. Vilnius: Institute of the Lithuanian Language, 2024.
17. Follieri E. I calendari in metro innografico di Cristoforo Mitileneo. Societe des Bollandistes. T. 1–2. Bruxelles, 1980 (Subsidia Hagiografica, No 63).
18. Mošin V. Slavenska redakcija prologa Konstantina Mokisijskogu svetlosti visantijsko-slovenskih odnosa XII–XIII vijeka // Zbornik Historijskog instituta Jugoslovenske akademije, II. Zagreb, 1959. C. 17–68.
19. Павлова Р. Станиславов (Лесновски) пролог от 1330 г. В. Търново, 1999. 343 с.
20. Петков Г. Стишният пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV–XV век) археография, текстология и издание на проложните стихове. Пловдив: Пловдивско унив. изд-во, 2000. 558 с.

Поступила в редакцию 21.11.2025; принята к публикации 24.12.2025

Original article

Olga G. Shcheglova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4358-2680; scheglova@post.nsu.ru

FROM THE GREEK VERSE SYNAKARION TO THE OLD RUSSIAN STISHNOY PROLOGUE: TEXTUAL ISSUES

A b s t r a c t. This article aims to demonstrate that the Greek Verse Synaxarion, the foundation of the Slavic Stishnoy Prologue, underwent significant textual modifications during its development and use in Russia. The study analyzes 40 copies of the Stishnoy Prologue from the spring half of the year. When transcribing the commemorative section of the Stishnoy Prologue, Old Russian scribes generally sought to preserve tradition, although innovations occasionally appeared in these texts. The most notable textual variations primarily affected the didactic portion of the Stishnoy Prologue, which was largely created by Old Russian scribes. Our findings indicate that these scribes were well-versed in a large body of Byzantine literature and frequently incorporated it to enrich the Stishnoy Prologue with moral teachings, stories, and messages from the Church Fathers. Additionally, they contributed original Old Russian works to the text of the Prologue. The author suggests that the selection of edifying readings serves as the primary criterion for distinguishing different versions of the Stishnoy Prologue. The Prologue copies from the spring half of the year are represented by five variants. Further research into the sources of the didactic content of the Stishnoy Prologue will enable a comparison between its didactic readings and their original texts, shedding light on dynamic processes affecting both the content and language of the texts under study.

Key words: Verse Synaxarion, Stishnoy Prologue, Stishnoy Prologue versions, textual changes, edifying readings

For citation: Shcheglova, O. G. From the Greek Verse Synaxarion to the Old Russian Stishnoy Prologue: textual issues. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):97–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1271

REFERENCES

1. Davydova, S. A. Patericon readings as part of the Old Russian Prologue. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 43. Leningrad, 1990. P. 263–281. (In Russ.)
2. Zhukovskaya, L. P. *The Prologue of the Lives of Athanasius and Cyril of Alexandria* (Observations on the text and language of the versions). *Sources on the history of the Russian language of the XI–XVII centuries*. Moscow, 1991. P. 60–72. (In Russ.)
3. Zhukovskaya, L. P. Textual and linguistic study of the Prologue: (Selected Byzantine, Russian, and Slavic Articles). *Slavic linguistics. The IX International Congress of Slavists. Kiev, September 1983. Reports of the Soviet delegation*. Moscow, 1983. P. 110–120. (In Russ.)
4. Kloss, B. M. *The Nikon Chronicle* and Russian chronicles of the XVI and the XVII centuries. Moscow, 1980. 312 p. (In Russ.)
5. Description of the manuscripts of the Chudov Monastery collection. (T. N. Protasyeva, Comp.). Novosibirsk, 1980. 233 p. (In Russ.)
6. Speransky, M. N. On the history of relations between Russian and South Slavic literatures. *From the history of Russian-Slavic literary relations*. Moscow, 1960. P. 7–55. (In Russ.)

7. Turilov, A. A. On the Bulgarian sources of the *Russian Chronograph. Annals and chronicles: Collection of articles*. Moscow, 1984. P. 20–24. (In Russ.)
8. Turilov, A. A. Original South Slavic works in Russian literature of the XV and the XVI centuries. *Theory and practice of source studies and archeography of Russian history*. Moscow, 1978. P. 39–50. (In Russ.)
9. Fet, E. A. New facts about the history of the Old Russian Prologue. *Source studies of Old Russian literature: Collection of articles*. (D. S. Likhachev, Ed.). Leningrad, 1980. P. 53–70. (In Russ.)
10. Chistyakova, M. V. About the editions of the Church Slavonic Synaxarion. *Slavistica Vilnensis*. 2013;58(2):35–58. (In Russ.)
11. Chistyakova, M. V. Preliminary consolidated catalogue of Church Slavonic Prologue texts = Preliminarius suvestinis bažnytinio slavų sinaksaro tekstu katalogas. Vol. 1: September. Vilnius, 2013. 501 p. (In Russ.)
12. Chistyakova, M. V. Preliminary consolidated catalogue of Church Slavonic Prologue texts = Preliminarius suvestinis bažnytinio slavų sinaksaro tekstu katalogas. Vol. 2: October. Vilnius, 2016. 620 p. (In Russ.)
13. Chistyakova, M. V. Textology of the Vilnius hand-written prologues: September – November. Vilnius, 2008. 478 p. (In Russ.)
14. Shcheglova, O. G. The Slavic-Russian manuscript tradition of the Stishnoy Prologue: Typological classification of versions. *Source studies of literature and language (archeography, textology, poetics): Collection of articles*. (E. I. Dergacheva-Skop, V. V. Podoprigora, Eds.). Novosibirsk, 2022. P. 217–233. (In Russ.)
15. Čistiakova, M. Preliminarius suvestinis bažnytinio slavų Sinaksaro tekstu katalogas = Preliminary consolidated catalogue of Church Slavonic Prologue texts. 3 tomas: lapkritis = November. Vilnius, 2019. 608 p.
16. Čistiakova, M. Preliminary consolidated catalogue of Church Slavonic Prologue texts. Volume 4: December = Preliminarius suvestinis bažnytinio slavų Prologo tekstu katalogas. 4 tomas: Gruodis. Vilnius, 2024.
17. Follieri, E. I calendari in metro innografico di Cristoforo Mitileneo. Societe des Bollandistes. T. 1–2. Bruxelles, 1980 (Subsidia Hagiografica, No 63).
18. Mošin, V. Slavenska redakcija prologa Konstantina Mokisjskogu svetlosti visantijsko-slovenskih odnosa XII–XIII vijeka. *Zbornik Historijskog instituta Jugoslovenske akademije, II*. Zagreb, 1959. C. 17–68.
19. Pavlova, R. Stanislav (Lesnovo) Prologue of 1330. Veliko Tarnovo, 1999. 343 p.
20. Petkov, G. The Stishnoy Prologue in Old Bulgarian, Serbian, and Russian literature (XIV–XV centuries) archeography, textology and editions of the Prologue. Plovdiv, 2000. 558 p.

Received: 21 November 2025; accepted: 24 December 2025

АННА ОЛЕГОВНА ЗАХАРЧЕНКО

аспирант, специалист по учебно-методической работе кафедры классической филологии
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
преподаватель кафедры классической филологии
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Российская Федерация)
anna.zakharchenko.jim@gmail.com

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТИЯ PERCULSUS У САЛЛЮСТИЯ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ АРХАИЗАЦИИ СТИЛЯ

Аннотация. Рассмотрены случаи употребления Саллюстием причастия *perculsus*. Выбор именно этой лексемы вызывает особый интерес ввиду того, что она не встречается ни у предшественников Саллюстия, писавших в жанре исторической прозы, ни у его современников. В статье показано, что такое словоупотребление ориентировано на узус архаических поэтов, в частности Энния. Саллюстий, применяя различные средства для архаизации своих текстов, избирает слово, присущее эпическому языку, придавая прозе особую стилистическую окраску, что ранее не исследовалось. Особую художественную ценность употреблению причастия *perculsus* придает вариативность его положения внутри причастной клаузы: оно может стоять и в начале, и в середине, и в конце. Такая подвижность особенно ярко выделяет лексему на фоне прочих причастий, образованных от глаголов эмоционального состояния, которые использует Саллюстий в своей прозе: их позиция всегда фиксирована на конце причастного оборота. Сделан вывод, что после Саллюстия причастие *perculsus* начинает часто встречаться у авторов жанра исторической прозы, в частности у Тита Ливия, что говорит о влиянии Саллюстия на его последователей.

Ключевые слова: причастие, причастный оборот, историческая проза, архаизация, Саллюстий

Для цитирования: Захарченко А. О. Употребление причастия *perculsus* у Саллюстия как одно из средств архаизации стиля // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 106–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1272

ВВЕДЕНИЕ

Самым распространенным типом причастия, которое используется в произведениях, написанных в жанре исторической прозы на латинском языке, является *participium perfecti passivi*. Оно выступает в качестве определения при субъекте или – реже – объекте главного действия, выраженного глаголом. Такое причастие может быть аналогом придаточного предложения [6: 266], [10: 25], поэтому позволяет описать несколько происходящих последовательно действий в более сжатой форме, чем при использовании подчинительной связи. Например:

«*Diviciacus multis cum lacrimis Caesarem complexus obsecrare coepit ne quid gravius in fratrem statueret*» (Caes. b. G. I 20, 1) ‘Дивициак, проливая слезы, *обняв* = *после того как обнял* [колени] Цезаря, начал умолять не принимать суровых решений по отношению к его брату’ (здесь и далее переводы с латинского языка выполнены автором статьи).

Причастный оборот здесь является устанавливающей составляющей (setting constituent) [10: 856], которая указывает, когда или где (и при каких обстоятельствах) происходит основное действие [4: 352], [12: 106].

Среди причастий, определяющих субъект у римских авторов начиная с классической эпохи, особенно рельефно своей многочисленностью и частотностью выделяются *participia perfecti passivi*, образованные от глаголов эмоционального состояния и выражющие мотивировку основного действия. Например, у Цицерона они составляют больше 50 % всех причастных употреблений, согласно исследованию Эрика Лаутона [7: 5].

Обычно у авторов латинской прозы встречаются причастия *adductus*, *inductus*, *commotus*, *impulsus*, *doctus*, *coactus*, *victus*, обозначающие вынужденный характер действия, выраженного

финитной глагольной формой. Все эти причастия синонимичны и в зависимости от контекста будут переводиться как ‘побужденный / вынужденный / взволнованный чем-либо’. Приведем примеры:

«*His rebus impulsus equitatum omnem prima nocte ad castra hostium mittit ad flumen Bagradam*» (Caes. b. c. II 38, 3) ‘Вынужденный этими обстоятельствами, он посыпает всю конницу с наступлением ночи к лагерю неприятеля у реки Баграды’; «*Et nostri illi fortis viri, sed rustici ac milites, dulcedine quadam gloriae commoti, quasi participes eiusdem laudis, magno illud clamore approbaverunt?*» (Cic. *Arch.* 24) ‘И эти наши храбрые, но неотесанные солдаты, побужденные некой сладостью славы, будто бы и к ним относится эта похвала, одобрили это с громкими криками?’.

Мы рассмотрели perfectные причастия, которые используются Саллюстием в его сочинениях [5], [11], и пришли к выводу, что чаще всего из причастий эмоционального состояния используется *percusus* (‘пораженный / потрясенный’). Оно встречается в прозе Саллюстия 17 раз: в «*Coniuratio Catilinae*» 2 раза, в «*Bellum Iugurthinum*» 11 раз и в дошедших до нашего времени фрагментах «*Historiae*» 4 раза. Такое предпочтение особенно контрастно в сравнении с количеством употреблений Саллюстием других причастий той же семантической группы, переводящихся как ‘взволнованный / вынужденный’: *commotus* используется 2 раза, *permotus* – 5 раз, *incitatus* – 1 раз, *concitatus* – 1 раз, *excitus* – 1 раз, *impulsus* – 1 раз, *captus* – 2 раза, *exagitatus* – 1 раз, *incensus* – 1 раз, *adductus* – 4 раза, *inductus* – 2 раза.

Выбор Саллюстием именно этого причастия от глаголов эмоционального состояния для частого использования представляет особый интерес, поскольку *percusus* очень редко используется в произведениях предшественников и современников автора. В прозе Цезаря встречается лишь один пример употребления этого причастия (Caes. b. c. III 47), Цицероном оно используется считанные разы в особо эмоционально окрашенных пассажах речей (Cic. *Quinct.* 20; Cic. *Mir.* 49; Cic. *Marc.* 23). Из этого следует вывод, что такой узус не может быть объяснен следованием уже сложившимся тенденциям в латинской прозе [8: 79].

Саллюстий, как известно, прибегает к различным способам архаизации языка исторической прозы [2: 244–246]. Они заметны во всех произведениях автора, так как затрагивают в том числе область орфографии: Саллюстий использует устаревшее для его времени написание «*maxitum*» вместо «*maximum*» и «*lubido*» вме-

сто «*libido*». Стремление автора к архаизации проявляется и в морфологии. Так, он использует perfectные формы для третьего лица множественного числа на *-ere*, а не на *-erunt*, как его современники. Не менее показательно и словоупотребление Саллюстия, который выбирает уже не использовавшиеся в I веке до нашей эры слова и выражения. Иллюстративно в этом отношении его употребление словосочетания «*ea tempestate*» вместо «*eo tempore*» в значении ‘в это время’. Такое использование засвидетельствовано, например, в декрете Эмилия Павла начала II века до нашей эры. В современном же Саллюстию языке слово *tempestas* уже означало не ‘время’, а ‘буря’. За подобную степень приверженности архаическому узусу Саллюстий даже подвергался нападкам современников, в частности Азиния Поллиона, который в язвительной манере высказался о словоупотреблении автора как о «*кряжистых словечках*», взятых из произведений Катона Старшего [1: 492]. Это свидетельствует о том, что уху римлянина классической эпохи, несомненно, были непривычны некоторые из использованных Саллюстием слов. Очевидно, отбор форм производился тщательно и с ориентацией на предшественников, что создает особую стилизацию прозы Саллюстия. Однако, как будет показано ниже, источниками вдохновения для автора служили не только представители жанра исторической прозы.

Причастие *percusus* не было стилистически нейтральным: об этом свидетельствует, например, его употребление архаическим поэтом Эннием [3]:

«...quo facto pater
rex ipse Priamus somnio mentis metu
percusus curis sumptus suspirantibus
exsacrificabat hostiis balantibus»
(Enn. *Sc.* 36–39 Vahlen; apud Cic. *div.* I 42)
‘...Приам, пораженный из-за сновидения страхом,
приносил в жертву...’

Цицерон в поэме «*De consulatu suo*», отрывок из которой он цитирует в трактате «*De divinatione*» (и в нем же использует приведенный выше фрагмент поэмы Энния), также употребляет причастие *percusus*:

«Aut cum terribili *percusus* fulmine civis
Luce serenanti vitalia lumina liquit?»
(Cic. *consulatus*, fr. 10 Courtney. 23–24)
‘Или почему гражданин, пораженный
ужасной молнией, оставил жизнь?’.

Поэты эпохи Августа избегают использования формы *percusus*, предпочитая ей причастие

percussus. Овидий не использует percussum вовсе, Гораций – только единожды:

«Tacent et albus ora pallor inficit
mentesque percussae stupent»
(Hor. Ep. VII 15)

‘Молчат, и лица бледнеют, и умы, *пораженные, цепенеют*’.

Вергилий также предпочитает использовать причастие percussus. Percussum у него встречается лишь в одном спорном месте:

«Obstipuit simul ipse simul *percussus Achates*
laetitiaque metuque; avidi coniungere dextras
ardebant; sed res animos incognita turbat»
(Verg. Aen. I 513–515)

‘Замер и он, и Ахат, *пораженный радостью и страхом...*’

Контекст приведен по изданию Джеймса Гриноу 1900 года¹. В то же время авторитетное издание Роджера Майнорса 1969 года² дает вариант «*percussus Achates*». Такого же чтения придерживается и Марио Жаймона в издании 1973 года³.

Дискуссия о том, percussum или percussus используется у конкретного автора, порожденная особенностями рукописной традиции, основывается также на переплетении смыслов и возможности переводить оба как ‘пораженный’. Часто причастие percussum связывают с ментальным потрясением, а percussus – с физическим [9: 56].

Важно также отметить, что в прозе Тита Ливия, проявившего большое новаторство в обращении с причастными формами [13: 312], [14: 72], устаревшее причастие percussum встречается часто, иногда по 6–8 раз на одну книгу «*Ab Urbe condita*». Таким образом, Саллюстий выбирает слово, присущее языку архаической эпической поэзии, и вводит его в свое повествование для архаизации стиля, а затем то же причастие Тит Ливий перенимает для подобных целей уже в своей исторической прозе.

Теперь рассмотрим, как функционирует причастие percussum у Саллюстия. Автор в основном использует причастие с одним-двумя зависимыми словами, например:

«Nam ceteri *metu percussi* a periculis aberant» (Sall. Cat. 6, 3) ‘Ведь прочие, *пораженные страхом*, держались подальше от опасностей’; «At nostri *repentino metu percussi* sibi quisque pro moribus consulunt» (Sall. Jug. 58, 2) ‘Наши, *пораженные внезапным страхом*, думали лишь о себе’.

Примерно такого же использования придерживается и Тит Ливий, несмотря на свою любовь к длинным причастным оборотам:

«*Quo metu percussae minores civitates stipendio imposito imperium acserere*» (Liv. XXI 5, 4) ‘Пораженные страхом перед этим, мелкие племена приняли подданство и обязательства выплачивать дань’.

Ливий отходит от узуса Саллюстия только в отношении использования причастия percussum в косвенных падежах, что у Саллюстия не встречается вовсе:

«*Igitur praeparatis animis repantino pavore percuslos adorti aliquanto pauciores multitudinem ingentem fundunt*» (Liv. III 8, 9) ‘Напав, подготовившись, на *пораженных внезапным страхом*, разбили, будучи в меньшинстве, большое количество врагов...’

В основной позиции причастий от глаголов эмоционального состояния со значением ‘взволнованный / вынужденный’, таких как commotus, permotus, incitatus, impulsus, adductus, etc., в «*Coniuratio Catilinae*», «*Bellum Iugurthinum*» и «*Historiae*» фиксирована: они ставятся в конце причастного оборота (cf. Sall. Cat. 29, 1; Sall. Jug. 9, 3; Sall. Jug. 66, 4; Sall. Cat. 51, 4; Sall. Cat. 40, 4), что отвечает уже сформировавшимся на момент творческого становления Саллюстия тенденциям в синтаксисе исторической прозы. В этой связи особенно примечательно, что причастие percussum Саллюстий ставит то в начало причастного оборота, то в середину, то в конец. Несомненно, это является одним из средств выразительности и риторическим украшением высказывания. Рассмотрим несколько вариантов положения percussum внутри причастного оборота:

1. «*Oppidani, qui se locorum asperitate munitos crederant, magna atque insolita re percussi, nihil segnius bellum parare; idem nostri faceret*» (Sall. Jug. 75, 10) ‘Горожане, которые верили, что они защищены труднопроприхой местностью, *пораженные масштабом и новизной происходящего*, без промедления готовились к войне’.

2. «*Nobilitas noxia atque eo percussa modo per socios ac nomen Latinum, interdum per equites Romanos, quos spes societatis a plebe dimoverat, Gracchorum actionibus obviam ierat*» (Sall. Jug. 42, 1) ‘Знать, виновная и *из-за этого обеспокоенная* <...> выступала против действий Гракхов’.

3. «*Milites Romani, percussi tumultu insolito, arma capere alii, alii se abdere, pars territos confirmare*» (Sall. Jug. 38, 5) ‘Римские солдаты, *встревоженные неожиданным переполохом*, одни хватались за оружие, другие прятались, третьи ободряли испуганных’.

ВЫВОДЫ

Проанализировав использование причастия percussum в прозе Саллюстия, мы приходим к выводу, что оно было почерпнуто автором из языка эпической архаической поэзии, в частности

из поэм Энния. Выбор именно этого причастия среди образованных от глаголов эмоционального состояния для частого использования не случаен. Саллюстий выбирает слово, уже неупотребительное к I веку до нашей эры, и вводит его в свое повествование для архаизации стиля исторической прозы и его особой риторической отделки. Обычно у Саллюстия *percensus* используется в конце причастного оборота, как и прочие причастия от глаголов эмоционального состояния. Иногда он варьирует положение *percensus*, ставя его в начало или конец оборота. За счет подобной перестановки фраза становится более ритори-

чески украшенной. Таким образом, причастие *percensus*, наряду с использованием сочетания «ea tempestate» вместо «eo tempore», относится к словоупотреблениям, которые Саллюстий черпает из произведений своих далеких предшественников и употребляет вызывающее часто для архаизации языка, тем самым задавая тенденцию выбора лексем в жанре исторической прозы. Это хорошо заметно по сочинениям Тита Ливия, который, несмотря на большое количество нововведений, в том числе в рамках синтаксиса причастных конструкций, продолжает использовать архаическое причастие *percensus* довольно часто.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Greenough J. B. *Bucolics, Aeneid, and Georgics* of Vergil. Boston, 1900.

² Mynors R. A. B. *Vergili Maronis Opera*. Oxford, 1969.

³ Geymonat M. P. *Vergili Maronis Opera*. Turin, 1973.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбрехт М. фон. История римской литературы / Пер. А. И. Любжина. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2002. Т. 1. 704 с.
2. Constans L. *De sermone Sallustiano*. Paris, 1880. 298 p.
3. Courtney E. *The fragmentary Latin poets*. Edited with commentary. Oxford, 2003. 540 p.
4. Draeger A. *Historische Syntax der lateinischen Sprache*. Leipzig, 1874. 716 S.
5. Kurfess A. C. *Sallusti Crispi Catilina Iugurtha Fragmenta ampliora*. Lipsiae: In aedibus Teubneri, 1957. 200 p.
6. Kühnast L. *Die Hauptpunkte der livianischen Syntax*. Berlin, 1871. 402 S.
7. Laughton E. *The participle in Cicero*. Oxford, 1964. 161 p.
8. Löffstedt E. *Syntactica: Studien und Beiträge zur historischen Syntax des Lateins*. Teil II. Syntaktisch-stilistische Gesichtspunkte und Probleme. 2. Aufl. Lund, 1933. 492 S.
9. Merivale C. *Caii Sallusti Crispi Catilina*. London, 1879. 128 p.
10. Pinkster H. *The Oxford Latin syntax*. Vol. II. Oxford, 2021. 1438 p.
11. Ramsey J. T. *Sallust's Bellum Catilinae*. Edited, with introduction and commentary. Oxford, 2007. 280 p.
12. Riemann O. *Études sur la langue et la grammaire de Tite-Live*. 2 ed. Paris, 1885. 240 p.
13. Traina A., Bertotti T. *Sintassi normativa della lingua latina*. Teoria. Terza edizione. Ristampa anastatica. Bologna, 2015. 520 p.
14. Woodcock E. C. *A new Latin syntax*. London, 1962. 291 p.

Поступила в редакцию 15.07.2025; принята к публикации 24.12.2025

Original article

Anna O. Zakharchenko, Postgraduate Student, Teaching Assistant, Lomonosov Moscow State University, Teacher, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)
anna.zakharchenko.jim@gmail.com

SALLUST'S USE OF THE PARTICIPLE *PERCUSUS* AS ONE OF THE MEANS OF STYLE ARCHAIZATION

A b s t r a c t. This article examines instances of Sallust's use of the participle *percensus*. The frequent selection of this particular lexeme is of particular interest given that it is absent from both Sallust's predecessors in the genre of historical prose and his contemporaries. The article suggests that Sallust's choice of this word aligns with the poetic language of archaic poets, in particular Ennius. By employing various means to archaize his prose, Sallust deliberately incorporates a word rooted in the epic language, thereby adding a distinctive stylistic refinement to his writing. The use of the participle *percensus* is particularly valuable due to its flexible placement within participial clauses: it can appear at the beginning, in the middle, or at the end. This positional mobility sets it apart from other participles derived from verbs

of emotional states used by Sallust in his prose, which always occur at the end of their respective participial clauses. A key conclusion of the study is that, following Sallust, the participle *percusus* begins to be frequently used by other authors of historical prose, in particular Titus Livy, indicating Sallust's influence on his successors in terms of word choice and usage.

Keywords: participle, participial clause, historical prose, archaization, Sallust

For citation: Zakharchenko, A. O. Sallust's use of the participle *percusus* as one of the means of style archaization. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):106–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1272

REFERENCES

1. Albrecht, M. von. History of Roman literature. (A. Lubzhin, Transl.). Vol. 1. Moscow, 2002. 704 p. (In Russ.)
2. Constans, L. De sermone Sallustiano. Paris, 1880. 298 p.
3. Courtney, E. The fragmentary Latin poets. Edited with commentary. Oxford, 2003. 540 p.
4. Draeger, A. Historische Syntax der lateinischen Sprache. Leipzig, 1874. 716 S.
5. Kurfess, A. C. Sallusti Crispi Catilina Iugurtha Fragmenta ampliora. Lipsiae: In aedibus Teubneri, 1957. 200 p.
6. Kühnast, L. Die Hauptpunkte der livianischen Syntax. Berlin, 1871. 402 S.
7. Laughton, E. The participle in Cicero. Oxford, 1964. 161 p.
8. Löffstedt, E. Syntactica: Studien und Beiträge zur historischen Syntax des Lateins. Teil II. Syntaktisch-stilistische Gesichtspunkte und Probleme. 2. Aufl. Lund, 1933. 492 S.
9. Merivale, C. Caii Sallusti Crispi Catilina. London, 1879. 128 p.
10. Pinkster, H. The Oxford Latin syntax. Vol. II. Oxford, 2021. 1438 p.
11. Ramsey, J. T. Sallust's Bellum Catilinae. Edited, with introduction and commentary. Oxford, 2007. 280 p.
12. Riemann, O. Études sur la langue et la grammaire de Tite-Live. 2 ed. Paris, 1885. 240 p.
13. Traina, A., Bertotti, T. Sintassi normativa della lingua latina. Teoria. Terza edizione. Ristampa anastatica. Bologna, 2015. 520 p.
14. Woodcock, E. C. A new Latin syntax. London, 1962. 291 p.

Received: 15 July 2025; accepted: 24 December 2025

АНТОН АНДРЕЕВИЧ НИКИТИН

аспирант Института международных отношений, истории и востоковедения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
научный сотрудник

Национальный музей Республики Татарстан
(Казань, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5923-1140; anton.nikitin.14@mail.ru

НЕИЗДАННЫЙ КУРС «ГРЕЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДРЕВНОСТИ» Д. Ф. БЕЛЯЕВА

А н н о т а ц и я . Представлен историографический разбор литографированного курса лекций казанского профессора Д. Ф. Беляева «Греческие государственные древности», хранящегося в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. Этот не введенный в научный оборот источник, являясь высшей формой концептуализации знания педагога, содержит информацию об уровне методологической культуры и эрудированности ученого и концептуальные положения, позволяющие реконструировать историографический быт Д. Ф. Беляева. Проведенный анализ основан на определении ключевых проблем курса, связывающихся с предшествующей научной традицией и интеллектуальным опытом исследователя, и позволяет установить степень оригинальности авторской концепции. Ключевым положением проведенного исследования является выявление оснований методики казанского ученого и ее влияния на характер полученных результатов. Делается вывод как о новаторском характере примененного Д. Ф. Беляевым подхода, позволившего добиться глубоких результатов в процессе научного творчества, так и о его экспериментальном характере, успешно выразившемся в капитальном труде ученого «Byzantina».

К л ю ч е в ы е с л о в а : Д. Ф. Беляев, Императорский Казанский университет, византистика, антиковедение, литографированный курс, университетский устав 1883 года, греческие древности

Д л я ц и т и р о в а н и я : Никитин А. А. Неизданный курс «Греческие государственные древности» Д. Ф. Беляева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 111–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1273

ВВЕДЕНИЕ

В современной отечественной историографии наблюдается устойчивый рост интереса ученых к институциональной истории отечественного дореволюционного антиковедения [15]. Выходят монографии и отдельные статьи, организуются переиздания капитальных трудов корифеев латинской и греческой словесности, предпринимаются попытки установления специфики русской науки об античности и ее места в мировом гуманитарном знании [3], [6], [12], [13]. Среди этого массива исследований стоит отметить работы, посвященные биографиям отдельных антиковедов [1], [8], [11], появление которых обусловлено прежде всего стремлением историков понять научное творчество через призму жизненного пути его создателей. Одним из примеров этой тенденции может послужить разработка научной биографии крупного казанского эллиниста, доктора греческой словесности Дми-

трия Федоровича Беляева [2], [9], [10]. Среди его научного наследия необходимо отметить ранее не рассматриваемый историографами литографированный курс «Греческие государственные древности»¹, хранящийся в настоящее время в научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. Указанный курс лекций представлен в виде небольшой книги в твердом переплете, датированной 1886 годом. К сожалению, ни прямых указаний на личность составителя лекций, ни намеков на него в самих записях мы не увидим. Можно лишь точно утверждать, что это был не сам Д. Ф. Беляев, поскольку готовивший издание человек явно отличает себя от автора университетского курса. С внешней стороны это подтверждается особенностями почерка: аккуратный, легко читаемый, с небольшим наклоном вправо – никак не сравнится с той «каллиграфией», которая так характерна для стиля Д. Ф. Бе-

ляева. Вероятно, это был бывший семинарист. К такому предположению я пришел в процессе изучения особенностей письма. Многие знаменательные слова имеют запись в виде характерных для церковнославянского языка сокращений с титлом. Эта крайне удобная с позиции экономии материального ресурса (бумаги) и письменной практики система отражена во всем тексте, свидетельствуя о том, что человек, применявший ее, в совершенстве владел ею. Для кого предназначались эти лекции? Как правило, тексты университетских курсов могли литографироваться и издаваться за счет средств самих студентов как пособие для подготовки к экзаменам. 1886 год – время активного внедрения известного университетского устава², в котором проводилась идея насаждения классического образования на историко-филологических факультетах. Некоторые курсы на историко-филологических факультетах российских университетов, не затрагивавшие античность, сокращались или исключались ради увеличения количества часов для преподавания древней словесности, литературы и древностей³. Для контролирования качества образовательного процесса вводились ежегодные поверочные испытания, способные в случае их провала лишить студентов не только стипендии, но и места в университете. В таком случае потребность обучающихся в подобном пособии могла бы представляться более чем актуальной.

Рассматриваемый курс посвящен изложению греческих государственных древностей⁴. Курс состоит из 19 лекций без каких-либо сокращений или пропусков. Содержание вступительной лекции важно для понимания методологических взглядов ученого, поскольку именно в ней он вводит понятие «древности», определяет их природу, источники изучения, а также перечь пособий для студентов. Принимая во внимание ограниченность времени семестра, Д. Ф. Беляев сознательно ограничивается изложением древностей только гомеровского периода и спартанского государства. Лекции 2–12 (л. 6–82) охватывают своим содержанием древности гомеровской эпохи. Ученый обстоятельно рассматривает древности политические, промыслы, военные древности, богослужебные, семейный быт. Больше всего внимания он уделяет древностям политическим и промыслам – по три лекции. Вторая половина курса – лекции с 13-й по 19-ю (л. 82–142) – характеризует древности спартанского государства. Д. Ф. Беляев намеренно начинает свою первую лекцию о Спарте не с государственных древностей, а с характеристики основных

социальных групп. Курс завершается анализом причин гибели спартанского государства.

Остановимся на предшественниках ученого в данной области исследований. В этом отношении необходимо поднять вопрос о содержании термина «древности» в российском антиковедении конца XIX века. Это слово является буквальным переводом существительного *Altertümter*, появившегося в тезаурусе немецкого языка в первой половине XIX века и обозначавшего материальные объекты и литературную традицию, относящиеся к древней истории. С легкой руки В. Ваксмута⁵ термин вошел в научный дискурс историков и филологов, заняв благодаря обозначению непосредственно предмета научного исследования центральное место. Вслед за монографией В. Ваксмута появляется целый ряд работ, посвященных «древностям» за авторством таких светил немецкого антиковедения, как К. Ф. Герман, Г. Шёман, В. Беккер и др.⁶ Российское антиковедение, ориентированное в своих методологических и тематических исканиях на немецкое – ведущее в то время, подхватило эту тенденцию. В концепции первого отечественного опубликованного опыта изложения классических древностей антиковеда К. Ф. Страшкевича древности представляются как все результаты, все следствия жизни древних людей, охватывая сферы общественной и частной жизни и имея своей непосредственной целью изображение картины жизни древнего общества⁷. Схожее определение древностям давал и его преемник, 25-летняя восходящая звезда отечественной археологии В. В. Латышев⁸.

Мы видим полное единодушие ученых в представлении о вспомогательном статусе курса греческих древностей, выражавшемся в стремлении дать учащимся (прежде всего гимназистам) прочную фактическую основу для понимания содержания текстов классических авторов⁹. На мой взгляд, это согласие весьма симптоматично, поскольку отражает глубинные процессы и тенденции, назревавшие в отечественном антиковедении к концу века. Речь идет о столкновении между «филологическим» и «историко-культурным» подходами в отечественном антиковедении [4: 257], [12: 235] в вопросах выбора методики исследования древностей, а также определения их места среди иных источников. Под влиянием совокупности обстоятельств, в число которых входили успехи исторической науки, обращение к опыту смежных научных направлений, падение интереса к «чистой» филологии и неудача в насаждении политики «классицизма», происходит усиление позиций

культурно-исторического подхода [4: 83]. Немаловажную роль в этом процессе играли и заграничные командировки российских антиковедов в Западную Европу, способствовавшие заимствованию у европейских коллег современного взгляда на статус и задачи антиковедения [5: 80–81]. Некоторые российские классики выступают против приоритета литературного изучения памятников письменной традиции, исключительного интереса к грамматическому и этимологическому анализу, продвигая необходимость изучения древности через соприкосновение с памятниками искусства, археологии, этнографии, способных внести живую струю в безжизненную филологическую схоластику и показать подлинное и непрекращающее значение античной цивилизации. Конец века ознаменован появлением целой плеяды талантливых представителей так называемого «историко-культурного направления»: В. Г. Васильевский, Ф. Ф. Зелинский, Ф. Г. Мищенко и др.

* * *

Будучи современником, свидетелем и активным представителем этого направления, Д. Ф. Беляев прекрасно понимал двойственность положения классических древностей в проблемном поле гуманитаристики [4: 282]. Весьма интересна попытка самостоятельного определения этих значений, достаточно громоздкая, но все-таки оригинальная, выдающая независимость исследовательского пути казанского ученого. В узком значении под словом «древности» Д. Ф. Беляев подразумевал «изложение истории институтов, учреждений, обычаев и, вообще, быта» (л. 3), отличавшихся неподвижностью, позволяющей не относить их к предмету исторической науки. С другой стороны, несколько необычной выглядит попытка дать определение «древностям» в широком смысле. Для Д. Ф. Беляева в этом отношении рассматриваемый предмет сводится к истории искусства, нумизматике и археологии (л. 3). На первый взгляд может показаться, что эти науки представляют более широкое определение, чем их предмет. Однако читатель не должен упускать из виду, что ученый распределяет по уровням свой научный предмет, исходя из понимания его как отрасли науки. Если в узком смысле «древности» – это именно описание, то в широком – целая наука, применяющая в том числе и генетический метод при изучении «древностей». Таким образом, в отличие от предшественников Д. Ф. Беляев видит в своем предмете именно научную дисциплину, поделенную между филологией и историей. Его в меньшей степе-

ни волнует следственный характер своего предмета, напротив, важным становится именно тот научный метод, с помощью которого изучаются древности исходя из той области, в которую они помещены.

Первая половина курса, посвященная гомеровским древностям, предваряется Д. Ф. Беляевым указанием на важнейшие пособия по разделу. Как специалист по творчеству Гомера, в отличие от К. Ф. Страшевича и В. В. Латышева, он намеренно останавливается подробно на этой теме. Казанский профессор, когда-то начинавший свой научный путь с диссертации о поэмах Гомера, не мог не отдавать себе отчета в самой сложности историографии гомеровского вопроса и опасности для неокрепших умов запутаться в ее обилии [14]. Поэтому для начала опытный исследователь дает указание на капитальные монографии по гомеровским древностям Й. Фридрайха, служащие своеобразным введением в проблематику¹⁰. К этим работам автор курса присоединяет высоко стоявшее в его глазах по причине глубины мысли и точности отдельных идей исследование английского премьера У. Гладстона¹¹. Таким образом, руководствуясь личным опытом и педагогическим долгом, Д. Ф. Беляев с самого начала курса предъявлял к своим студентам высокие научные требования, заключавшиеся в штудировании достаточно сложных по содержанию, объему и языку фундаментальных работ. В качестве источника сведений о греческих древностях «героического времени» он использует исключительно поэмы Гомера.

Собственно гомеровские древности у Д. Ф. Беляева открываются характеристикой государственного устройства Эллады бронзового века. Ключевым источником для формальной реконструкции политической карты греческого мира рассматриваемой эпохи ученый считает «каталог кораблей», который в меньшей степени служит у него источником сведений о самих воинских подразделениях греков (л. 6). Перечисленные корабли, по его мнению, дают бесценную информацию о названиях греческих царств и их количестве.

Начиная свое рассмотрение с института царской власти, Д. Ф. Беляев обнаруживает стойкий интерес к мифологии и первобытной истории, проявляющийся в стремлении истолковать процессы формирования царской власти через вскрытие некоторых из конструктов древних. Например, сам генезис царской власти связывается ученым с формированием в первобытном обществе потребности в сильном, энергичном и обладающем

навыками вожака соплеменника (л. 8). Это увлечение Д. Ф. Беляева мифологией справедливо объясняется той научной школой К. Я. Люгебиля, через которую он прошел будучи студентом Петербургского университета. Как известно, Карл Якимович¹² был одним из ярчайших представителей «культурно-исторического» направления в антиковедении, видя в культурной деятельности древних народов ценный источник для реконструкции их жизни. Достаточно упомянуть имя однокурсника Д. Ф. Беляева Л. Ф. Воеводского, также учившегося у К. Я. Люгебиля и защитившего впоследствии обе свои диссертации¹³ по мифологии греков. Да и сам Д. Ф. Беляев, помимо лекций и общения со своим руководителем в процессе многолетней научной практики в области гомеровских штудий, не мог не учитывать мифологический подход к содержанию поэм.

Дав обширную характеристику политическим институтам ахейской Греции, Дмитрий Федорович переходит ко второй крупной подтеме – народному хозяйству в гомеровский период. Эта скрупулезная и очень разнообразная реконструкция создается ученым как ответ на преувеличенный интерес филологов-классиков к политическим древностям Греции. Немало места у Д. Ф. Беляева уделено главному занятию жителя – земледелию, это намеренный прием учченого, испытывавшего глубокий и живой интерес к повседневной жизни простого сельского населения. Здесь читатель впервые встречается с обширным описанием повседневной жизни гомеровского крестьянина. Д. Ф. Беляев рисует яркую картину нелегкого деревенского быта, сопряженного со множеством сложных ситуаций. В частности, ученый упоминает способ наследования земель по жребию и приводит типологию земельных участков, способы ее возделывания, систему орошения земель, способ вспахивания земли, способ добычи муки (л. 33–35), приводя для большей выразительности целые отрывки из «Илиады», доказывающие справедливость его утверждений. Затрагивая описательный подход Д. Ф. Беляева к исследуемому материалу, нельзя не отметить того влияния, которое на негоказал И. Е. Забелин – один из основоположников «бытописательства». Причины принятия этой методологии имеют гораздо более глубокие корни, нежели может показаться на первый взгляд. Ввиду иной цели моего исследования я ограничусь изложением сущности и назначения этого подхода. «Бытописательство» представляет собой реконструкцию явления прошлого на основании

хорошо подготовленной и выверенной факто-логической основы. Факт становится ключевой категорией бытописателя, именно от фактов зависит успешность реконструкции прошлого. В процессе исследовательской практики каждому из предметов дается восстановленная «биография», его собственное «лицо». Восстановленная система предметов образует полную и исчерпывающую картину жизни человека в прошлом. Иными словами, вся эта крайне сложная в процессуальном отношении работа была направлена на всестороннюю реконструкцию быта народа. Быт, по И. Е. Забелину, представлял собой продукт природы, обладавший великой жизненной силой, вдохновляющей народ. Исходя из самой природы [7: 37], быт одновременно становился источником, из которого брали начало все основные формы жизни народа и государства (л. 36–37), выступая в роли первоосновы всех институтов. Таким образом, избранная Д. Ф. Беляевым чрезвычайно сложная методика продиктована не столько желанием отобразить прошлое греков во всей его полноте, сколько стремлением через реконструированный быт как можно лучше уяснить саму сущность всех государственных и общественных институтов, составлявших предмет «древностей».

Вторая половина лекционного курса охватывает древности спартанского государства. Как и в предыдущих лекциях, основополагающим мотивом для подобного выбора послужил характерный для ученого логический переход, позволявший удачно соединять окончание одной лекции с тематикой последующих и, таким образом, структурировать саму концепцию курса. В данном случае основанием для перехода к спартанским древностям для Д. Ф. Беляева послужило сходство социально-политического уровня развития гомеровской Греции и Спарты, находившее выражение в постепенном ослаблении царской власти в пользу «выборных республиканских учреждений» (л. 82).

Ввиду социальной специфики Спарты анализ ее древностей предваряется характеристикой основных групп общества. Рассмотрение структуры начинается вопреки ожиданиям публики не со спартиатов – социальной элиты государства, а с самой угнетенной группы – илотов. Естественно видеть искренне сочувственное отношение Д. Ф. Беляева к социальной группе, лишенной всякой правовой защиты. Особенно возмутительна в глазах исследователя практика криптии (л. 85). Эта несправедливость намеренно выделяется перечислением тех безусловно по-

лезных функций, которые илоты исполняли ради своих господ, последние в благодарность за это «умели чужими руками жар загребать» (л. 88). Материал источников послужил Д. Ф. Беляеву для манифестирования своих политических взглядов. Говоря о спартиатах, он затрагивает малоосвещенный вопрос внутреннего имущественного неравенства внутри самих спартиатов. Если К. Ф. Страшкевич и В. В. Латышев видят в причинах расслоения введение законодательства Ликурга, делившего спартиатов на гомеев и гипомейонов по степени участия в исполнении гражданских обязанностей¹⁴, то Д. Ф. Беляев придерживается иного мнения – постоянные войны уничтожали спартиатов, а оставшиеся после них участки земли концентрировались в руках немногих лиц, усиливавших свое могущество и постепенно подчинивших себе разорившихся соотечественников (л. 95). По Д. Ф. Беляеву, это обстоятельство стало одним из факторов будущего краха Спарты (л. 96).

Особой глубиной и точностью отличается установление Д. Ф. Беляевым причин возникновения милитаристского характера Спарты. Если для В. В. Латышева этот феномен был обусловлен потребностью в надежном войске¹⁵, заставлявшей превратить страну в вечный военный лагерь, то Д. Ф. Беляев, исходя из своей концепции противопоставления народа власти, усматривает корни специфического государственного устройства спартанского государства в противостоянии зависимых илотов и господствующих спартиатов (л. 121). Постоянное опасение за свою власть и жизнь вынуждало спартиатов находиться в готовности к ведению боевых действий. Данная отличительная черта определяет, как показывает Д. Ф. Беляев, всю организацию не только государственного, но и частного быта. Это пример того, как политическая составляющая концепции исследователя положительно оказывается на решении одного из частных вопросов.

Анализ причин падения Спарты у Д. Ф. Беляева также отличается оригинальностью. Если К. Ф. Страшкевич главной причиной считал разращение нравов, а В. В. Латышев – надорванность государства в сочетании с роскошью и застоем элиты, то Д. Ф. Беляев в качестве такой первопричины выделял начало чеканки золотой и серебряной монеты во время Пелопонесской войны (л. 139), приведшей к разрушению всего предшествовавшего уклада жизни. Чувствуя неубедительность своего объяснения, ученый добавляет традиционные внешнеполитические

причины, прежде всего утрату Мессенской области – источника земельных наделов спартиатов. Все это построение дополняется внешнеполитической канвой, разворачивающейся натянутый тезис ученого. Более основательно представление В. В. Латышева, избегавшего сведения первопричин к отдельным фактам. Замечателен по своему гуманистическому содержанию приговор ученого Спарте. Спарта исчезла из истории, потому что не заботилась о культивировании образования. Напротив, Афины, этот «центр высшей образованности» (л. 142), снискали в глазах римлян и всех последующих народов вечную славу оплота цивилизации. Таким образом, в интерпретации исторического значения спартанского государства Д. Ф. Беляев остается верен популярной в 1860-х годах идее спасительности просвещения и его неоспоримого влияния на политические преобразования в стране, раскрывая свои собственные педагогические взгляды, сформированные в эту бурную интеллектуальную эпоху в истории России.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ курса убедительно говорит в пользу его передового характера. Прежде всего, замечательным является его оригинальность: несмотря на то что Д. Ф. Беляев иногда опирается на материалы К. Ф. Страшкевича и В. В. Латышева, курс несет на себе отпечаток исследовательского духа ученого, видевшего материал иначе, чем его предшественники. Меньше всего следует видеть в работе компиляцию. Если предыдущие «Очерки древностей» были прежде всего описаниями, рассчитанными на гимназический круг читателей, то в своем университете курсе Д. Ф. Беляев совместил описание с оформленной концепцией. Реконструируемая концепция, состоявшая в противопоставлении правящей прослойки широким народным массам, имела свои корни, вероятно, в биографии филолога и его политических пристрастиях. Это служит намеренным противопоставлением, умело созданным за счет оттенения некоторых качеств каждой из сторон, проходит красной нитью через лекции, служа одновременно основанием для структурирования и распределения обильной фактической информации, почертнутой автором самостоятельно из античных источников. Не менее ценным является авторское понимание «древностей», их структуры и источников. Видно, что мысль филолога непрерывно работала над этими вопросами, пытаясь дать наиболее приемлемое и подходящее для курса определение.

Самостоятельность поисков Д. Ф. Беляева выражается также в насыщении текста многочисленными греческими терминами, погружающими слушателей в мир ушедшей цивилизации. Эта особенность имеет свои основания в наиболее замечательной черте курса – «бытописательской» методике, нашедшей спустя несколько лет наиболее яркое воплощение в капитальных томах серии «Byzantina». Рассмотрение связи этих двух трудов представляется перспективным для понимания их преемственности, и прежде всего степени усвоения и корректирования ученым избранной методики. Итак, отказавшись от традиционного для «древностей» описания, ограниченного своими эпистемологическими возможностями, Дмитрий Федорович решил обратиться

к достаточно новой, а самое главное – основательной и нашедшей признание академического круга – методике, научно обоснованной великим российским историком и археологом И. Е. Забелиным. Благодаря ей Д. Ф. Беляев смог «оживить» свое повествование, восстановив когда-то реальные картины жизни прошлого в ее сложности и противоречивости. В результате этих исканий и опытов казанский профессор смог создать в высшей степени увлекательный текст, позволяющий читателям и слушателям ощутить подлинный дух эпохи и попытаться разглядеть за сложной картиной быта живых людей. Это новая особенность творчества Дмитрия Федоровича Беляева, увековеченная впоследствии его знаменитыми византийскими штудиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Греческие государственные древности: Лекции ординарного профессора Д. Ф. Беляева. Казань, 1886. 142 л. Далее цитируется по этому источнику с указанием номера листа в скобках.
- ² Общий устав Императорских российских университетов // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1893. Т. IX. Стб. 985–1026. Прямое указание на усиление классической подготовки студентов содержится в «Правилах об экзаменационных требованиях в испытательных комиссиях»: Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 621–622.
- ³ Жебелев С. А. Из университетских воспоминаний // Анналы. 1922. Т. 2, № 2. С. 168–170.
- ⁴ О содержании понятия «древности» будет сказано ниже.
- ⁵ Wachsmuth W. Hellenische Altertumskunde. Halle, 1826–1830. 4 Bde.
- ⁶ Becker W. A. Charikles. Bilder altgriechischer Sitte zur genauer Kenntnis des griechischen Privatlebens. 2 Aufl. Berlin, 1854. 3 Bde.; Hermann K. F. Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer, aus dem Standpunkte der Geschichte. Heidelberg, 1831–1852. 3 Bde.; Schaaff L. Antiquitaten der Griechen. 4 Ausg. Magdeburg, 1837. 121 S.; Schoemann G. F. Griechische Alterthümer. Berlin, 1855. 542 S.
- ⁷ Страшкевич К. Ф. Краткий очерк греческих древностей, составленный К. Ф. Страшкевичем, бывшим адъюнкт-профессором древней классической словесности в Университете св. Владимира, дополненный описанием Афин с планом древнего города. 2-е изд. Киев, 1874. С. 1.
- ⁸ Латышев В. В. Очерк греческих древностей: Пособие для гимназистов старших классов и для начинающих филологов. Изд. 2-е, перераб. СПб., 1888. Часть 1-я. Государственные и военные древности. С. 1.
- ⁹ Страшкевич К. Ф. Краткий очерк греческих древностей... С. 1; Латышев В. В. Очерк греческих древностей... С. V.
- ¹⁰ Friedreich J. B. Die Realien in der Iliade und Odyssee. 2. Aufl. Erlangen, 1856. 788 S.
- ¹¹ Gladstone W. E. Studies on Homer and the Homeric age. Oxford, 1858. 3 vols.
- ¹² Ернштедт В. К. Люгебиль, Карл Якимович// Биографический словарь университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. СПб., 1896. Т. 1. С. 412–415; Он же. К. Я. Люгебиль (некролог) // Сборник статей по классической филологии Виктора Карловича Ернштедта. СПб., 1907. С. 328–341.
- ¹³ Воеводский Л. Ф. Канниализм в греческих мифах: Опыт по истории развития нравственности. СПб., 1874. 397 с.; Он же. Введение в мифологию Одиссеи. Одесса, 1881. Ч. 1. 235 с.
- ¹⁴ Страшкевич К. Ф. Краткий очерк греческих древностей... С. 200; Латышев В. В. Очерк греческих древностей... С. 51.
- ¹⁵ Латышев В. В. Очерк греческих древностей... С. 70.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басаргина Е. Ю. Вице-президент Императорской Академии наук П. В. Никитин: из истории русской науки (1867–1916 гг.). СПб.: Нестор-История, 2004. 467 с.
2. Беляева Е. Г. Беляев Дмитрий Федорович // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2002. Т. IV. С. 590.
3. Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. 672 с.

4. Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. и библиогр. словарь-указ. И. В. Тункиной. М.: Индрик, 2008. 831 с.
5. Гицевич Е. С. Заграничные командировки антиковедов, их содержание и модели построения маршрутов в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 80–86. DOI: 10.17223/15617793/478/10
6. Дружинина И. А. Изучение античности в Казанском университете. XIX – 20-е годы XX века. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2006. 156 с.
7. Забелин И. Е. Государев двор, или дворец. М.: Книга, 1990. 312 с.
8. Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время: Из истории антиковедения и византистики в России. СПб.: Алетейя, 2004. 475 с.
9. Смышляева В. П. Беляев Дмитрий Федорович // Российские филологи-классики XIX века: «германовское» направление: Биографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наукоемкие технологии, 2021. С. 49–51 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://publishing.intelgr.com/index.php/izdannye-raboty/15-izdaniya/uchebnye-i-nauchnye-raboty/192-rossiyskie-filologi-klassiki> (дата обращения 02.07.2025).
10. Смышляева В. П. Беляев, Дмитрий Федорович // Словарь петербургских антиковедов XIX – начала XX века: В 3 т. / Редкол.: А. К. Гаврилов (отв. ред.) и др. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. Т. I: А–К. С. 45–48.
11. Тункина И. В. В. В. Латышев: Жизнь и ученыe труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 172–282.
12. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
13. Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб.: Гуманитарная академия, 2006. 604 с.
14. Шичалин Ю. А. Гомер – исток и скрепа Европейской цивилизации // Вестник ПСТГУ. 2020. № 64. С. 9–35. DOI: 10.15382/sturII202064.9-35
15. Юдин А. В. Развитие антиковедения в начале XX века: конец классической или начало современной науки о древней Греции и древнем Риме? // Наука и школа. 2010. № 1. С. 115–121.

Поступила в редакцию 10.11.2025; принята к публикации 24.12.2025

Original article

Anton A. Nikitin, Postgraduate Student, Kazan (Volga Region) Federal University, Researcher, National Museum of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5923-1140; anton.nikitin.14@mail.ru

UNPUBLISHED COURSE OF LECTURES “GREEK STATE ANTIQUITIES” BY D. F. BELYAEV

A b s t r a c t. The study presents a historiographical analysis of a lithographed lecture course “Greek State Antiquities” by Kazan Professor D. F. Belyaev, stored in the Lobachevsky Scientific Library of Kazan (Volga Region) Federal University. This source, which has not been introduced into scientific circulation, being the highest form of conceptualization of teacher’s knowledge, contains not only information about the level of methodological culture and erudition of the scholar but also certain conceptual provisions that help to reconstruct the historiographical routine of Professor Belyaev. The analysis is based on the identification of the key problems of the course related to the previous scientific tradition and the scholar’s intellectual experience, allowing to establish the degree of originality of the author’s concept. The primary goal of the conducted research is to identify the foundations of the Kazan scholar’s methodology and its influence on the nature of his results. The conclusion is that the innovative nature of the approach applied by D. F. Belyaev led him to achieving profound results in the process of his scientific work and that the experimental nature of his research was successfully embodied in his magnum opus, *Byzantina*.

K e y w o r d s : D. F. Belyaev, Imperial Kazan University, Byzantine studies, antiquity studies, lithographed course, 1883 university charter, Greek antiquities

F o r c i t a t i o n : Nikitin, A. A. Unpublished course of lectures “Greek State Antiquities” by D. F. Belyaev. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):111–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1273

REFERENCES

1. Basargin, E. Yu. The Vice-President of the Imperial Academy of Sciences P. V. Nikitin: from the history of Russian science (1867–1916). St. Petersburg, 2004. 467 p. (In Russ.)

2. Belyaeva, E. G. Belyaev Dmitry Fyodorovich. *Orthodox encyclopedia*. Vol. IV. Moscow, 2002. P. 590. (In Russ.)
3. Buzeskul, V. P. Introduction to the history of Greece. A review of sources and an essay on the development of Greek history in the XIX and early XX centuries. St. Petersburg, 2005. 672 p. (In Russ.)
4. Buzeskul, V. P. World history and its figures in Russia in the XIX and early XX centuries. Moscow, 2008. 831 p. (In Russ.)
5. Gitsevich, E. S. Overseas business trips of antiquity researchers: content and models for building routes in the late 19th – early 20th centuries. *Tomsk State University Journal*. 2022;478:80–86. DOI: 10.17223/15617793/478/10 (In Russ.)
6. Druzhinina, I. A. The study of antiquity at Kazan University from the XIX century to the 1920s. Kazan, 2006. 156 p. (In Russ.)
7. Zabelin, I. E. The monarchic court, or the palace. Moscow, 1990. 312 p. (In Russ.)
8. Puchkov, A. A. Julian Kulakovskiy and his time: From the history of antiquity studies and Byzantine studies in Russia. St. Petersburg, 2004. 475 p. (In Russ.)
9. Smyslyayeva, V. P. Belyaev Dmitry Fyodorovich. *Russian classical philologists of the XIX century: the "Germanic" direction: Biographical dictionary*. St. Petersburg, 2021. P. 49–51. Available at: <https://publishing.intelgr.com/index.php/izdannye-raboty/15-izdaniya/uchebnye-i-nauchnye-raboty/192-rossiyskie-filologи-klassiki> (accessed 02.07.2025). (In Russ.)
10. Smyslyayeva, V. P. Belyaev, Dmitry Fyodorovich. *Dictionary of Saint Petersburg antiquity researchers of the XIX – early XX centuries: In 3 vols.* St. Petersburg, 2021. Vol. 1: A–K. P. 45–48. (In Russ.)
11. Tunkina, I. V. V. V. Latyshev: Life and scholarly works (based on his handwritten heritage). *The handwritten heritage of the Russian Byzantine researchers in Saint Petersburg archives*. St. Petersburg, 1999. P. 172–282. (In Russ.)
12. Tunkina, I. V. Russian science of classical antiquities in southern Russia (XVIII – mid-XIX centuries). St. Petersburg, 2002. 676 p. (In Russ.)
13. Frolov, E. D. Russian science of antiquity: Historiographical essays. St. Petersburg, 2006. 604 p. (In Russ.)
14. Shichalin, Yu. A. Homer, the source and bond of European civilization. *St. Tikhon's University Review*. 2020;64:9–35. DOI: 10.15382/sturIII202064.9-35 (In Russ.)
15. Yudin, A. V. Evolution of science about the ancient history in the beginning of the XX-th century: end of classical or start of modern science about Ancient Greece and Ancient Rome? *Science and School*. 2010;1:115–121. (In Russ.)

Received: 10 November 2025; accepted: 24 December 2025

29 января 2026 года исполнилось 70 лет ведущему российскому финно-угроведу, доктору филологических наук, профессору, члену-корреспонденту РАН, заслуженному деятелю науки РФ *Ирме Ивановне Муллонен*

Celebrating the 70th anniversary of *Irma I. Mullonen*

УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ: К ЮБИЛЕЮ ИРМЫ ИВАНОВНЫ МУЛЛОНЕН

В этом году российская и международная научная общественность отмечает юбилей известного российского лингвиста, доктора филологических наук, профессора ПетрГУ, члена-корреспондента РАН, заслуженного деятеля науки РФ Ирмы Ивановны Муллонен. Она уже много лет является одним из ведущих экспертов в области финно-угроведения и ономастики в России. В 1978 году окончила историко-филологический факультет Петрозаводского университета, затем продолжила обучение в аспирантуре Карельского филиала АН СССР. С тех пор ее жизнь и карьера неразрывно связаны с Институтом языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, где она прошла путь до директора ИЯЛИ КарНЦ РАН (2005–2015), а сегодня – главный научный сотрудник сектора языкоznания.

И все же называть Ирму Ивановну просто ученым – значит сказать слишком мало. Она – настоящий хранитель памяти карельской земли, чьи труды дарят голос тысячелетней истории. Она – живой мост между прошлым и настоящим, кропотливый собиратель и чуткий исследователь ономастических тайн карельского края. Кажется, что она слышит шепот веков, скрытый в названиях озер, в именах стремительных рек и многих «заснувших» деревень. Это целый мир именований, огромный и хрупкий архив под открытым небом, где за каждой буквой стоит самобытная культура, рожденная на этом этнокультурном перекрестке.

С Карелией связана не только профессиональная, но и личная судьба Ирмы Ивановны. Высокая научная культура, внутренняя интеллигентность, сочетающая принципиальность с неизменной доброжелательностью к коллегам и ученикам, – все это идет из семьи. Ирма Ивановна родилась и выросла в уникальной среде, где наука и образование были не просто профессией, а стихией и смыслом жизни. Ее отец, Иван Адамович, пользовался огромным уважением как мудрый общественный деятель, а мать, Мария Ивановна, была блестящим лингвистом, профессором университета, одним из пионеров в области прибалтийско-финского языкоznания. Эта благодатная почва, раннее знакомство с многоголосием финской, вепсской и карельской речи предопределили уникальный научный путь Ирмы Ивановны, позволили ей достичь выдающихся результатов.

Научные интересы Ирмы Ивановны простираются далеко за рамки исследования проприальной лексики, охватывая и апеллятивы. Обращение к этнолингвистическим аспектам дало возможность увидеть ключ к пониманию народного мировоззрения, объяснить самобытность и глубину народной культуры Карелии. Впрочем, душу вепсского народа Ирма Ивановна раскрыла уже в кандидатской диссертации «Гидронимия бассейна реки Ояти» (1983)¹, а затем – в фундаментальном докторском труде «Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования» (2000)². Так, в рецензии на кандидатскую диссертацию Пауль Алвре отметил ее новаторский характер, актуальность для финно-угроведения. Среди достоинств работы тогда еще молодого исследователя указано, что это «фактически первое систематическое исследование гидронимов прибалтийско-финских народов, живущих на территории Советского Союза», что это практически единственное языковые данные по вепсскому языку в его раннем существовании, которые будут полезны для изучения истории и диалектологии прибалтийско-финских языков в целом и вепсского языка в частности. Отдельно выделен раздел «Образование и функционирование гидроформантов», в котором автор «безошибочно реконструирует ранние формы многих слов»³. Эта работа и последующая докторская диссертация заложили методологический фундамент для всего последующего изучения ономастики Карелии. Суть подхода Ирмы Ивановны – видеть в карте не просто точки, а живую историю диалога культур. Современная этноязыковая картина, по ее мнению, – результат длительного исторического развития, смены и активного взаимодействия этносов. Ее работы – скрупулезное исследование того, как «разговаривают» друг с другом топонимические системы разных языков, как отличить исконное, субстратное название, данное древними жителями, от позднего заимствования, как наследники края видели окружающие их географические объекты и как переносили усвоенные с детства названия с родовых территорий на новые земли. Именно этот методологический подход, впервые так полно примененный к карельскому материалу, и открыл новую страницу в российской ономастике.

Научный поиск Ирмы Ивановны никогда не ограничивался диссертационными исследованиями. Под ее руководством и при ее непосредственном участии рождаются уникальные словари. Среди них – «Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями»

(2008)⁴. Особого внимания заслуживает «Словарь названий населенных мест карелов-людиков» (2021)⁵, созданный в соавторстве с верной ученицей Е. В. Захаровой: он практически мгновенно стал библиографической редкостью. В конце 2025 года увидела свет рукопись «Ливвиковские деревни от А до Ä», также подготовленная в со-дружестве с учениками. Рецензенты уже называют этот труд грандиозным, поскольку в нем впервые восстанавливается история названий почти 700 поселений, начиная с XVI века. Ценность словарей – в их глубоком этнокультурном контексте: это живая память о малой родине, роде, семье, расшифрованная и бережно сохранившаяся летопись.

Параллельно со словарной работой Ирма Ивановна является автором около 20 сольных и коллективных монографий, признанных научным сообществом. В их числе отмеченные Президиумом РАН как важнейшие результаты российских научных изысканий «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте» (2018)⁷ и «Лингвистический атлас вепсского языка» (2019)⁸. В монографии «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте» под редакцией И. И. Муллонен использована ранее разработанная ареально-типологическая методика, с помощью которой реконструирована средневековая этноязыковая карта региона, изучены механизмы взаимодействия топонимических систем разных народов (саамов, вепсов, карелов, русских) и проведена этимологическая интерпретация большого массива субстратных названий; доказана определяющая роль типовых моделей в процессе наименования географических объектов, зависящих от исторических, языковых и ландшафтных факторов. Что касается «Лингвистического атласа вепсского языка» под редакцией Н. Г. Зайцевой, то это, по мнению специалистов, не только ключевой элемент вепсологии и финно-угроведения, но и выдающийся пример спасения и научного осмысливания языкового наследия малочисленного народа. Его методология и выводы имеют непреходящую ценность для всей отечественной и мировой лингвистики⁹. В этом плане важна активная научно-общественная позиция Ирмы Ивановны, направленная на решение актуальных проблем сохранения языкового разнообразия России. Ярким примером стал ее доклад «О практике сохранения прибалтийско-финских языков России»¹⁰, с которым она выступила в 2021 году на заседании Бюро Отделения историко-филологических наук РАН. В рамках этого собрания, посвященного судьбе языков на-

родов РФ, Ирма Ивановна подняла и детально осветила вопросы сохранения культурной идентичности малых народов через призму их языков. В центре внимания оказалось современное положение и конкретные меры поддержки диалектов карельского и вепсского, а также ижорского, водского и финского языков.

Общий список публикаций исследовательницы насчитывает около 270 работ, охватывающих как теоретические, так и прикладные аспекты ономастики. Последнее направление, по словам самой Ирмы Ивановны, сегодня стало особенно насущным. Речь идет о нормативном представлении топонимов широкому пользователю, поскольку ошибки в написании исконных номинаций в Государственном каталоге географических названий, на дорожных указателях, картах, в интернете и СМИ стали печальной нормой. Они проникают даже в названия новых туристических центров и гостевых домов, которые, казалось бы, апеллируют к местной традиции, но на деле демонстрируют ее поверхностное знание¹¹.

Многолетняя и кропотливая научная работа Ирмы Ивановны включает активные полевые экспедиции по сбору уникального ономастического материала. Создание исследовательских картотек по топонимии, компьютерная обработка материала поднимают научные изыскания по ономастике на принципиально новый уровень, закладывая прочную фактологическую основу изучения для будущих поколений ученых.

Отметим вклад Ирмы Ивановны как организатора науки. Она не только проводит глубокие исследования, но и создает инфраструктуру для масштабных научных изысканий, координируя работу больших коллективов и обеспечивая преемственность в изучении уникального культурно-исторического наследия Северо-Запада России. Многие годы Ирма Ивановна являлась руководителем и соруководителем более 20 отечественных и зарубежных грантовских проектов. В поле зрения коллективов, которыми она руководила, – лингвистические исследования (топонимические модели, ойконимия, субстратная лексика), этнокультурные и социолингвистические изыскания, а также прикладные работы по развитию туризма и языковой политике. Проекты, выстраиваясь в единую научную программу, нацелены на комплексное изучение Карелии и сопредельных территорий, где центральными координатами выступают язык, история и культура. Это создание электронных ресурсов (ГИС, картотеки), организация экспедиций и публикация словарей и монографий. Многие

проекты носят междисциплинарный характер, объединяя лингвистику, историю, этнографию и социологию. Активное соруководство грантами с финскими учеными и участие в международных конгрессах подчеркивают ее роль в интеграции российской науки в мировое научное пространство.

Сочетая исследовательскую практику с управленческими функциями, Ирма Ивановна Муллонен внесла неоценимый вклад в развитие научного сообщества, выступая инициатором и организатором множества научных форумов. Так, при ее участии и патронате получили развитие такие важные региональные мероприятия, как «Бубриховские чтения» по финно-угроведению и «Краеведческие чтения», которые играют важную роль в привлечении и поддержке молодых исследователей. Особого внимания заслуживает ее роль в становлении и развитии «Рябининских чтений». Ирма Ивановна была одной из тех, кто с первых пробных заседаний настаивал на включении в программу конференции полноценной лингвистической секции. Ее консультативная и организационная помощь способствовала тому, что чтения вышли далеко за пределы региона, став авторитетной всероссийской площадкой, где сегодня выступают ведущие специалисты в области языкоznания, этнолингвистики, фольклористики, этнографии, лексикографии и др. Лингвистические секции стали визитной карточкой этого форума. Яркий пример лидерства – V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» (Петрозаводск, 2014), которая была инициирована и блестяще проведена при непосредственном участии Ирмы Ивановны. Несмотря на высокую административную нагрузку, она взяла на себя ответственность по подготовке и проведению в Петрозаводске в 2011 году Конгресса этнографов и антропологов России. Центральная тема Конгресса – «Культурное наследие – ресурс инновационного развития» – была глубокоозвучна научному ландшафту Карелии и позволила объединить ведущих экспертов страны для обсуждения проблем традиций, новаций и культурного многообразия народов России.

Плодотворная научная и организационная работа Ирмы Ивановны Муллонен находит продолжение в ее деятельности как научного консультанта, главного и ответственного редактора многочисленных сборников статей и научных трудов, посвященных финно-угроведению и ономастике. Ее редакторский талант и высокие профессиональные стандарты востребованы

ведущими академическими изданиями. Ирма Ивановна – член редколлегий и научных советов престижных российских и международных журналов, в их числе: «Вопросы ономастики», «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований», «Традиционная культура», «Финно-угорский мир», «Uralica Helsingiensia» (Финляндия), «Труды КарНЦ РАН. Серия: Гуманитарные исследования», «Ученые записки Петрозаводского государственного университета», «Севернорусские говоры», «Альманах североевропейских и балтийских исследований», «CARELICA», «Studia Nordica».

Ирму Ивановну регулярно приглашают в качестве рецензента статей различные научные журналы, что свидетельствует о ее признании как авторитетного и объективного эксперта в области лингвистики, ономастики и финно-угроведения. Она востребованный оппонент и эксперт в диссертационных советах России и зарубежья. Молодые ученые отмечают ее редкое сочетание строгой принципиальности, справедливости и доброжелательности в оценках.

Научный поиск Ирмы Ивановны Муллонен неотделим от ее многолетней плодотворной работы как педагога. Более 35 лет она посвятила преподаванию в ПетрГУ, где разработала и читала фундаментальные курсы: «История финского языка», «Введение в финно-угроведение», а также спецкурсы для магистрантов и аспирантов. Особой заслугой является создание авторского учебника «Введение в финно-угроведение»¹² на финском языке, который служит студентам и считается ценным научно-методическим ресурсом для специалистов.

Под руководством Ирмы Ивановны окончательно сложилась Петрозаводская ономастическая школа, известная далеко за пределами России. Унаследовав и развив научные традиции, заложенные Г. М. Кертом и Н. Н. Мамонтовой, И. И. Муллонен проявила себя не только как достойная преемница, но и как ученый нового уровня. Эта же творческая самостоятельность в решении научных проблем – отличительная черта и ее учеников. Под руководством Ирмы Ивановны сформировалась плеяда исследователей, которые переняли ее методы и развили основные теоретические положения, выдвинутые своим учителем. Шесть ее учеников успешно защитили кандидатские диссертации. Значимо, что все они продолжают активную научную деятельность, выступая соавторами и ключевыми исполнителями в проектах учителя. Ярким примером научной преемственности стала успешная защита докторской диссертации И. П. Новак, подготовленной при консультативной поддержке Ирмы Ивановны.

Многогранная деятельность И. И. Муллонен – от масштабных научных проектов и воспитания новой генерации ученых до активной популяризации знаний – демонстрирует не только высочайший профессионализм, но и качества лидера: целеустремленность, твердость характера и решимость в решении самых амбициозных задач. Именно ее готовность постоянно расширять горизонты и вести за собой учеников обеспечивает динамичное развитие и непрерывность уникальной научной школы.

Научная работа Ирмы Ивановны Муллонен не замыкается в стенах академических институтов. Она – просветитель, щедро делящийся своими открытиями с самым широким кругом слушателей. Ее открытые лекции собирают не только специалистов, но и краеведов, студентов, школьников и всех, кто интересуется взаимодействием языка, истории и культуры Карелии. Благодаря ее выступлениям сложные научные концепции становятся доступными и увлекательными для каждого жителя республики. Ее глубокая любовь к своему краю находит практическое воплощение в активном сотрудничестве с учреждениями культуры. Ярким примером является ее роль председателя Общественного совета при музее-заповеднике «Кижи». Ирма Ивановна тесно взаимодействует с библиотеками и музеями по всей Карелии, внося вклад в сохранение уникального историко-культурного наследия региона. Именно в просветительской работе раскрывается подлинная гражданская позиция ученого, чьи знания и энергия служат не только науке, но и обществу.

Закономерно, что заслуги Ирмы Ивановны отмечены высокими наградами: заслуженный деятель науки Республики Карелия (2006), заслуженный деятель науки Российской Федерации (2018), член-корреспондент Российской академии наук (2019), медаль «За заслуги перед Республикой Карелия» (2025). Но, как истинно мудрый человек, она говорит: «Каждая такая награда – это труд не одного человека... Наука делается коллективом»¹³. В этих словах – вся она: замечательный ученый, лишенный тщеславия, видящий себя частью большого дела, начатого ее учителями и продолженного учениками.

Ирма Ивановна Муллонен – редкое сочетание блестящего интеллекта, безграничной преданности своему делу и сердечной теплоты. Ее профессионализм, увлеченность и неиссякаемая энергия вызывают глубочайшее уважение. Она не просто изучает Карелию – она своим трудом и любовью сберегает ее для будущих поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 1983. 198 с.
- ² Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования: Дис. ... д-ра филол. наук. Петрозаводск, 2000. 317 с.
- ³ Paul Alvre. Рец.: И. И. Муллонен, Гидронимия бассейна реки Ояти. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Петрозаводск 1983 // LINGUISTICA URALICA. 1984. Vol. 20, issue 2. P. 155–156.
- ⁴ Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2008. 240 с.
- ⁵ Захарова Е. В., Муллонен И. И. Словарь названий населенных мест карелов-людиков / Под общ. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2021. 210 с.
- ⁶ Кузьмин Д. В., Муллонен И. И., Захарова Е. В. Ливвиковские деревни от А до Ё: словарь названий населенных мест / Под общей ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2025. 350 с.
- ⁷ Захарова Е. В., Кузьмин Д. В., Муллонен И. И., Шибанова Н. Л. Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте / [Под ред. И. И. Муллонен]. М.: Издат. Дом ЯСК, 2018. 269 с.
- ⁸ Лингвистический атлас вепсского языка. ЛАВЯ / Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен, С. А. Мызников [и др.]; Под общ. ред. Н. Г. Зайцевой. СПб.: Нестор-История, 2019. 573 с.
- ⁹ Винокурова И. Ю. Рец. на: Лингвистический атлас вепсского языка. (ЛАВЯ). Под общей редакцией Н. Г. Зайцевой. СПб.: Нестор-История, 2019. 574 с. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2021. Вып. 4 (34). С. 189–194.
- ¹⁰ Муллонен И. И. О практике сохранения прибалтийско-финских языков России / Заседание Президиума Российской академии наук 2 марта 2021. Информация от 03.03.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ras.ru/news/news_release.aspx?ID=b2f6b9ce-285d-4b3f-9fe5-c9265c94199e&print=1 (дата обращения 12.08.2025); Она же. О практике сохранения прибалтийско-финских языков России / Заседание Бюро ОИФН РАН 24.02.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yandex.ru/video/preview/14877478562697728233> (дата обращения 12.08.2025).
- ¹¹ Захарова Е. В., Кузьмин Д. В., Муллонен И. И. Карельская топонимия в государственном каталоге географических названий: работа над ошибками // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 3. С. 256–281; Здесь вам не тут. Карельскому лингвисту присвоили звание в Кремле // KAREL.AIF.RU от 14.12.2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://karel.aif.ru/society/persona/zdes_vam_ne_tut_karelskomu_lingvistu_prisvoili_zvanie_v_kremle (дата обращения 12.08.2025).
- ¹² Муллонен И. И. Введение в финно-угроведение = Johdatusta fennougristiikaan: Johdatusta fennougristiikaan: Учеб. пособие на фин. яз. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 124 с.
- ¹³ Ирма Муллонен: «Наука делается коллективом» // OMAMEDIA НОВОСТИ: Национальный медиа портал Карелии от 07.03.2025 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://omamedia.ru/news/irma_mullonen_nauka_delaetsya_kollektivom/ (дата обращения 12.08.2025).

Коллеги из сектора языкоznания ИЯЛИ КарНЦ РАН –
И. А. Кюриунова, Е. В. Захарова, Н. Г. Зайцева

CONTENTS

<i>Patroeva N. V.</i>	
Editorial note	7
RUSSIAN LANGUAGE. NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA	
<i>Mikhailchuk N. A.</i>	
INDIRECT SPEECH REALIZATION OF IMPERATIVE INTENTION IN RUSSIAN PROSE OF THE XX AND XXI CENTURIES	9
IV FORTUNATOV READINGS IN KARELIA	
<i>Alpatov V. M.</i>	
BAUDOUIN DE COURTENAY AND THE PARADIGM SHIFT AT THE TURN OF THE CENTURY	18
<i>Bogdanova-Beglarian N. V.</i>	
“UPDATING THE VOCABULARY SPACE”: NEW ADDITIONS TO THE DICTIONARY OF PRAGMATIC MARKERS OF RUSSIAN EVERYDAY SPEECH	27
<i>Orlitskiy Yu. B.</i>	
FORMATION OF ROMAN JAKOBSON’S VIEWS ON POETRY (1916–1923)	35
<i>Stepanenko V. E.</i>	
PROHIBITIVE CONSTRUCTIONS IN PETER THE GREAT’S PROHIBITIVE DECREES OF 1713–1715	42
RUSSIAN LITERATURE AND NATIONAL LITERATURES OF THE RUSSIAN FEDERATION	
<i>Kolokolova O. A.</i>	
ORTHODOX FOUNDATIONS OF RUSSIAN LITERATURE IN KARELIA DURING THE XX–XXI CENTURIES	48
<i>Jiang Yu.</i>	
THE IMAGE OF THE CHINESE IN VSEVOLOD IVANOV’S PROSE: FROM “ABSORBED BY HISTORY” TO “MAKING HISTORY”	58
VIII INTERNATIONAL CONFERENCE «RUSSIA AND GREECE: DIALOGUES OF CULTURES»	
<i>Popova T. G.</i>	
“MONASTIC FEATS” CYCLE BASED ON STEP 5 OF <i>THE LADDER OF DIVINE ASCENT</i> BY ST. JOHN CLIMACUS ON ICON NO 1452 FROM THE MUSEUM OF FINE ARTS OF THE REPUBLIC OF KARELIA	65
<i>Prikhodko E. V.</i>	
“LIGHT-BEARING SHORE” OR “LIGHT-BEARING RAY”: WHAT WAS THE LAST WORD OF THE N-VERSE OF THE ALPHABETICAL ORACLE FROM HIERAPOLIS?	75
<i>Razumovskaya E. A.</i>	
THE IMAGE OF HOMER IN FRANCESCO PETRARCH’S <i>EPISTOLAE DE REBUS FAMILIA- RIBUS</i>	84
<i>Tresorukova I. V.</i>	
THE “OVEREATING” SEMANTIC FIELD IN THE GREEK LINGUISTIC WORLDVIEW	90
<i>Shcheglova O. G.</i>	
FROM THE GREEK VERSE SYNAXARION TO THE OLD RUSSIAN STISHNOY PROLOGUE: TEXTUAL ISSUES	97
<i>Zakharchenko A. O.</i>	
SALLUST’S USE OF THE PARTICIPLE <i>PER- CULSUS</i> AS ONE OF THE MEANS OF STYLE ARCHAIZATION	106
<i>Nikitin A. A.</i>	
UNPUBLISHED COURSE OF LECTURES “GREEK STATE ANTIQUITIES” BY D. F. BELYAEV	111
Anniversaries	
<i>Kyurshunova I. A., Zakharova E. V., Zaytseva N. G.</i>	
A scholar, a teacher, an enlightener: celebrating the anniversary of Professor Irma Mullen	119

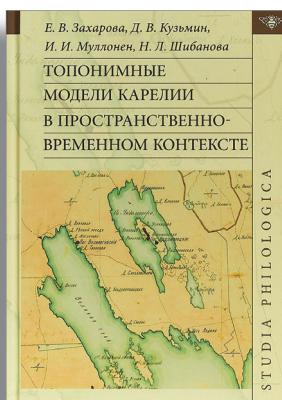

Ирма Муллонен

ВВЕДЕНИЕ В ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

В пособии освещаются основные этапы становления и развития финно-угорской языковой общности с упором на прибалтико-финскую языковую историю. Важное место отводится контактам с иносистемными, главным образом индоевропейскими, языками. Рассматриваются основные фонетические, морфологические и лексические особенности финно-угорских языков, а также история финно-угроведения XIX–XX вв. Пособие включает иллюстративный материал – рисунки-карты, представляющие ареальную характеристику событий финно-угорской языковой истории.

Муллонен И. И. Введение в финно-угроведение : учебное пособие на финском языке = Johdatusta fennougristiikkaan / Петрозаводский гос. ун-т. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. – 124 с.

Е. В. Захарова, Д. В. Кузьмин, И. И. Муллонен, Н. Л. Шибанова ТОПОНИМНЫЕ МОДЕЛИ КАРЕЛИИ В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Монография посвящена исследованию топонимных моделей на материале географических названий Карелии и сопредельных областей с целью выявления и анализа принципов наименования географических объектов, роли типовых моделей в процессе номинации и механизмов формирования топонимической системы территории. Для доказательства высказанных положений анализируются т. н. квализитивные топоосновы, входящие в число типовых и характеризующие размер, форму и относительное местоположение объекта. Выявляются отраженные в топонимии особенности номинации, свойственные разным этноязыковым коллективам, населявшим Карелию: саамам, вепсам, карелам, русским. Предложен целый ряд новых авторских этимологий топонимов, в том числе бытующих в регионе Русского Севера.

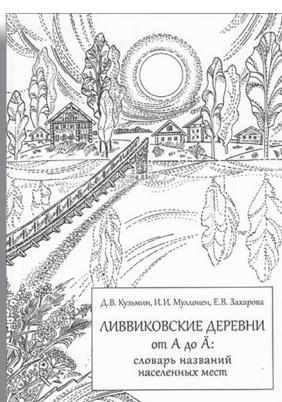
Захарова Е. В. Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте [монография] / Е. В. Захарова, Д. В. Кузьмин, И. И. Муллонен, Н. Л. Шибанова; Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории, [под ред. И. И. Муллонен]. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. – 269 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС ВЕПССКОГО ЯЗЫКА. ЛАВЯ

Вепсы – один из малочисленных народов Российской Федерации, потомки древней вепси, издавна проживали совместно с восточными славянами (русскими) на территории между Ладожским, Онежским и Белым озерами и упоминаются в «Повести временных лет» как один из народов, который вместе с русскими участвовал в привозании варягов на Русь. Вепсы почти одновременно с русскими приняли православие, и в дальнейшем их существование отразилось на всех уровнях вепсского языка. При этом вепсский – один из семи прибалтико-финских языков – сохранил яркое исконное наследие, а также включает определенные самобытные признаки, не имеющие аналогов в родственных языках. «Лингвистический атлас вепсского языка» (ЛАВЯ) выполнен на оригинальных материалах по вепсскому языку, собранных как полевым путем, так и из архивных и опубликованных источников. Он включает в себя 150 лингвистических карт, которые демонстрируют ареальную дистрибуцию вепсских языковых явлений на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях.

Лингвистический атлас вепсского языка. ЛАВЯ / [Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен, С. А. Мызникова, О. Ю. Жукова, И. В. Бродский]; под общ. ред. Н. Г. Зайцевой, Федер. исслед. центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Ин-т языка, литературы и истории. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. – 573 с.

Д. В. Кузьмин, И. И. Муллонен, Е. В. Захарова ЛИВВИКОВСКИЕ ДЕРЕВНИ от А до Ё: словарь названий населенных мест

В словаре включено более 650 ойконимов – наименований населенных мест южной Карелии, где традиционно проживают карелы-ливвики. Издание продолжает вышедший в 2021 г. «Словарь названий населенных мест карелов-людиков» и построено по тому же принципу. В каждой словарной статье приводится русское и карельское название поселения. Прослежена история становления топонима по историческим источникам и картам на протяжении почти пятисот лет, начиная с середины XVI в. В заключительном разделе статьи предлагается расшифровка происхождения названия, благодаря чему восстановлены имена основателей и первых жителей многих деревень, раскрыты некоторые страницы местной истории и географии.

Кузьмин, Д. В. Ливвиковские деревни от А до Ё: словарь названий населенных мест / Д. В. Кузьмин, И. И. Муллонен, Е. В. Захарова ; под общ. редакцией И. И. Муллонен ; Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2025. – 350 с.

